

• ТАЙНЫЙ ДНЕВНИК •
НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ

Клод Марк Камински

Pocket book. Эксмо

Клод Марк Камински
Тайный дневник
Натальи Гончаровой

«Эксмо»

2024

УДК 821.133.1-311.3
ББК ББК

Камински К.

Тайный дневник Натальи Гончаровой / К. Камински — «Эксмо»,
2024 — (Pocket book. Эксмо)

ISBN 978-5-04-213033-5

Кто убил Пушкина? Автор, Клод Марк Камински, француз с русской душой, ведет расследование по тайному личному дневнику Натальи Гончаровой. Сама история общеизвестна: в 1837 году Александр Пушкин, самый знаменитый поэт России, умер от раны, полученной на дуэли.

Его противником был французский офицер Жорж Дантес. Тот был настойчивым поклонником жены поэта - Натальи Гончаровой. На первый взгляд, банальное классическое происшествие: обезумевший от ревности муж убил тем, кого считал любовником жены! Казалось бы, все удовлетворены таким объяснением этой взволновавшей всю страну смерти... Но недавно обнаруженные документы заставят нас задуматься, так ли все было очевидно? Художественный роман, в котором достоверные события, даты и цитаты переплетаются с полностью вымышленными фактами, приоткроет вам завесу тайны и даст новые поводы для размышлений.

УДК 821.133.1-311.3

ББК ББК

ISBN 978-5-04-213033-5

© Камински К., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Пролог	9
1. Кто я?	13
2. Красавица и чудовище	15
3. Детство и юношество	18
4. Моя встреча с Александром	32
5. Возвращение Александра	39
6. Александр отказывается от женитьбы	48
7. Наталья Ивановна теряет голову	52
8. Коммерческие переговоры	64
9. Женитьба	67
10. Ты и вы	75
11. Литературное творчество	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Клод Марк Камински

Тайный дневник Натальи Гончаровой

*Моим детям, внукам и так далее...
эта литературная фантазия!*

© Клод Марк Камински, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Юному Илье Свиридову было пятнадцать лет; свободно владеющий французским, великолепно образованный блестящий ученик, он каждый день в полдень приходил со своей подругой ко мне в кабинет, чтобы поговорить о французской литературе, особенно о писателях XX века, страстным поклонником которых он был.

Мы много беседовали и о русских писателях.

Как и все, я читал «Пиковую даму» Александра Пушкина.

Хотя Илья был еще подростком, творчество Пушкина он знал на удивление хорошо. Именно он с мельчайшими историческими подробностями описал мне трагический конец поэта.

Должен заметить, что, по любопытному стечению обстоятельств, у самого Ильи было много общего с Пушкиным, достаточно вспомнить его пышную шевелюру!

Все новое Илья всегда воспринимал с юношеским пылом, его жажда знаний была неутолима. Живой, мгновенно на все реагирующий, он был остер на язык: когда в его умных глазах вспыхивал огонек, следовало ожидать неожиданного или глубокого замечания, всегда исполненного юмора.

Еще одна черта, роднившая его с Пушкиным, – неоспоримый шарм, дар покорять, насколько я могу судить по количеству девочек, для которых он был центром притяжения. Его товарищи-мальчики относились к нему с любовью и восхищением; даже старшие приходили спрашивать у него совета!

Его чувство справедливости, такое же обостренное, как у его любимого поэта, заставляло Илью вставать на защиту своих одноклассников, когда он считал их жертвами необоснованных санкций, и в таких случаях он превращался в самого красноречивого адвоката; он не жалел своих талантов юного страстного оратора, и иногда ему удавалось переубедить взрослых!

Илья в полной мере наслаждался жизнью. От него исходила дерзкая радость бытия, и, как ни удивительно, казалось, что все ему удастся: его интеллектуальные способности открывали ему двери самого престижного юридического университета.

Я жил во Франции и руководил в Нормандии одной из самых уважаемых школ-пансионов. Ученики съезжались к нам со всего света, и многие – из России.

В моей долгой карьере директора школы он стал самым выдающимся иностранным учеником, какого я только видел, и, учитывая, что он был не по годам развит, самым зрелым и здравомыслящим. При поступлении в нашу школу он не говорил ни слова по-французски, а год спустя он без всяких записей произнес поразительную, трогательную речь на праздновании окончания учебного года; тысяча человек – родителей, преподавателей и учеников – устроили ему дружную овацию!

Увы, внезапная остановка сердца скосила его в самом расцвете лет.

Этими строками я хотел бы с большим волнением почтить его память и выразить его родителям самое глубокое сочувствие и самое искреннее расположение.

* * *

В силу бессознательного атавизма меня всегда привлекала русская литература; очевидно, сыграл свою роль тот факт, что моя бабушка была русской.

Однажды в Париже в метро я заметил огромную афишу, объявляющую о единственном представлении «Евгения Онегина», которое должно было состояться в тот же вечер. Для меня

Пушкин был неким русским автором, и прочел я у него, должен признаться, всего одно произведение – «Пиковую даму».

Не хотелось бы проявлять излишнюю жесткость или высокомерие, но Пушкин во Франции разделил судьбу Марселя Пруста. За исключением небольшого числа особо начитанных, мало кто ознакомился со всем его творчеством, зато все знают историю с пирожным «мадлен» и лелеют иллюзию, что являются страстными почитателями прустовской прозы.

Я поспешил в театр Шатле, где шел спектакль; в тот вечер был аншлаг, но мне удалось купить билет с рук.

Я увлеченно следил за развитием сюжета, потрясенный необычайной игрой артистов.

Хотя русский язык мне был совершенно не знаком, в знаменитом письме главной героини, Татьяны, я сумел ощутить и прочувствовать все нюансы трагической печали.

Подобно виртуозному скрипачу, Пушкин извлекал из своей «Страдивари» волшебные мистические ноты, пришедшие из иного мира.

Низкий, идущий из самого нутра меланхоличный голос Онегина отвечал пронзительной, душераздирающей жалобе Татьяны; она изливала свое любовное отчаяние и смятение.

Я впервые слушал русскую оперу, и этот трогательный дуэт потряс меня; едва вернувшись домой, я устремился к книжным полкам, торопливо прочел французский перевод драмы, и тут я понял: Пушкин был гением!

С той поры случилось так, что я на целых пять лет перебрался в Россию, в Москву. Всего сто метров отделяют меня от дома, где жил Пушкин со своей женой Натальей, окна моей квартиры выходят на маленький сквер, где возвышается статуя... Пушкина.

Я увлекся историей жизни и мучительного конца этого поэта и писателя, Александра Сергеевича Пушкина, погибшего на поле чести.

Во вступлении к своему «Началу автобиографии» он писал: *«Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи ... От него произошли Мусины, Бобрищевы... КАМЕНСКИЕ!»*

Прочтя эти слова, я почувствовал, как радостно забило сердце, и наивно увидел в них сбывшееся предчувствие.

Предназначение или любопытное совпадение?

Введение

Эта история истинна, поскольку я сам ее выдумал.

Борис Виан

Пушкин для России является тем же, чем Гюго и Бальзак для Франции, Шекспир для Англии, Гёте для Германии, Данте для Италии, Сервантес для Испании...

Пушкину посвящены многие сотни книг, ни один другой русский автор, даже Достоевский или Толстой, не знал такого пристального изучения, такого количества толкований и такого восхищения.

Однако, насколько мне известно, не было ни одного исследования, посвященного Жоржу Дантесу, убийце Пушкина; очень немногие писали о героине этой трагедии, Наталье Гончаровой.

Имя великого, блистательного, бессмертного Пушкина затмило остальные; его супруга Наталья оказалась немного забытой; Жорж Дантес, ее воздыхатель (не путать с героем Александра Дюма!), исчез совершенно, погребенный в лимбах Истории.

Роман, который вы сейчас держите в руках, – чистый вымысел! Он совершенно не претендует на установление некоей исторической истины. И точно так же не является он и исследованием; некоторые вполне достоверные факты, даты, цитаты и события переплетаются с другими, полностью вымышленными и остающимися плодом воображения.

Сама история общеизвестна: в 1837 году самый знаменитый поэт России Александр Пушкин умер от раны, полученной на дуэли, где его противником был французский офицер Жорж Дантес, настойчивый поклонник жены поэта Натальи Гончаровой.

На первый взгляд, вполне банальное классическое происшествие: обезумевший от ревности муж убит тем, кого считал любовником жены! Казалось, все были удовлетворены таким объяснением этой взволновавшей всю страну смерти.

Но так ли все очевидно?

Принимая во внимание недавно обнаруженные документы, мы вправе задать вопрос:

Кто убил Пушкина?

Пролог

Перед вами самая необычайная история, произошедшая в России в начале девятнадцатого века.

Загадка, которая, несмотря на многочисленные посвященные ей исследования, до сих пор не открыла своей тайны.

Этот рассказ начинается, как волшебная сказка:

«Жил-был тридцатилетний мужчина, безумно влюбившийся в юную шестнадцатилетнюю девушку...»

И далее:

«Она была первой красавицей России,

Он – величайшим поэтическим гением страны...»

Но очень быстро сказка оборачивается кошмаром, а потом и трагедией:

Внезапно появляется другой мужчина, красавец-француз; он видит эту женщину и страстно влюбляется в нее.

Дуэль, смерть... На этом история могла бы и закончиться, но все не так просто. Мне приснился удивительный сон.

Александр Сергеевич Пушкин десятки раз ввязывался в ссоры, бросал вызовы или получал их; по большей части поводы были самыми незначительными: не так понятая шутка, двусмысленное поведение, обидная критика какого-либо его произведения – Пушкин такого не прощал... Высокомерный, самоуверенный, задиристый, он мгновенно доводил дело до вызова.

Неисправимый бретёр, он был одержим дуэлью как в жизни, так и в творчестве.

При рождении две богини склонились над его колыбелью: Каллиопа благословила поэзию, Афина – дуэли; Пушкин почитал себя неуязвимым!

Он постоянно назначал смерти свидание по случаю очередной дуэли, но не знал, явится ли та сегодня, поскольку всякий раз она элегантно и учтиво уклонялась от встречи.

На этот раз его противником был блистательный французский офицер Жорж Дантес, приехавший в Россию в 1834 году, который настойчиво и дерзко домогался его жены, великолепной, ослепительной Натальи Гончаровой.

Много было тех, кто желал, чтобы Александра Пушкина не стало; в подозреваемых не было недостатка.

«Двенадцать персонажей в поисках убийства»¹ – так можно было бы озаглавить эту историческую фантазию.

Как положено в трагедии или драме, приведем список действующих лиц:

1. Император: обольститель и оппортунист; по отношению к Пушкину вел себя то как каратель, то как защитник. Учитывая творения и харизму поэта, он считал Пушкина раздражающим оппозиционером. Царь полагал, что тот мог оказывать серьезное влияние как на образованную часть общества, так и на народ в целом.

2. Бенкендорф: генерал, шеф полиции, верный слуга императора, слепо ему преданный; он выставлял Пушкина опасным вдохновителем бунта. Инквизитор по натуре, он скрывал свою вечную подозрительность за внешней любезностью.

3. Граф Нессельроде: министр иностранных дел, личный друг императора, он был убежден, что произведения Пушкина несут в себе подрывные идеи, которые и взяли на вооружение заговорщики-декабристы.

---

¹ По ассоциации с пьесой Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора» (здесь и далее примечания переводчика).

4. Графиня Нессельроде: на одном из балов Пушкин серьезно оскорбил ее; униженная, злопамятная, она ждала часа поквитаться.

5. Булгарин: журналист и писатель, непримиримый враг поэта, литературному успеху которого отчаянно завидовал. Владелец самой крупной и модной газеты «Северная пчела», он опасался, что вскоре появится журнал Пушкина; украл у поэта некоторые идеи «Бориса Годунова», совершив серьезный плагиат.

6. Александр Булгаков: московский почт-директор, он чуть не лишился чувств, когда тайком читал письма Пушкина.

7. Екатерина Гончарова: была безумно влюблена в Александра, которому так никогда и не простила, что его выбор пал на ее сестру Наталью.

8. Петр Ланской: офицер, друг и наперсник Жоржа Дантеса; был очарован Натальей, которую страстно, но тайно желал.

9. Идалия Полетика: кузина и наперсница Натальи, безумно влюбленная в Жоржа Дантеса, бывшая любовница Петра Ланского; интриганка, ненавидящая Пушкина за то, что он отверг ее заигрывания.

10. Жорж Дантес: убийца. Денди, жиголо, поклонник, потерявший голову от любви к Наталье; единственным препятствием к обладанию боготворимой женщиной был Пушкин, ее муж.

11. Наталья Гончарова: обожаемая супруга поэта, которую жизнь с нелюбимым человеком вгоняла в жестокую тоску. Выйдя замуж из семейных и финансовых соображений, она терпела этот союз, и только. Жорж Дантес предоставил ей прекрасную возможность скрасить ее монотонное существование. Делая вид, что разделяет его страстные романтические чувства, она лишь стремилась жить собственной жизнью, и на пути к этой цели имелась единственная препона: ее супруг Пушкин!

Как в детективном романе, загадка разрастается, становясь все сложнее и туманнее; она позволяет множество толкований; они, в свою очередь, с каждым годом подпитываются новыми документальными свидетельствами.

Следуя примеру некоторых фильмов, в финале должно появиться предупреждение: *«Все обстоятельства, события и действующие лица данного произведения являются чистым вымыслом; любое сходство с реально существующими или существовавшими людьми – не более чем случайное совпадение».*

Однако нельзя отрицать, что в жизни бывают самые странные и непредвиденные случаи, когда Вымысел сливается с Реальностью или наоборот...

Вот другая Наталья Гончарова, другой Александр Пушкин, другой Жорж Дантес... такие, какими я их придумал и вообразил.

Историческая правда, пусть даже слегка пострадавшая, пробуждает фантазию вплоть до полного своего преображения и служит мощным двигателем творчества.

Каждому из нас случалось по собственному желанию изменять или лепить заново как реальных людей, так и вымышленных, делая их в своем воображении такими, какими нам хотелось бы их видеть...

Было найдено множество писем Пушкина как на русском языке, так и на французском; например, некоторые из них опубликованы русским хореографом Сержем Лифарем. Другие находятся в российских музеях и домах, где проживала супружеская чета; они адресованы друзьям, подругам и Наталье.

Письма Жоржа Дантеса остались у его наследников, и некоторые из наследников, по словам Серены Витале, автора книги «Пуговица Пушкина», как ни странно, отказываются эти письма показывать. Многое остается под покровом глубокой тайны...

Что стало с письмами Натальи Гончаровой? Все они исчезли, и до сегодняшнего дня не было найдено ни одного!

Выдающиеся биографы, такие, как Анри Труайя, Анри Гурден, Серена Витале, Лоранс Катино-Крос, пришли к тому же результату: никаких следов!

Директриса дома-музея в Москве, на улице Арбат, где жили Пушкин с Натальей, высказала такую гипотезу: эти письма были похищены из московского Государственного музея во время революции.

Однако Серена Витале обнаружила необыкновенный документ.

В самом конце своего исследования она публикует редчайший текст:

Последнее загадочное письмо, приписываемое Наталье Гончаровой и датированное 10 июня 1844 года, то есть за месяц до ее второго бракосочетания 16 июля 1844 года!

Наталья, скрыв свое настоящее имя под именем... Маша, в последний раз обращается к Жоржу Дантесу, умоляя сжечь все ее письма, как и ее портрет, чтобы она могла начать новую жизнь...

В своем письме Наталья-Маша пишет:

«Жорж, я убеждена, что вы человек чести, а потому без секунды колебаний обращаюсь к вам с просьбой о жертве. Я собираюсь замуж и желала бы стать хорошей, добропорядочной супругой; мужчина, за которого я выхожу, заслуживает счастья – а потому умоляю вас, сожгите все полученные от меня письма, уничтожьте мой портрет. Принесите эту жертву ради моей безопасности, ради моего будущего. Я прошу вас об этом во имя тех нескольких дней счастья, которые я вам дала. Вы заставили меня задуматься о своей жизни, об истинном призвании женщины. Вы не захотите разрушить дело рук своих, сделав невозможным мое обращение к добру, – не пишите мне больше, я не должна получать ни единой строчки, которую мой муж не смог бы прочесть. Будьте счастливы так, как я того вам желаю, всем счастьем, о коем я мечтала для вас и кое судьба не позволила мне вам дать. Отныне мы разлучены навсегда, пребывайте в уверенности, что я никогда не забуду, что вы сделали меня лучше и именно вам я обязана добрыми чувствами и здоровыми мыслями, которые мне были незнакомы до нашей встречи... Еще раз прощайте, Жорж».

Если только этот документ не очередной апокриф! Возможно, после смерти мужа ей удалось заполучить свои письма и, решив начать с *tabula rasa*², она собственноручно сожгла их? Тайна, сравнимая с загадкой «Железной маски»!

Значит, Наталья сама попросила Жоржа Дантеса поставить крест на прошлой жизни.

Но к тому моменту, когда читатель прочтет эти строки, все подобные гипотезы рухнут одна за другой...

Однажды утром, когда я работал над этой вымышленной историей, в мою дверь позвонили, и консьерж передал мне заказную бандероль; я открыл ее и обнаружил рукопись.

На первой странице название: КТО УБИЛ ПУШКИНА? Внизу несколько строк, написанных каллиграфическим почерком:

«Сударь,

Я узнала о приложенных вами усилиях, о вашей настойчивости и упорстве, с которыми вы пытаетесь отыскать письма Натальи Гончаровой и Жоржа Дантеса.

И я приняла решение в качестве великого исключения, дабы удовлетворить ваше любопытство, передать вам личный дневник Натальи Гончаровой, нашей прапрабабушки, кото-

---

² Чистый лист (лат.).

рый мы хранили из поколения в поколение и с которым только сейчас впервые кого-либо знаем.

Причина проста: мы хотели скрупулезно исполнить последнюю волю, изложенную ею в завещании; нам было разрешено обнародовать ее дневник не ранее 1 мая 2019 года, то есть день в день через сто девяносто лет после той даты, когда Александр Пушкин попросил руки Натальи Гончаровой!

Используйте его во благо.

*С дружескими чувствами,
праправнучка Натальи Гончаровой»*

1. Кто я?

Женщинам всего мира

Я долго колебалась, прежде чем начать вести этот дневник.

Как я узнала позже, многие из нас для интимных откровений обзаводились тайным дневником; нас называли «дайристами» – очевидно, от английского «diary», означающего дневник, записную книжку.

Мы не только доверяли дневнику самые сокровенные мысли, размышления о друзьях, знакомых, местах, где бывали, но и записывали важные придворные события: дни рождения, бракосочетания, политические происшествия.

Я не стала выстраивать записи в хронологическом порядке. Я лишь постаралась запечатлеть наиболее значимые эпизоды моей жизни с Александром; моей целью было прояснить истину и отместить сомнения относительно многочисленных ложных толкований моего поведения; и наконец, благодаря свидетельствам очевидцев, я восстановила важные моменты, при которых не присутствовала лично.

Меня зовут Наталья Николаевна Гончарова, я супруга гения поэзии Александра Сергеевича Пушкина...

Вероятно, из всех писем, которые я посылала и получала, сохранятся только те, которые я воспроизведу в этом дневнике: все адресованные мне я сожгла, а что до тех, которые были адресованы мною Жоржу Дантесу, то в самом последнем из них, от 10 июня 1845 года, я попросила его также их все уничтожить.

Я намеренно использовала псевдоним Маша, чтобы меня не узнали...

Я не желала, чтобы в зависимости от веяний времени либо настроения комментаторов меня изучали и переписывали мою биографию.

Мои мысли и поступки принадлежат только мне; я единственный их судья и хранитель.

Это мой настоящий личный дневник; я негласно передаю его своим потомкам с тем, чтобы они распорядились им согласно моей последней воле. Этот дневник может быть обнародован не ранее 1 мая 2019 года, то есть ровно через сто девяносто лет после того, как Александр сделал мне предложение...

Когда придет этот день, время уже сотрет в Истории последние мои следы.

У меня была привычка хранить письма Жоржа Дантеса и Александра в небольшой шкапулке розового дерева, одном из подарков мужа ко дню рождения.

Через несколько дней после его смерти я их все перечитала. Некоторые воскресили памятные события, другие были настолько банальны, что я до сих пор спрашиваю себя, зачем он их писал.

Должна признаться, я редко отвечала на его письма; я не могла соперничать или хотя бы приблизиться на толику верст к стилю моего знаменитого поэта... Он подшучивал надо мной, говоря, что я посылаю ему «письма короче визитной карточки»; на самом же деле мне просто нечего было ему сказать! Во многих письмах он призывал меня к соблюдению супружеской верности. Теперь я осознаю, что продиктованы они были не страстью, влюбленностью или чувствами, а лишь постоянно грызущим его «стремлением к обладанию».

Моя жизнь прошла как трилогия, каждую часть которой можно соотнести с одним из романов Оноре де Бальзака.

Вначале «Шагреневая кожа» с Александром: он подарил мне океан мечтаний, но с каждым прошедшим днем этот океан постепенно иссякал; обещания оборачивались разочарованиями, клятвы превращались в предательство.

Слишком поздно поняла я, что делила свою судьбу с исключительным человеком: то был союз воды и пламени или, как сказал бы Александр, слияние Хионы, греческой богини льда, и Гефеста, бога огня!

Затем «Утраченные иллюзии» с Жоржем Дантесом: невинная встреча, которая шаг за шагом привела меня к жеманной куртуазной любви, а затем от жеманства к слепой разрушительной страсти, чтобы закончиться трагедией.

Он, без сомнения, почувствовал, что я была «женщиной в ожидании»; в сущности, Жорж был лишь охотником в засаде, подстерегающим дичь. С ним я воображала себе невозможное счастье, но это была лишь увертка, попытка заполнить пустоту моего существования.

И наконец, «Тридцатилетняя женщина» с Петром Ланским: как если бы после путешествия меж звезд я возвратилась на Землю!

Мои разрозненные воспоминания прилежно занимали свои места.

Бурный поток, едва не выплеснувшийся из своего ложа, вернулся в нормальное русло.

Однако и сейчас, в свои сорок пять лет, подводя итоги, я по-прежнему отказываюсь быть всего лишь заурядной госпожой Бовари!

Когда я заново пересматриваю свои моральные принципы, то спрашиваю свою совесть: в чем меня можно упрекнуть? Конечно, я была кокетка и транжира; без сомнения, мне следовало быть более внимательной матерью; но я была замечательной супругой, поскольку, не считая выкидышей, произвела на свет семерых детей, четверых от Александра и троих от Петра!

И Александр, и Жорж Дантес, и Петр утверждали, что я была воистину «романтическим созданием»; я считала это комплиментом. Намного позже, пытаясь разобраться в собственной личности, я любила отождествлять себя с героинями романов, комедий или трагедий; в каждый решающий момент моей жизни возникала молодая женщина, чей характер я как бы заимствовала...

Я побывала поочередно принцессой Клевской, Селименой из «Мизантропа», Хименой из «Сида», Федрой Расина и, наконец, доньей Соль из «Эрнани» Виктора Гюго. Достигнув зрелого возраста, я поняла, что лишь госпожа де Реналь Стендаля выражала мои самые сокровенные мысли.

Александр говорил, что я женщина-ребенок – капризная, легкомысленная и поверхностная; его это всегда и сердило, и привлекало...

Чтобы получить желаемое, мне достаточно было расплакаться, и он таял!

Мой характер выковали родители: с моей матерью мы жили в нашем доме, как в аду; с отцом были связаны ежедневные драмы. Я ненавидела конфликты и решала множество проблем благодаря своим дипломатическим талантам.

Я была социальным Протеем³: мне нравилось поддерживать в моем окружении уверенность, что я именно такова, какой они желали меня видеть... Это льстило их самолюбию; зачем разочаровывать или противоречить, когда так легко покорять, просто нравясь? Но я попала в собственные сети и очень скоро поняла, что нуждаюсь в других, чтобы существовать. Я могла бы повторить вслед за Гамлетом Вильяма Шекспира бессмертный вопрос «быть или не быть?».

Что до меня, я позволила себе поддаться очарованию, дурману, опьянению придворными балами. Для меня стала наваждением потребность демонстрировать себя, позволять себя разглядывать, постоянно чувствовать себя выставленной напоказ. Очень скоро «выглядеть» стало для меня важнее, чем «быть».

Двор воистину являлся единственным местом, где ты сталкивался с людьми, так с ними и не познакомившись...

---

³ *Протей* – мифологическое существо, обладающее способностью к перевоплощению; мог принимать любые обличья.

2. Красавица и чудовище

Выбор Александра пал на меня не потому, что я была богата, умна или образована, а лишь потому, что я была «красавицей, красавицей, красавицей», как скажет восторженная и шутливая Долли Фикельмон, одна из его бывших любовниц.

Александр только-только пересек символический рубеж тридцатилетия; он горячо желал «остепениться». Разве не сам он написал: «*Мне уж тридцать минуло. В тридцать мужчине должно жениться*». Он прекрасно осознавал, что при дворе его образ «старого холостяка», несмотря на все его бесчисленные победы, пятнает его репутацию.

Знаменитый «Летучий Голландец» после долгого плавания окончательно решил бросить якорь! Я стала его тихой гаванью, по крайней мере, он так надеялся.

В нашем обществе главным была видимость. Александр желал поступить согласно нравам и обычаям того времени: остановить свой выбор на красивой женщине. Мой облик в некотором смысле придавал Александру определенный вес по образу и подобию богатого «барина», вроде тех, кто кичился обилием своих «душ», как то описано в романе Николая Гоголя.

Красота была единственным моим достоянием. Александр прекрасно это понял, я была его рыночной ценностью, наградой, которой он козырял, плодом его побед!

Мы, красивые русские женщины, обеспечивали социальный статус мужчинам, которые нами обладали. С какой великой гордостью на каждом балу мужа с выставляли нас напоказ; как же это походило на парад молодых кобылок в праздничной сбруе. Никто не осмеливался показаться при дворе без парадного убора в виде женщины – супруги, любовницы или обеих сразу. Невозможно было представить себе аристократа без юной красавицы.

В этой аристократической конюшне сочетались браком производили безупречное потомство благодаря скрещиванию чистокровок. Нас выбирали, потому что мы были прекрасными производительницами. Красота наших детей искупала неблагородную внешность наших мужей.

Но они были так горды своей плодовитостью... особенно, если им «приносили» отпрысков мужского пола, которые обеспечат продолжение благородного рода и увековечат их имя в истории. В большинстве своем погрязшие в праздности, придворные мужчины придумывали себе некую деятельность, которая позволила бы им занять свое время и придать себе значимости в глазах императора; возможность предъявить восхитительные плоды своих побед в сопровождении очаровательных детей создавала идиллическую картину: у них возникала иллюзия существования, наличия смысла жизни. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!*⁴

* * *

Без ложной скромности я прекрасно осознавала, что моя красота была носителем агрессивности; можно сказать, что я не была нормальной. Один из моих поклонников, граф Соллогуб, сказал мне, что я «чудовищная Красавица»! Все мое существо излучало дерзость и самоуверенность. На одном из званых вечеров я услышала невольное замечание двух девиц:

– Вы видели чудесное платье Пушкиной? – спросила первая.

– Да, – кивнула вторая, – но это не мешает ей оставаться «Красавицей и Чудовищем»!

Вместе того, чтобы оскорбляться и возмущаться, я лишь вставала перед большим зеркалом моей матери и напевала эту ласкающую слух аллитерацию: Красавица и Чудовище, прелестный оксюморон; Красавица и Чудовище – в этом было нечто демоническое, нечто дьяволь-

---

⁴ Суета сует и вся суета (*лат.*).

ское, как я сама. Красавица и Чудовище – как удобно и уютно; окутанная этим ласкающим коконом, я более не должна была ничего доказывать; мне вполне хватало «выглядеть», чтобы «быть»!

Когда мы появлялись в бальном зале, я возвышалась над мужем; цепляясь за мою руку, он казался более представительным; злые языки перешептывались: «А вот и Венера с Вулканом!»

Один журналист, Булгарин, главный редактор «Северной пчелы», его вечный и неумолимый недруг, напишет с обычной своей злобой, что, когда Пушкин появляется с прекрасной Натальей Гончаровой, складывается ощущение, будто видишь начало известной сказки Шарля Перро «Красавица и Чудовище»! Александр не урод, но и привлекательным его не назовешь. Ничего отталкивающего в нем не было, но маленький рост, смуглая кожа, мясистые губы и курчавые волосы не добавляли ему очарования.

На светских приемах самый захудалый кавалергард затмевал моего бедного Александра.

Все мужчины двора искали моей улыбки, моего взгляда, наклона головы. Моя грудь, которую материнство сделало еще пышнее, была без сомнений самой прекрасной в Санкт-Петербурге! Она сводила с ума всех приближавшихся ко мне мужчин и приводила в восторг императора. Сам он был псевдоморалистом: хотя он полагал своим долгом проповедовать добродетель, это не мешало ему поощрять декольте, порождавшие эротический ветер, веявший при дворе. Мужские взгляды ласкали меня, преследуя по пятам, прежде даже, чем всмотреться в лицо. Что может быть приятнее! Какое счастье выслушивать весь их вздор, глупые комплименты, иногда неуместные, а то и вольные до непристойности намеки. Даже в самых безобидных их замечаниях сквозила едва прикрытая чувственность. При дворе я была без преувеличения самой желанной добычей на этой вечной охоте!

Женщины завидовали моей осиной талии и тайно ненавидели. Они расточали похвалы и лесть, которые оставались лишь ядом замедленного действия.

Мой муж, которым единодушно восхищались, одновременно презирая, совершенно не отдавал себе отчета в той игре, которая велась вокруг нас. Может, ему это было безразлично? Уверенный в себе и в своем таланте, он, казалось, парил над этими окультуренными джунглями, где кишели потенциальные убийцы.

Я познакомилась с Александром в 1828 году. Он писал «Евгения Онегина». Когда мне случается перечитывать его шедевр, я, возможно, греша гордыней, думаю, что он вдохновлялся моим успехом на балах, когда описывал свою героиню Татьяну; все ошибочно полагали, что он посвятил эти строки своей давней любви Анне Керн...

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

При дворе и в салонах я быстро поняла, что следует быть мыслящим зеркалом.

Я являла каждому тот женский лик, какой он желал увидеть. Я стала настоящей женщиной-хамелеоном.

Моя мать, Наталья Ивановна, хотела видеть меня покорной и послушной, подобно образцовым девочкам из историй, придуманных графиней Ростопчиной, она же знаменитая графиня де Сегюр. Мой муж Александр требовал, чтобы я была красивой, блистательной и глупой кук-

лой. Император желал произвести на меня впечатление, покорить и – почему бы нет? – сделать своей вероятной добычей.

Для императрицы я впоследствии стала ближайшей наперсницей и поверенной ее сокровенных мыслей и маленьких тайн.

Генерал Бенкендорф, послушная марионетка императора, надеялся, что я стану женой-шпионкой, которая будет доносить ему обо всех бунтарских мыслях не только самого Александра, но и его друзей, вероятных врагов государства.

Барон ван Геккерн, обожающий своего «приемного сына» Жоржа, хотел поднести ему мое тело богини в качестве жертвенного дара...

Для моей сестры Екатерины я играла двойную роль: вначале она была моей сообщницей в амурных делах с Жоржем Дантесом, а потом стала чем-то прямо противоположным!

Что до другой моей сестры, Александры, то я делала вид, что не замечаю зарождающейся в ней юношеской чувственности; ее пылкая любовь к Александру всегда вызывала во мне глубокое удивление.

И наконец, мой обольстительный воздыхатель Жорж Дантес вполне предсказуемо станет конем на моей шахматной доске... Для него я навсегда останусь лишь блестящей ветреной юной аристократкой, пресыщенной жизнью, которая искала романтического приключения, чтобы развеять скуку.

Я и на самом деле великолепно играла свою роль; никто, даже мой утонченный муж, не знал в действительности, кем я была...

Я укрылась за зеркалом без амальгамы; я создала вокруг себя огромный пузырь, сквозь который наблюдала, ощущала, анализировала и предвидела почти все.

Люди снаружи видели во мне лишь привлекательную и соблазнительную куклу, которая при любых обстоятельствах улыбалась вечной улыбкой Джоконды, двигалась как нельзя более величественно, но плавно, подобно балерине Большого театра, причем каждый ее жест был исполнен аристократической значимости, и с умным и сосредоточенным видом отвечала на светские банальности другими банальностями, не менее пустыми и скучными.

3. Детство и юношество

Сейчас, когда я доверяю этому дневнику самые значимые моменты моей жизни, я стараюсь вспомнить свое детство; к сожалению, приятных воспоминаний у меня немного; ни одно из них не запечатлело со счастьем то время; в судьбе женщины это довольно редкое обстоятельство, заслуживающее упоминания.

Все девочки сохраняют в тайном садике своей души хоть одно событие, хоть один случай, который пусть всего на мгновение осветил их первые годы, я же – ничего.

В двенадцать лет я уже выглядела довольно взросло; в церкви на утренней воскресной службе пылкие взгляды, которые исподтишка бросали на меня шестнадцатилетние юнцы, льстили моему самолюбию; я ловила их с наслаждением, в них уже ощущался аромат греха.

Ближе к четырнадцати годам мои формы приобрели чудесную округлость, я выглядела на шестнадцать.

В шестнадцать мне давали восемнадцать, и я покорила величайшего поэта России!

В восемнадцать я расцвела во всем великолепии и считала себя Королевой Двора...

Я осознала, что красива, с того момента, когда отец более не осмеливался поднять на меня глаза, и что очень красива – когда мать стала ежедневно разглядывать изгибы моего тела, в то время как сама она с каждым днем увядала.

Я потеряла одного за другим друзей детства; их невинное товарищество исчезло, они превращались в жадных хищников, всматриваясь в свою первую юную добычу; вот тогда я и почувствовала, что покинула планету Отрочество.

В зависимости от возраста молодые люди мечтали о моих грудках, мужчинам не давали покоя мои перси, старикам мой стан, одним словом, ваятель с особым вниманием отнесся к моему бюсту!

Каждый день я разглядывала свои очертания греческой богини; они могли соперничать с самыми прекрасными формами в Империи.

Мужские взгляды неотступно следовали за мной; я понимала, что стала настоящей женщиной, и женщиной желанной.

Это не ускользнуло от нашей матери, имевшей еще двух дочерей, которых она также стремилась поскорее пристроить, как и меня саму.

Ее главным желанием было выдать нас замуж, «определить», как она выражалась.

Две мои сестры, Екатерина и Александра, не разделили со мной счастья особой благосклонности богов. Екатерина была слегка полновата, а Александра страдала легким косоглазием, которое, однако, придавало ей загадочное очарование...

Меня же осыпали похвалами: графиня Фикельмон, супруга австрийского посла, часто бывавшая при дворе, писала: «Она совершенное создание как по лицу, так и по формам». Почт-директор Булгаков, личность неприятная и опасная, вторил ей: «Стать богини и изумительное лицо». Граф Соллогуб добавлял: «Возможно, в течение своей жизни я встречал и более привлекательных красавиц, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее».

Некоторые женщины рождаются некрасивыми, а то и очень некрасивыми; с ними всё просто – им суждено внушать жалость; иногда над ними подсмеиваются, но со временем привыкают к их злосчастью; а главное, они не вызывают никакой зависти или ревности!

Если они ничем не примечательны, то растворяются в каждодневной тусклости и к полудню превращаются в тени...

Наша семья древностью рода похвастаться не могла: по отцовской линии мы происходили из мещан, и дворянством были пожалованы за финансовые успехи деда, бумагопромышленника, составившего себе состояние.

Его житейская хватка была вознаграждена: официальный поставщик двора, он стал кавалером ордена Святого Владимира и таким образом вступил в дворянское сословие... Он завещал свое огромное богатство моему отцу, оказавшемуся ничемным управляющим, который поспешил это богатство распылить и растратить. Мы остались практически без гроша.

Мой отец принадлежал к тому роду мужей, в чьей семье равновесие сил сначала было нарушено, а потом пошло прахом. В первое время своего брака он был очень активен и управлял своим имением; он знал каждую «душу» по имени и заботился об их благосостоянии. Крестьяне уважали его и боготворили. Они говорили ему:

– Ты наш хозяин и отец родной.

В сущности, отец был на свой манер революционером или, скорее, либералом, потому что ненавидел крепостничество и желал его отмены. Он, рискуя навлечь на себя гнев матери, осмеливался утверждать, что крепостное право не только губительно для российской экономики, но угнетение несчастных крестьян является еще и моральной ошибкой. Кстати, под покровом глубочайшей тайны он увлекся очень красивой крепостной, которой втихомолку дал вольную!

До некоторых пор ничего не решалось и не происходило без его согласия и благословения, но мало-помалу он перестал получать удовольствие от управления своими людьми или от их вразумления. Без сомнения, он осознал тщету усилий и устал от бесполезной власти.

Бдительная мать быстро уловила этот перелом и воспользовалась им, чтобы отгрызть то, что более не представляло для него интереса. Он скинул на нее остатки своего отцовского авторитета. Этот переход осуществлялся незаметно, но ежедневно, как сыплются песчинки в песочных часах. Шли дни, недели, месяцы, и мать жадно сгребала под себя отцовское начало в семье. Она навязывала ему даже место, время и продолжительность супружеских радостей! До нас с сестрами в доме ясно доносились отзвуки их эротических утех... Эта жестокосердная богомолка превратила его в сексуального раба. За столом она присвоила себе единственное право голоса; если отец осмеливался высказать свое мнение, она его грубо обрывала. А он замолкал и тихо сидел до конца трапезы, окончательного спасовав. Повелитель стал подчиненным; родилась «*mater familias*»⁵.

Отец укрылся в единственном убежище, на которое она никогда не покушалась: в нежности. Он превратился в ласкового любящего родителя, всегда готового нас простить и защитить от бесчинства и несправедливости матери. Он по-настоящему взял на себя все материнское начало, став «добрым папенькой», как мы привыкли его называть.

В результате падения с лошади наш бедный отец потерял рассудок. Лишенный отныне чувства ориентации, он и по дому-то не мог передвигаться без компаса... В любой момент смех у него сменялся слезами.

Мать, опасаясь его непредсказуемого поведения, решила более не разделять с ним супружескую постель и отправила мужа в дальнюю часть дома, в отдельную комнату.

С ним и впрямь часто случались приступы безумия; не вынеся очередных упреков матери, он мог гоняться за ней по коридорам, верхом на воображаемом коне и вопя во все горло: «Агу, агу его!»

Однажды вечером отец вышел из своей спальни и вместо того, чтобы туда вернуться, оказался в комнате гувернантки и забрался к ней в постель... Эрос не преминул явиться и подтолкнул отца к весьма предприимчивым действиям; она проснулась и подняла крик... скандал на весь дом! Мать, пребывавшая в глубоком сне, впала в страшную ярость, осыпала отца уда-

---

⁵ «мать семейства» (лат.).

рами и погнала в его спальню; финал сцены! Мы не знали, смеяться или сочувствовать гувернантке.

Я заметила, что после своего злосчастливого падения он проявлял особенное внимание к женскому полу, в частности ко всем служанкам.

Имелась еще одна проблема: когда мать ему противоречила, он хватал огромный мясницкий нож и бегал за ней по всему дому, осыпая всевозможными ругательствами.

После множества подобных случаев она в конце концов решила подвергнуть его окончательному заточению. Теперь он имел право только присутствовать на общих трапезах, в присутствии слуг и только когда мать звонила в колокольчик!

Едва проглотив последний кусок, он должен был удалиться в свою берлогу. Если мать выпивала больше обыкновения, случалось, что она прибегала в обращении с ним к рукоприкладству; после злосчастливого происшествия с гувернанткой она, казалось, даже вошла во вкус.

Мы, безусловно, были единственной семьей в России, где царил абсолютный матриархат; в противоположность русской традиции, именно женщина измывалась над супругом и имела над ним полную власть; уникальный случай, великое исключение.

На самом деле в те времена мужчины, главным образом крестьяне, по обычаю били своих жен. К счастью, императрица Елизавета издала закон, который нас защищал. Благодаря этому пресловутому закону от 1753 года замужние женщины могли сохранить свое имущество после замужества; это нас и спасло. Сама того не ведая, она тем самым уберегла нашу семью от полного разорения. Отец, полностью потеряв рассудок, постоянно делал подарки любому, кто его об этом просил.

Однажды после полудня, неожиданно вернувшись домой, мать увидела десяток крестьян, выносящих из дома мебель.

Чудом она появилась вовремя, чтобы вернуть все на место; можете представить себе эпическую сцену, которая за сим последовала...

Происхождение матери оставалось тайной. По ее словам, она могла быть незаконнорожденной дочерью татарского князя. Она отказывалась говорить о своих предках; если мы проявляли настойчивость, ее охватывал страшный гнев, и мы меняли тему.

Глядя на ее портреты в молодости, я понимала, что она была ослепительной и истинной «королевой красоты», как принято говорить: огромные черные глаза, затмевающие идеальный овал лица, удивительный крошечный ротик в форме сердечка, лепные очертания губ и, наконец, бесконечной длины смоляная коса, небрежно спадающая и выющаяся вдоль шеи.

Ее угольные глаза и вызывающий взгляд покорили и оставили ни с чем множество безутешных воздыхателей. Она даже хвастала тем, что пленила любовника императрицы, и теперь я ей верю. Но она плохо старела и мало-помалу стала сварливой и скупой.

Сварливой – ибо она видела, что дурнеет, завидовала мне и смотрела на меня уже не как на свою дочь, но как на соперницу, желающую похитить то положение, которого она лишилась уже давно.

У нее не только испортился характер, она еще стала ханжой. Таким образом она пыталась придать смысл своей печальной и тусклой жизни.

Навязчивые идеи матери душили нас; она решила, что я должна выйти за почтенного князя Мещерского, который меня совершенно не привлекал; она преследовала меня своими настоятельными убеждениями, что он спасет нас из того жалкого состояния, в котором оказались наши финансовые обстоятельства.

На деле же мать продолжала изображать из себя важную персону, хотя весьма скудный достаток не мог не сказаться на нашем образе жизни... Вспоминая о том, что мы ежедневно ели, я понимаю, насколько уместно слово «скудный».

Конечно, говорить о нищете было бы преувеличением, но жили мы небогато. Дабы поддержать видимость, мать приказывала каждый вечер стелить на огромный стол в обеденном

зале богато вышитую скатерть, часть семейного наследства; выставялась редчайшая фарфоровая посуда знаменитого Императорского завода, основанного в 1744 году императрицей Елизаветой. Это был свадебный подарок, но мать так и не пожелала открыть нам имя щедрого дарителя.

И каждый раз, когда мы рассаживались за столом, для матери наступал важный момент полной сосредоточенности; она испускала глубокий вздох... Без сомнения, то было нежное воспоминание или великая страсть. Затем выносили бокалы хрусталя Сен-Луи и великолепные столовые приборы массивного серебра, которые она купила за гроши у разорившегося французского иммигранта после отчаянного торга.

В центре стола возвышались три изумительных подсвечника, тоже из массивного серебра – семейные сокровища.

При первом властном звонке колокольчика матери три милостивые служанки в костюмах суреток из какой-нибудь комедии Мольера спешили подать и торжественно водрузить на стол безукусный отвратительный прозрачный суп, который она именовала «суп королевский велюте»!

Мать восклицала:

– Франсуа!

Она постоянно произносила на французский лад все имена нашей челяди. Настоящее имя слуги было Фрол...

В одно мгновение «Франсуа» преображался, как Жак в «Скупом» Мольера⁶, в любого из приближенных – в кучера, в садовника, в дворецкого... Он с важностью рявкал:

– Королевское консье Марии-Антуанетты!

Мы молча благоговейно ждали, пока мать возьмется за один из своих бесценных столовых приборов, выдержит паузу и проглотит первую ложку, подавая знак к началу пиршества...

За столом не произносилось ни слова, нам с сестрами строго запрещалось разговаривать между собой. Следовало подождать, пока мать обратится к нам, чтобы открыть рот. Но мы нашли выход, который я осмелюсь назвать гениальным: «язык глухонемых». Укрывшись ото всех в своей спальне, мы учились читать по губам; мы постепенно отсаживались все дальше друг от друга, чтобы научиться разбирать слова; мы получили возможность общаться на расстоянии, это был настоящий подвиг. Сидя за столом, едва мать отводила взгляд, занятая чем-то другим, мы трое могли вести настоящий разговор.

А за столом – ни единой интересной темы, ни единой радостной новости, ни проблеска шуток. Лишь череда нравоучений, очередное перечисление бесчисленных запретов, пересказ городских сплетен. Тем временем при каждой смене предмета разговора дворецкий превращался в сомелье и наливал ей чудовищное пойло.

Словно речь шла о редчайших марочных винах бордо или бургундских, она действовала так, как подметила в ресторане «Дюме». Франсуа откупоривал перед ней бутылку самой отъявленной бурды, нюхал пробку, предъявлял ее матери, та кивала; сомелье – раз уж он на тот момент так назывался – плескал несколько капель жидкости в ее бокал, она несколько секунд вращала его, подносила к глазам, проверяя прозрачность, потом резко и глубоко погружала туда нос.

Как истинный знаток, она одобрительно прищурилась. Мы знали наизусть, какой вердикт она вынесет, но, чтобы угодить ей, делали вид, что ждем суждения Бахуса. Затем она поворачивалась к Франсуа и, чуть заметно смежив веки, отдавала приказ налить ей этого непотребного эликсира. Затем ставила бокал на стол. Это был знак, что можно продолжить ужин, а для нас – что можно начать немой обмен мнениями.

---

⁶ Жак – кучер и повар Гарпагона в пьесе «Скупой» Мольера.

Во время трапезы она не отказывала себе в добром глотке; ее красноречие, как и скорость изложения, возрастали пропорционально количеству поглощенных бокалов; она становилась очень нервной. Мы опускали глаза, но втихомолку смеялись, потому что в ее речи все начинало смешиваться: Александр, балы, платья, князь Мещерский, служанки.

В большинстве случаев все ее рассуждения крутились вокруг меня. Главная тема – мои отношения с Александром и князем Мещерским; среди других сюжетов – составление программ балов, в которых мы должны были принимать участие.

Но вернемся к течению наших трапез...

Мать звонила в колокольчик второй раз; переодетые служанки уносили наши тарелки и возвращались с тремя крошечными рыбешками, свободно плавающими на блюде; при третьей смене торжественно вносили жалкий кусочек вареного мяса, который долго томился в соли и теперь пугливо подрагивал в зеленоватом желе.

Мы радовались: близился конец этой гастрономической пытки; последним испытанием был отчаянно сопротивляющийся сырный пирог, завершающий пиршество. Напрасно мы пытались как-то размочить его во рту, это было решительно невозможно... В конце концов нам удавалось взять над ним верх; три удара ножом, и он испускал дух! Оставалось только стоически проглотить каждый кусочек...

Приходил долгожданный миг, когда нам позволялось выйти из-за стола; мы бежали укрыться в одной из наших спален, где принимались болтать обо всем на свете...

По ночам нашей самой большой радостью было собраться вместе, и тогда начиналась жизнь. Мы обсуждали список потенциальных женихов, которых мать приглашала в дом, чтобы они за нами ухаживали; каждую среду вечером открывался «рынок рабынь» – так мы называли эти приемы.

Но существовало одно отличие... решение было не за мужчинами, это наша мать производила безжалостный отбор в зависимости от титула, принадлежности к роду древнему или лишь недавно получившему дворянство, их известности, светских связей, но, главное, конечно же, от их богатства!

А потому великолепные молодые люди, пышущие здоровьем, остроумные, забавные, приятные... нещадно отменялись, поскольку не соответствовали обязательным требованиям, вот ведь жалость! Зрелище было несравненное, истинное наслаждение для глаз и ушей.

Мать порхала вокруг наших поклонников; для каждого у нее находилось приветливое слово: уместный глагол, красочное определение или должное наименование, в зависимости от матримониальных устремлений матери.

И все они расплывались в улыбках, преисполненные доверия, при этом каждый уже считал себя счастливым избранником...

Ей недостаточно было пригласить двух-трех претендентов, нет, каждый раз их набирался добрый десяток.

Во время этого «фуршета» – используя модное французское слово для обозначения заменяющего званый обед приема – мать проявляла невиданную энергичность; казалось, для нее было вопросом жизни и смерти отыскать желанный перл творения. Она задавала вроде бы невинные вопросы, но ответы позволяли ей составить точное представление об истинном имущественном положении, образе жизни и круге общения родителей претендента.

Приглашенные всегда вели себя на один манер: они держались метрах в двух от внушительного ларя, на котором был накрыт обильный «фуршет». Согласно обычаю, мать произносила короткие тосты, и, едва она заканчивала, самые дерзкие пересекали пространство, отделявшее их от закусок... они принимались накладывать угощение себе в тарелки, одни весьма скромно, другие, напротив, обильно, а то и с избытком.

Ничто не ускользало от орлиного взора матери, для которой хорошее воспитание было обязательным условием. Не зная того, гости проходили отборочный экзамен.

Наконец, к ларю приближались самые сдержанные; если они воображали, что сдержанность, залог успеха, то глубоко заблуждались! Обратное, то есть гурманство или обжорство, также были непростительны.

Вначале все это милое общество вело себя довольно чопорно, но затем стопки водки, чередуемые со знаменитой крымской «Массандрой», слагались во взрывную смесь, которая неизменно оказывала свое воздействие.

Мы с сестрами скромно держались позади и наблюдали за действием; молодые люди приходили в веселое расположение духа, шутили; самые смелые, пытаясь разбить лед, заговаривали с нами о чем-то банальном.

Но вместо того, чтобы красоваться и пытаться покорить «трех Граций», соискателям следовало бы обратить внимание на две темы, неизменно присутствующие в тостах нашей матери: знатность и богатство.

Она неотступно бдела; если один из претендентов ей не нравился, она отводила его в сторонку и крайне учтиво и дипломатично давала ему понять... что он снят с соревнований.

Наша семейная жизнь держалась на двух столпах: ежедневном церемониале трапез и «рынке рабынь».

Конечно, в этом сыграли свою роль ее воспоминания о славных временах ее молодости, прошедших в нарочитой роскоши.

То были славные времена, когда каждый день ей подавалась фамильная карета с вензелем З, означающим герб Загряжских; она отправлялась к друзьям или за покупками в город вместе со своей тетей, Натальей Кирилловной.

Каждый вечер она вспоминала и проживала заново – концерты, театральные представления, балы; и на каждый выход – новый наряд.

Теперь же она открывала шкафы, заполненные потускневшими, выцветшими платьями, и разглядывала их, охваченная ностальгическим чувством.

Каждое рассказывало свою историю; два из них особенно врезались в память. Вот это, сиреневое, будило самые волнующие воспоминания: на балу в Аничковом дворце император Александр I пригласил ее и удостоил нескольких танцев.

А вот это платье из розовой органзы было на ней, когда она познакомилась с князем Б., который долгие годы был ее любовником, к вящему неведенью моего отца; как только ему, бедняге, удавалось проходить в дверь нашего дома с такими-то рогами!

Когда мать постарела, ее скардность вошла в легенды и стала смехотворной; она шпионила за поварами, не разрешала им на завтрак съесть больше одного куска сахара, который сама тщательно раздавала; потом, оставшись одна, она измышляла коварнейшую хитрость: ловила муху и сажала ее в сахарницу... И горе поварихам, если муха улетала!

В доме царили запреты: никаких книг или самая малость; ограничения и наказания вместо поощрения, а когда атмосфера сгущалась, то и пощечины.

Само слово «дом» звучало для нас как «тюрьма». Мать поднимала нас в шесть часов утра; словно осененная божественным светом, она желала поделиться с нами полученными откровениями, дабы мы могли использовать их во благо...

В любое время она могла заставить нас в течение часа молиться, стоя в ледяной часовне, которую она обустроила в одной из жилых комнат.

Появление этой часовни внесло значительные перемены в ее характер; она посещала ее по нескольку раз в день, став не только набожной, но и богомольной до крайности. Французы придумали для таких дам милое шутивное название – «grenouille de bénitier»⁷.

Зимой, когда мы жаловались, что в часовне стоит сибирский мороз, она отвечала, что холод очищает наши души и бодрит разум... попробуйте возразить!

---

⁷ Церковная жаба (франц.).

Даже почтенный священник, который каждую неделю приходил нас четверых исповедовать, советовал ей проявлять больше сдержанности и здравого смысла в своем религиозном рвении.

На смену безоглядной богомольности пришли языческие суеверия, что вызывало большую тревогу. Все приметы и предрассудки смешались в одну кучу. Если за столом одна из служанок по недосмотру оставляла опустошенную бутылку или перекрещенные ножи, или же просыпала соль, мать строго ее отчитывала, потому что это приносило несчастье.

Если мы что-либо забывали дома, она запрещала нам возвращаться, потому что это дурная примета.

Если слева по обочине дороги проходила черная кошка, это было очень дурным предзнаменованием... Но самым страшным было встретить черного ворона, вот тогда начиналась настоящая паника, следовало закрыть все ставни, наглухо запереть двери, и на протяжении сорока восьми часов никто не имел права ни войти, ни выйти.

Моя сестра Александра, самая смелая из нас, решила осведомиться, почему именно левая сторона вызывала такие опасения. Мать сухо ответила:

– Мне прекрасно известно, что вы не верите в мои предсказания и вообще не верите ни во что, а главное, НИЧЕМУ. Так знайте, юные невежды, довольные тем, что в невежестве пребываете... что еще римляне открыли, как опасно то, что приближается слева. Они ввели различие между *dextra*, то есть справа, или одесную, и *sinistra*, что означает слева, или ошую, откуда и родилось слово «*sinistre*», то есть «пагубный», – завершила она профессорским тоном.

Ее поведение тревожило нас. Кульминация наступила по случаю показа комедии Мольера «Тартюф», в которой автор выводит на первый план двуличие главного персонажа, воплощающего пародию на религию и ее извращение; герой разрывается между своей ханжеской природой и неудовлетворенными плотскими желаниями, что и служит источником комизма. Мольер высмеивает иезуитские рассуждения, пытающиеся лицемерно совместить несовместимое: плотскую любовь и запрет...

Ничего в этом не поняв, мать встала на сторону Тартюфа, защищая его:

– Вы ничего не поняли, – заявила мать, – бедный Тартюф в этой пьесе единственный чистый и нравственный характер. А весь дом замыслил против него настоящий заговор, некую кабалу...

Следует признать, что, сама того не ведая, мать нашла точное слово, ибо все якобы благочестивые ханжи, ополчившиеся на Мольера с целью добиться запрета его пьесы, объединились в сообщество, прозванное «Кабала Святош». К счастью, пьеса понравилась королю, который великолепно развлекся и разрешил спектакль.

Однажды Александр покидал нас и уже откланялся, но в последний момент, забыв мне что-то сказать, продолжил со мной разговаривать, стоя на пороге; мать бросилась к нему, резко схватила за ворот сюртука и буквально втащила внутрь.

Видя изумление Александра, она объяснила ему, что порог «есть вход дьявола»; крайне опасно оставаться на пороге, следует находиться либо внутри, либо снаружи.

Александр посмотрел на меня округлившимися глазами и ушел, ничего не сказав.

Мое воспитание было спартанским и суровым; строгая, очень властная мать, склонная к деспотизму и наказаниям... Материнская нежность была ей неведома, она и слов-то таких не знала! Позже она погрязла в алкоголизме и с ней случались припадки; пословица гласит *in vino veritas*; но чаще всего там обнаруживалась не истина, а наша мать!

Некоторых вино делает мягкими, уязвимыми, иногда даже неземными... А вот у Натальи Ивановны вино было «гневливое или злое». Всякий раз это заканчивалось драматично: бокалы следовали один за другим, она приходила во все большее возбуждение, ее лицо багровело; обстановка накалялась, мне казалось, что на спиртовом градуснике Реомюра, который мы недавно получили из Франции и повесили на стену, столбик на глазах ползет вверх.

Эта привычная сцена обычно разыгрывалась вечером в субботу. Она становилась очень нервной, иногда награждала нас на ходу парой пощечин, чтобы успокоиться, кричала по любому поводу и очень рано отсылала нас спать. Она орала на слуг, оскорбляла их, потому что кто-то из них плохо расположил вазу с цветами, передвинул столик или забыл ложечку...

Назначенный час прихода гостей приближался. Изрядно выпив еще до прихода гостей, она хмелела все больше; она встречала их с уже покрасневшими скулами, друзья же ничего не замечали, списывая ее возбуждение на хорошее настроение и природное жизнелюбие.

Она становилась очаровательной, улыбчивой, сияющей, уделяла внимание каждому, словечко одному, словечко другому, ловила на лету любое невысказанное желание. О чудо, мать преобразалась в чудеснейшего Амфитриона!

Одно удовольствие было смотреть на нее – предупредительную, угадывающую заранее вопросительный взгляд кого-то из друзей. Короче, она готовила для них истинную трапезу ЛУКУЛЛА; увы, всякий раз она нервничала все больше и становилась вспыльчивой.

Напившись сверх меры, она больше не могла проглотить ни капли или же, напротив, не знала удержу!

Она становилась агрессивной с лучшими друзьями. Некоторые больше не желали приходить или придумывали предлоги сказаться занятыми. Тогда она оставалась один на один с бутылкой и, всеми покинутая, горько плакала; трапеза превращалась в «ЛУКУЛЛ ужинает у ЛУКУЛЛА»!

Внезапно градус алкоголя у нее в крови взрывался, рассыпаясь фейерверком: затронув вроде бы самую безобидную светскую тему, например воспитание детей, она выбирала мишенью одну из дам и обрушивала на нее обличительный бред; обвиняла во вседозволенности, которую та якобы проявляла по отношению к своей дочери, укоряла в роскоши нарядов, какой сама уже не могла себе позволить; чем больше она говорила, тем больше вина вливалась в себя, словно в бездонную глотку.

Она говорила чудовищно быстро, используя безжалостную логику; в ход шли самые убийственные резоны, самая желчная критика. Подобно генеральному прокурору, она мстительно наставляла обвиняющий палец на подругу, которую между тем знала с самого детства. Та, бледная, онемевшая, растерянная, не знала ни что сказать, ни что сделать. Наша мать, видя, какой человеческий разгром она учинила, оседала на стуле и разражалась рыданиями. Она икала и отчаянно звала маму.

Утром, после молитв, она давала нам полчаса, чтобы умыться и привести себя в порядок; сразу после завтрака нас ожидали различные преподаватели, которые давали нам приватные уроки. В восемь вечера мы были уже в постели. Читать запрещалось. Без сомнения, именно благодаря этому запрету мы с сестрами смогли вкусить запретный плод, как благопристойно называла это мать.

Как только она погружалась в глубокий сон, мы накидывались без разбора на все эротические книги, которые нам доставлялись из Франции: сначала «Манон Леско» аббата Прево, затем «Заблуждения сердца и ума» Кребийона и наконец «Опасные связи» Шодерло де Лакло.

Мы вкушали их с наслаждением. Так, под одеялом, при свете маленькой свечи, мы общались к миру плотской любви...

На самом деле мы горели нетерпением научиться понимать завуалированные намеки взрослых, многозначительные усмешки дам и скабресный смех мужчин.

А служанки делились с нами жизненным опытом, от них мы слышали реальные рассказы о любовных интрижках с прислугой. Притом девицы очень гордились тем, что могли с чувством превосходства приобщать нас к совершенно неизвестным нам познаниям. Госпожа и Рабыня словно менялись ролями!

Они отчаянно насмехались над нами, заверяя, что наша девственность скрывает мощное подавленное желание! И были недалеко от истины. Они были куда смысленнее и проницательнее

нее, чем воображала мать. Их приходилось упрашивать, чтобы они поделились с нами альковными секретами, зато потом их было не остановить.

Каждая хвалилась тем, что пережила самое необычайное любовное приключение; они расписывали свои похождения в мельчайших деталях, вызывавших у нас глубокое волнение. Но девушки доверяли нам также свои разочарования и беды.

Прежде чем поступить к нам, некоторые подверглись насилию со стороны молодых дворян, родители которых не желали ничего знать, полагая вполне здоровым и нормальным, что их юные отпрыски должны, как они говорили, «перебеситься».

В течение дня хозяева гоняли служанок до полного изнеможения. Ночью же ими нещадно пользовались хозяйские дети. Девушки выходили замуж, надеясь вырваться из этого адского круга, но попадали из огня в полымя. Их ждало новое иго: грубый муж, который по крестьянскому обыкновению бил жену...

Мы с сестрами жалели их, защищали от часто жестокого, несправедливого и презрительного отношения матери.

Две служанки, Ольга и Мария, раньше уже были беременны стараниями своего хозяина; опасаясь гнева своих семей, они родили тайком и доверили детей жалостливой бабушке. А еще они рассказали, что другая служанка, некая Анна, от позора покончила с собой в лесу.

К слову сказать, Николай Карамзин, большой друг Александра, написал нашумевший роман «Бедная Лиза», описывающий безрадостную и трагичную историю любви крестьянок.

Их познания в этом вопросе объяснялись тем, что они долгое время жили в деревне. В отличие от нашего городского воспитания, они ежедневно имели дело с настоящей, природной жизнью: животные спаривались и плодились; дети, избавленные от социальных запретов, нагишом расхаживали по дому до довольно взрослого возраста; для них это было нормально.

Стены в домах были настолько тонкие, что с самых юных лет для них не было тайн в любовных отношениях, в которых они не видели ничего загадочного. Слово «романтизм» не имело для них никакого смысла.

Я ясно осознавала, что мы с сестрами живем на другой планете, в отдельном мире. Если соблазнительные рассказы и приключения служанок возбуждали наше воображение и будоражили чувственность, то грубое поведение мужчин во время их любовных утех тревожило, угнетало и леденило меня.

Моя будущая замужняя жизнь вызывала много вопросов... Как поведет себя Александр? Сейчас я спрашиваю себя, не была ли та псевдохолодность и безразличие, в которых всю жизнь упрекал меня Александр, следствием тех варварских рассказов. И напротив, деликатные, изящные, обходительные манеры моего будущего галантного кавалера Жоржа Дантеса произвели на меня впечатление и внушили доверие.

Возвращаясь к моему воспитанию: мать желала, чтобы я в совершенстве владела французским и искусством танца... По ее мнению, в этом заключался ключ и наилучшее оружие для успеха в обществе. Она не скупилась на частные уроки. Два человека оставили след в моей жизни: по рекомендации одной из подруг мать наняла молодую учительницу по имени Олимпиада де Будри, для близких просто Олимпа.

Само ее имя наведало грезы; оно рождало образы истинной аристократии, чьи корни уходили в исконные земли Франции. Мне заранее нравилось придумывать ей прославленных предков, принятых при дворе Людовика XIV, «короля-солнца»... Я воображала, как она появляется в потрясающем вечернем платье под руку со своим любовником; распорядитель бала объявляет звучным голосом:

– Мадмуазель Олимпа де Будри, господин граф де Бержерак!

Олимпа оказалась изысканно одетой очаровательной молодой женщиной всего на десять лет старше меня; она искрилась жизнерадостностью и умом, была остра на язык; прелестная и

обольстительная, она привлекала всех мужчин, и не только тем, что была пикантна и непредсказуема, но и своим глубоким знанием французской литературы.

Олимпа мечтала о театре, и действительно, стоило увидеть, как она изображает великих комических персонажей из пьес Мольера или героинь Расина, и сомнений в ее актерских дарованиях не оставалось.

Свою непринужденность, магнетизм и убедительность она унаследовала по отцовской линии. Олимпа говорила мне, что этими талантами она обязана отцу; тот и сам был преподавателем и известным грамматистом. Талантливый педагог, она сумела объяснить мне сложности и тонкости французской грамматики с ее бесчисленными исключениями, а также исключениями из исключений!

Я открыла для себя лабиринты возвратных глаголов, загадочные и причудливые правила составления сложных существительных, игру в прятки с согласованием причастий прошедшего времени у глаголов, спрягающихся с вспомогательным «avoir»...

Когда я поделилась с Олимпой своим недоумением по поводу необъяснимых конструкций, которые на русский можно было бы коряво перевести как «ОН ветрит, ОН снежит, ОН дождит...», то спросила:

– Кто этот загадочный ОН?

Она со смехом ответила:

– Наталья Николаевна, знайте, что французский язык – единственный метафизический язык в мире!

Эти французы удивительны: для смерти у них нашелся только один глагол «Gésir», упокоиться... И прогуливаясь по кладбищу мимо ряда могил, они на все лады повторяют странную анафору: *ci-gît, ci-gît, ci-gît*.

Олимпа окончательно меня очаровала, заявив, что во французском языке существует единственное магическое слово, одновременно мужского рода и женского, а еще мужского во множественном числе и женского во множественном числе, и это слово ЛЮБОВЬ!

В разговоре с Олимпой выяснилось удивительное совпадение: ее отец, Давид де Будри, был преподавателем Александра в Царскосельском лицее, а также... воспитателем моего отца Николая Гончарова!

Александр обожал рассказывать мне истории из своей юности; он сохранил о ней яркие воспоминания, исполненные мельчайших подробностей. Среди прочего он упомянул, что Давид де Будри – не настоящее имя отца Олимпы, фамилию он изменил, так как на самом деле звался Давид Марат и был младшим сводным братом Жана-Поля Марата, убитого в своей ванне прославившейся этим злодеянием Шарлоттой Корде.

Быть братом или даже сводным братом одного из самых известных революционеров, которого столь театральная смерть превратила в мученика, – это был не лучший способ раствориться в анонимности Санкт-Петербургской элиты, даже украсив свое имя аристократической приставкой «де».

В Царскосельском лицее Давид де Будри был местной достопримечательностью, таким прогуливающимся по коридорам чудаковатым оригиналом, каким его изобразил на историческом рисунке бывший ученик Алексей Илличевский: растрепанный наполеоновский хохолок, сам маленький, дородный, даже пузатый, образованный грамматист, но совершенно не умеющий пользоваться водой и мылом...

Он носил отвратительный засаленный и выцветший сюртук, который, как говорили лицейские шутники, «пытался застегнуть с первого января по тридцать первое декабря»...

Александр часто вспоминал своего любимого учителя, к которому относился с глубоким почтением. Объяснялось это, без сомнения, постоянным фрондерством мсье де Будри, чем он разительно отличался от остальных преподавателей, за исключением другого наставника, некоего господина Куницына, о чем пойдет речь ниже.

Я так подробно остановилась на фигуре мсье Давида де Будри отнюдь не случайно. Рассказы Александра зародили во мне ощущение, что за внешностью экстравагантного чудака-учителя скрывалась загадочная личность, лелеющая странные замыслы и обладающая опасным влиянием.

У меня возникли сомнения, Александр же делал вид, что не принимает всерьез мои предположения. На самом деле Александр без сомнения был куда лучше осведомлен об истинном лице этого персонажа, но воздерживался от любых комментариев.

Мне это казалось странным, потому что он всегда был говорлив и неистощим, когда речь заходила о лицейских годах. Сам факт, что он стремился сменить тему, возбудил мое любопытство; я последовала примеру прозорливого французского сыщика Франсуа Видока, чья слава добралась и до России. Я преисполнилась убеждения, что, несмотря на перемену настоящего имени, в Давиде де Будри не умер Марат!

Конечно, на него оказала огромное влияние сияющая аура его сводного брата Жана-Поля, легендарного героя Революции – но героя кровавого, который во время преступных событий сентября 1792 года призывал к убийствам; ничего удивительного, разве Жан-Поль Марат и сам не был «близнецом» Робеспьера?

Давид унаследовал дар убеждения своего брата; во всяком случае, он разделял то же увлечение философскими идеями и идеалами революции. Давид демонстрировал безобидный и невинный упадок духа; его добродушная и отеческая манера держать себя с учениками, его мечтательные повадки инопланетянина обескуражили бы самого подозрительного из Бенкендорфов.

Я проникла в тайну, когда несколькими годами позже Александр упомянул один случай, который произвел на него большое впечатление: внезапное увольнение другого его преподавателя, господина Александра Петровича Куницына.

Дирекция лицея поставила тому в вину, что он внушал ученикам крамольные мысли; Александр же сказал мне, что эти два учителя были неразлучны. Он также признал, что идеи мсье де Будри завораживали Куницына; но де Будри был хитрее и сумел раствориться в лицейском тумане...

Я почувствовала, что держу в руках нить Ариадны; мало-помалу истина прояснялась: я воссоздавала прошлое Александра.

Давид де Будри отдавал приказы господину Куницыну; он поручил ему принять активное участие в мятеже 1925 года; он был одним из идеологов этого мятежа. Положение преподавателя Царскосельского лицея обеспечивало ему идеальное прикрытие; к тому же его учениками были дети российской элиты, дворянства!

Тогда я и поняла, что Александр также был замешан. Вовсе не случайно два его ближайших лицейских друга, Вильгельм Кюхельбекер и Иван Пущин, были арестованы вместе с прочими декабристами и сосланы в Сибирь.

Давид де Будри был мозгом этого кружка революционеров; никто и вообразить не мог, что мягкий и харизматичный преподаватель французской грамматики проповедовал подрывные идеи; он выковал твердые убеждения во времена своей революционной юности в Женеве, откуда был родом; это и подвигло позже двоих его учеников перейти к действию.

Александра спасла только ниспосланная провидением ссылка в родовое имение в Михайловском, где он и пребывал в момент мятежа.

Александр был крайне смущен, когда услышал, к каким выводам я пришла; в кои-то веки я сумела заткнуть ему рот. Мы никогда больше не говорили об этой истории. Но я добилась психологического преимущества и не преминула им воспользоваться...

Вторым человеком, оставившим след в моей жизни, был философ, мсье Ипполит де Лафайет.

Этому господину зрелого возраста я обязана своим философским образованием, о коем никто не подозревал; благодаря ему я была «во всеоружии перед жизнью».

Что же касается французского, то, как ни банально это говорить, он был основным языком в российском обществе. В дворянском кругу, как и в среде пробуждающейся буржуазии и некоторых крупных землевладельцев, все говорили и писали по-французски.

Владение французским было чем-то вроде обязательного причащения. Без французского нет спасения! Только крестьяне и низшее сословие говорили по-русски; даже лакеи, кучера и некоторые приближенные к хозяйскому дому слуги владели началами французского, достаточно, чтобы понимать и изъясняться самому.

Я и сейчас прекрасно помню, что в 1835 году в Россию прибыли тысячи французов – и путешественников, и эмигрантов. А еще оставалось более сотни тысяч взятых в плен, а потом отпущенных на свободу наполеоновских солдат, которые не собирались возвращаться во Францию. Многие выживания ради работали у крестьян или же перевоплощались в учителей, гувернеров и гувернанток и учили французскому детей своих хозяев. Мои родители заполучили повара и швею, которые не захотели вновь увидеть родину.

И в среде богатых коммерсантов, и в аристократических кругах наплыв эмигрантов, бежавших от Революции, – модисток, парикмахеров, цирюльников, горничных, как и многочисленных гувернанток, – дал возможность французскому языку проникнуть во все слои российского общества.

Свободный французский повышал социальное положение и обеспечивал карьеру и будущее.

Нам давали солидную литературную подготовку: мы не только изучали комедии Мольера, трагедии Корнеля и Расина, но и могли прочесть наизусть или сыграть целые сцены.

В тайне от матери мы с сестрами переодевались и разыгрывали театральные сценки в дальнем углу дома, рядом с комнатой отца; мы были уверены, что она туда и близко не подойдет!

И мои друзья, и я сама читали Шатобриана, Стендаля, Ламартина, Гюго и даже одного французского поэта, некоего Парни.

Эварист Парни написал множество непристойных произведений, таких, как «Любовные стихи» и «Галантная Библия». Его настоящее имя навевало грезы: звали его Эварист де Форж де Парни; звучание этого имени погружало в мир бальзаковских героев.

Александр, автор любовных стихов, питал к нему восторженное уважение. Разве не сам он заявил: «Парни мой учитель!»?

Парни был выходцем с острова Реюньон, а в те времена наша Россия поддерживала с этим островом близкие отношения. Таковы мистерии истории мира.

Но тем, кого мы обожали и превозносили до небес, был Расин.

О, Расин, Расин! Он был нашим кумиром; благодаря ему мы, как и все юные придворные дамы, переживали великие расиновские страсти, разрывающие нашу тусклую супружескую жизнь и растительное существование.

Часто случалось, что большая разница в возрасте с супругом толкала некоторых жен уподобляться Федре, проникаясь запретной страстью к Ипполиту, своему пасынку.

А поскольку общество с неколебимой определенностью считало женщину существом зависимым, ни одной из нас не суждено было сбросить это давившее на нас свинцовое имперское ярмо. Когда мы сидели в зрительном зале на представлении трагедии «Андромаха», то какая Гермiona не мечтала бы убить своего Пирра!

Выходя из театра после «Федры», я была глубоко взволнована; ни одна другая пьеса не произвела на меня столь сильного впечатления. Это стало откровением: я была Федрой!

Было странное сходство в обстоятельствах нашего появления на свет: она – дочь царя Миноса и Пасифаи, прославившейся противоестественной любовью с быком... проклятая

кровь текла в ее венах; как она ни боролась, ее мрачный конец был неизбежен. Чем отчаянней сопротивлялась она несправедливой судьбе, тем теснее сжимались тенета трагедии.

Как и у Федры, мое происхождение вызывало сомнения; я была дочерью впавшего в безумие отца и жестокосердной матери, скрывающей свое родство, а также грешившей адюльтером.

От Венеры я получила в удел красоту и полагала, что это верный залог успеха и счастья; оказалось, ничего подобного; как и у Федры, это стало моим проклятьем: красота подвигла меня предать мужа, что и вызвало его смерть. Такой создала меня природа, и я буду нести это бремя как свой крест.

Подобно приговору Фатума у латинян или Мойр у греков, я тоже была обречена исполнить свою судьбу. Меня пожирала внутренняя отравка, как пуля, терзавшая Александра в его последние минуты.

А вот мужчины предпочитали трагедии Корнеля; эти трагедии представлялись уроками силы воли, преодоления себя, порождавшими героизм. Молодые люди воображали себя доном Родриго в «Сиде» и с воображаемой шпагой в руке декламировали:

– Сын, храбр ты или трус?

или же:

– Честь всех в свете благ дороже,

И будь граф Гормас жив, теперь я б сделал то же.

Затем, глядя друг на друга с ненавистью, гневно бросали:

– Рассей мое незнание, дон Дьего знаешь ты?

Не требовалось больших усилий воображения, чтобы перенести ситуацию в «Сиде» на противостояние Александра с одной стороны и барона Геккерна и Жоржа Дантеса с другой. Барон – дон Дьего, слишком старый, чтобы отомстить за себя самому, просит сделать это своего сына Дантеса-Родриго!

Пьесы Корнеля идеально соответствовали воинственному реваншистскому духу, царившему при дворе, особенно среди офицеров, униженных Наполеоном в 1812 году, и в аристократических семьях, мечтающих позолотить свой фамильный герб.

Этот дух владел и кадетами, и офицерами, желавшими обратить на себя внимание императора.

Они всегда вызывались добровольцами на любое военное задание, стремясь покрыть себя славой и дослужиться до высших чинов.

Особенное рвение проявляли малоимущие офицеры из мелкопоместных дворян, стремящиеся подняться в придуманной Петром Великим «Табели о рангах»; согласно этой Табели, любой российский подданный оценивался по его достоинствам, а не по происхождению, что потрясло основы!

Меня поражала разница между нами, потомственными дворянами, и разночинным дворянством, порожденным императором. Особенно это было заметно на балах, в которых я принимала участие. Достаточно было прислушаться к их высказываниям и понаблюдать за их поведением. Одни сдержанные, скромные и деликатные – потомственные аристократы; другие витийствующие, шумные и хвастливые – недавнее дворянство.

Наша мать неукоснительно блюла это разделение... Она запрещала нам любые отношения или знакомства с этими «парвеню», этими «нуворишами», презрение к которым неизменно выказывала. Она с самой колыбели спланировала наше отрочество: подготовка к вступлению в высший свет; образцовая, почти военная муштра, направленная на нашу будущность молодых замужних дам. Мы получили одинаковое образование: утонченные прекрасные манеры, стереотипный язык, условные вежливые обороты, мимикрирующее поведение и, наконец, однотипные платья из разряда «шикарно и аристократично»...

Мать не выносила воображение, непосредственность и фантазию. Все должно быть сдержанно и бесстрастно. В этом душном обществе каждая из нас втискивалась в аристократический слепок своей касты.

В заключение я могла бы сказать, что у меня не было детства, не случилось и отрочества – мать сразу и беспощадно погрузила меня в мир замужней женщины.

Если бы мой будущий супруг Александр Пушкин не был одержим двумя интересами – юными девицами и неотложной надобностью порвать с холостяцкой жизнью – мы бы никогда не встретились, ибо ничто не предвещало мне, что наши пути пересекутся.

Должна заметить, что познакомилась я с ним при любопытных обстоятельствах...

4. Моя встреча с Александром

Первого октября 1828 года мне было шестнадцать лет и два месяца; как всегда в понедельник, я отправилась на урок танцев, который проходил у родителей Ольги, одной из моих подруг.

После окончания занятия, которое вел мсье Йогель, преподаватель танцев в Императорском Московском университете, у меня случилась удивительная встреча.

Каждую неделю этот знаменитый танцмейстер, которому отец Ольги платил огромные деньги, приезжал к ним на дом, предоставляя в наше распоряжение свой исключительный опыт.

Близкие будущих танцовщиц могли из зала ожидания наблюдать за уроком мэтра.

Я впервые была очень рассеяна, иногда поглядывала на публику. Какой-то мужчина не сводил с меня глаз. Его настойчивость волновала меня, но в конце концов мне удалось сосредоточиться на бесценных указаниях учителя, и вскоре я позабыла о зрителе.

После окончания урока я торопливо переодевалась, чтобы скорее возвратиться домой; моя крайне суровая мать не выносила ни малейших опозданий, ни каких-либо вольностей. Она тщательно подсчитывала, сколько времени мне необходимо, чтобы добраться до семейного очага, как в хорошую погоду, так и даже под дождем! И горе мне, если я не укладывалась в установленный срок, – меня ждала хлесткая пощечина и шквал вопросов, достойный императорских сборов: почему, с кем, когда, где и так далее.

Выходя, я оглядела ожидающую публику в надежде увидеть кого-то из знакомых среди приехавших за своими детьми, и снова встретила взгляд того же мужчины, по-прежнему пристально меня рассматривающего; он улыбнулся мне, спокойный, уверенный в себе. Я была уверена, что он меня спутал с кем-то из девушек. Внезапно я заметила, что целый кружок собирается вокруг этого человека, одетого в огромную шубу из меха белого медведя! Если он желал выглядеть оригиналом, ему это удалось.

Мужчины и женщины расталкивали друг друга, чтобы приблизиться к нему и прикоснуться, как к идолу... Они называли его по имени-отчеству, перекрикивая друг друга: Александр Сергеевич, Александр Сергеевич...

Мое любопытство было возбуждено до крайности, но я по-прежнему не знала, кто этот человек. Подруги потешались надо мной. Он же все смотрел на меня, не отвлекаясь на окружающую суету, им же и вызванную. Его голубые сверкающие глаза были непроницаемы. К моему великому смущению, должна признаться, что не могла его узнать.

Наконец, Ольга сказала мне, что это господин Александр Сергеевич Пушкин, величайший поэт России!

Имя произвело на меня большое впечатление, но сам он мне совсем не нравился. К тому же он был намного старше меня и совершенно не походил на мужчину моей мечты; он не был ни доблестным Родриго Корнеля, ни опасным соблазнителем доном Жуаном Мольера, то есть ни одним из тех героев, которые, сойдя с книжных страниц, пробуждали мои девичьи фантазии.

Разумеется, он был уже знаменит; ходили слухи, что его любовных побед не счесть, но главное – за ним шла репутация опасного бунтовщика, которого император Александр I отправил в ссылку в Одессу, дабы утихомирить и отдалить от двора; новый император Николай Первый также не питал к нему доверия и установил пристальную слежку и за его передвижениями, и за перепиской.

Его происхождение не вызывало нареканий, в то время как сама личность внушала беспокойство...

5 апреля 1830 года он написал моей матери: *«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась»*. Вот это и

называется «как громом пораженный»! Я осознавала, какой предстаю в глазах мужчин. Тот факт, что мною заинтересовалась такая знаменитость, возвышал меня в собственных глазах.

Он отважился обратиться ко мне:

– Добрый день, мадмуазель, – сказал Александр, – умоляю извинить меня за настойчивые взгляды во время вашего занятия, но я вас узнал!

– Мы уже встречались? – наивно спросила я.

– Совершенно верно!

– Где же? – удивилась я. – Это невозможно, я бы обязательно помнила!

– Я встречаю вас каждый день у себя в голове, – улыбнулся Александр. – Не пугайтесь, мадмуазель... кстати, как ваше имя?

– Наталья Николаевна.

– Позволено ли мне представиться? Александр Сергеевич Пушкин. – Это поразительно, как вы похожи на Татьяну, героиню моего романа в стихах «Евгений Онегин», который я сейчас пишу.

Вступление было оригинальным; но я спросила себя, не прибегает ли он к той же уловке, знакомясь с любой молодой женщиной. Каждой из них, должно быть, льстило сравнение с музой знаменитого поэта.

– Подобное сравнение и хвала чрезмерны и незаслуженны, – крайне смущенная, ответила я.

Увы, его слова оказались пророческими, ибо если я действительно была Татьяной, то Александр оказался несчастным поэтом Ленским, убитым моим поклонником Жоржем Дантесом-Онегиным. Как если бы Александр предчувствовал и записал свою судьбу... Это воспоминание о случайной встрече, навсегда изменившей мою жизнь, преследует и волнует меня.

Я продолжила:

– Наверно, вы немного преувеличиваете, господин Пушкин.

– Нет, нет, и, если вам любопытно, могу вкратце рассказать сюжет; как вы собираетесь воротиться домой, вас кто-либо встречает?

– Нет, нет, я ворочусь пешком.

– Где вы живете?

– Рядом с Аничковым дворцом.

– Мне как раз по дороге, если пожелаете, я могу завезти вас.

Я обернулась к своей подруге Ольге, та послала мне чуть заметный одобрительный знак, показывая, что я могу принять приглашение без опаски.

Пока мы ехали, Александр с жаром излагал мне историю «Евгения Онегина»; его рассказ был таким волнующим, что потряс меня. Он великолепно изображал всех персонажей; за каждого говорил особым голосом, это было поразительно; он словно растворялся в своих созданиях, передавая каждый нюанс переживаний. Я видела его то Ленским, ранимым и ревнующим, то Онегиным, дерзким и насмешливым, то Татьяной, удивленной и отчаявшейся. Меня завораживал его теплый, неотразимый тембр; стихи текли, как жемчужины бесконечного ожерелья. Я чувствовала необычайное напряжение.

Когда он играл роль Онегина, то глубоко погружал свой взгляд в мои глаза, голос становился мягким и проникновенным; я позволила унести себя баюкающему поэтическому напеву, на какое-то мгновение поверив, что я действительно Татьяна...

Экипаж тряхнуло, и меня вдруг бросило прямо на Александра; я покраснела, он расхохотался.

Сильная рука скользнула мне за спину, чтобы уберечь меня от другого возможного толчка; это продлилось всего несколько секунд. Впервые я ощутила мужской запах, на меня повеяло жаром мужчины, а не подростка. Вернувшись домой, всё ещё в ошеломлении, я вновь и вновь переживала это мгновение.

В момент прощания он признался, что взволнован и очарован нашей встречей; потом неожиданно и очень серьезно добавил:

– Я должен кое в чем покаяться: я немного солгал вам, поскольку действительно вас уже видел.

– Когда? – искренне удивилась я.

– В своих снах, каждую ночь! Поверьте, это правда, вы живое воплощение, я бы даже сказал, физический и уж точно духовный двойник Татьяны.

И Александр шутливо добавил:

– Ваша реальность только что познакомилась с моим вымыслом! Это редчайший случай и безусловно божий знак, – улыбнулся он. – Отныне вы моя официальная Муза!

Я смотрела на Александра, как зачарованная; я более не замечала ни несовершенства его лица, ни щедушного и неуклюжего телосложения; я слышала лишь покоривший меня голос, который околдовывал, как змею гипнотизирует флейта заклинателя. Я постаралась стряхнуть наваждение, но напрасно. Наверняка я испытывала то же, что Улисс, очарованный пением сирен, но в отличие от Цирцеи в «Одиссее», предупредившей героя, что нельзя их слушать, никто не предостерег меня от опасности пушкинского магнетизма! Эти фантастические создания шептали мне в точности то же самое:

– Приди же сюда, моя милая Наталья, измени свою жизнь и присоединись к нему!

К несчастью, в противоположность Улиссу, заткнувшему себе уши воском, у меня не было никаких средств обезопасить себя, и к тому же должна признать, что эта одиссея начинала мне нравиться...

На этом его признании мы расстались, но оно же послужило началом бурной переписке.

Каково было удивление моей матери несколько дней спустя!

В дом доставили огромный букет из ста белых роз, к нему прилагалась простая визитка: Александр Сергеевич Пушкин.

По своему обыкновению она засыпала меня вопросами, но не скрывала гордости: знаменитый поэт оказал честь одной из ее дочерей. И она, стремившаяся как можно быстрее выдать нас замуж, начала мечтать о совсем иной будущности; она радовалась неожиданному свидетельству внимания ко мне.

Она не позволила мне ответить, но спешно отправила ему следующее письмо:

«Милостивый государь Александр Сергеевич Пушкин,

Примите мою искреннюю признательность за вашу любезность, с кою вы проводили мою дочь домой; она была весьма тронута фейерверком белых роз, кои вы прислали!

Для нашей семьи было бы честью принять вас у себя. Смею надеяться на чистоту ваших намерений, достойных истинного дворянина, ибо нашей дочери, невзирая на ее манеры, стать и внешность расцветшей молодой женицы, всего шестнадцать лет...

Ваша репутация любимца дам, весьма для вас лестная, призывает нас к великой осторожности... Надеюсь, вы без труда нас поймете!

Наталья с раннего детства живет в роскоши; без сомнения, в том сказалась слабость излишне любящих родителей, а главное, ее тетушки, которая ее балует и потакает любым капризам... чем и объясняются иногда ее расточительные вкусы.

Я уверена, что вы со мной согласитесь: нет ничего прекраснее любимого сокровища нашего семейства.

Вы принадлежите к прославленному роду, что и объясняет, почему я с радостью приму вас в нашем доме.

Как я уже вам заметила, некоторые легкомысленные вольности сей юной девицы, без сомнения, объясняются тем, что она осознает расцвет своей ослепительной красоты. А потому следует ее время от времени урезонивать, ибо обилие королевских предложений вскру-

жило ей голову. Но это всего лишь слабости юности, к коим должно проявлять снисходительность.

В ожидании вашего приятнейшего визита, прошу принять, господин Александр Сергеевич Пушкин, заверения в моем совершенном почтении.

Наталья Ивановна Гончарова»

Письмо моей матери не оставляло сомнений; человек столь тонкий и умный, как Александр, ухватил смысл послания на лету.

Она соглашалась принять Александра в нашем в доме с тем, чтобы он мог за мной ухаживать.

Я пребывала в глубоком удивлении тому, что мужчина зрелых лет проявил интерес к столь юной девушке; я не сомневалась в своих достоинствах, но задавалась вопросом, не есть ли это нынешняя мода в обществе. Многие мужчины, иногда вполне канонического возраста, сочетались вторым браком с очень юными девушками.

В дальнейшем, ближе познакомившись с жизнью Александра, я узнала, что в то время он испытывал жгучее желание жениться. Без сомнения, это нетерпение отражало иное, глубокое устремление: добиться более высокого положения в обществе. При дворе одинокий мужчина старше тридцати лет выглядел не очень солидно. Для императора отказ Александра от холостяцкой жизни послужил бы залогом стабильности; вступив на путь благоразумия, Пушкин стал бы безопасен.

В экипаже, который вез меня с урока танцев, Александр по обыкновению разыграл свой коронный номер: нравиться и покорять – такова была его вечная одержимость.

Задолго до нашего брака он уже развлекался тем, что завоевывал сердца как почтенных пожилых дам, так и совсем юных девиц, но исключительно платонически, дабы удовлетворить свое интеллектуальное сладострастие. Я так никогда и не смогла понять, сжигало ли его стремление к любовным победам подобно обычному дон Жуану, или же это было «искусство ради искусства» по примеру Теофиля Готье, которым он так восхищался! «Обольщение ради обольщения», чисто эстетическое удовольствие; для него в этом заключалось искусство жить, душа его этим дышала...

Это донжуанство, эта ненасытная страсть к женщинам всегда не давала мне покоя. Как можно было бы ее определить? Какими словами? Зависимость, привычка, склонность, стремление к признанию или к любви? Он действовал так, будто рано или поздно ему не придется платить по счетам. Обладание не было его целью. Александр мог бы быть персонажем «Двойного непостоянства» Мариво.

Если бы он был художником, то писал бы легкими мазками, намечая линии и изгибы.

Будь он музыкантом, то едва касался бы струн своей скрипки, дабы извлечь невероятные звуки.

Он вкладывал все свое обаяние, используя все ухищрения риторики, лишь бы убедить. И однако Александр, с его опытом общения с женщинами самого разного возраста, прилагал всяческие усилия, дабы меня не спугнуть. Тонкий знаток женской души, а главное, души девиц, он старался касаться лишь тех вопросов, которые интересовали мое поколение. Из этих соображений он сделал вид, что увлекается хореографией. Я поделилась с ним своей страстью к танцам, сожалея о том, что мать отказывается увеличить число уроков; я могла бы стать настоящей балериной. Александр рассыпался в похвалах моей осанке, грациозности и воздушности прыжков.

Я была и польщена, и смущена тем, что мужчина позволяет себе столько намеков на красоту моих форм, но говорила себе, что таково, очевидно, поведение настоящих мужчин, а не тех молодых людей, с которыми я обычно общалась.

Он расспрашивал меня об обычных занятиях светской золотой молодежи; я с гордостью сообщила ему, что была великолепной наездницей и победительницей во многих соревнованиях по верховой езде.

– Значит, у нас много общего, – заметил Александр.

– Вы тоже увлекаетесь верховой ездой? – спросила я.

– Не совсем, но для моих предков это было образом жизни; по отцовской линии наш род восходит к наводившим ужас викингам – их еще называли нормандцами, то есть людьми с Севера. В восьмом-девятом веках они правили в Европе, потом полонили Россию. Кстати, семья наша произошла от некоего Радши или Рачи; в пятнадцатом веке он получил прозвище Пушка; так фамилия моя стала Пушкин.

– Это был народ свободолюбивый и дикий, но наделенный богатым воображением... почти как я сам, – с улыбкой добавил Александр. – Они были торговцами, путешественниками, воинами, но главным образом – героическими мореходами, которые открыли множество стран, прежде чем их разграбить и опустошить. Они были неустрашимы. Вы, конечно же, видели на гравюрах их изображения, с длинными светлыми волосами и воинственно торчащими усами.

– Но вы же брюнет, господин Пушкин!

– Да, но это от другой ветви моей семьи, африканской, – пояснил Александр, не сбиваясь с рассказа.

Его биография захватывала меня все больше, и я слушала с возрастающим вниманием. Он продолжал:

– Вы, несомненно, видели эти огромные корабли, драккары, которые могли вместить более ста человек и отправлялись, подобно пламенным героям, на покорение мира.

Увлеченная речью Александра, я представляла себя то рядом с ним на гордом скакуне, скачущей с развевающимися волосами по диким степям, то на носу корабля в форме дракона, высматривающей новый остров, который мы лишим его сокровищ.

Александр вернул меня к реальности.

– Вспомните, Натали, что после Рима викинги в свое время были второй могущественной властью. Короче, когда вы узнаете, что этих скандинавов позже называли РУСАМИ – от слова «грести», – то вы все поймете в моей генеалогии! Когда я напишу автобиографию, то обязательно упомяну о своих корнях, дабы не сложилось впечатление, что мои предки были исключительно африканцами! Моего прадеда по материнской линии, Абрама, похищенного сына африканского князя, взял под покровительство царь Петр Великий. Его звали Абрам Петрович Ганнибал, родился он около одна тысяча шестьсот девяносто шестого года, умер в одна тысяча семьсот восемьдесят первом. Он был сыном владетельного князя в Абиссинии, основанной в одна тысяча двести десятом году, там правил царь Соломон, положивший начало династии солонионов. В те времена все королевские или княжеские семьи были в той или иной степени единокровны; таким образом, существует вероятность, что этот абиссинский князь, мой предок, был родственником царя Соломона... Итак, я происхожу из колена Дана, одного из двенадцати колен, исчезнувших много веков назад... И наконец, спросите себя, по какому счастливому случаю я всю свою жизнь ношу этот перстень-талисман; посмотрите, на нем цитата на арамейском, иврите древности!

В изумлении я уставилась на него, не зная, говорит ли он правду или сочиняет, стремясь меня поразить.

– Кстати говоря, я отнюдь не отрицаю, что во мне кровь метиса, напротив, – продолжил Александр. – Мои африканские и скандинавские корни составляют взрывчатую смесь, способную разнести наше общество. Но я слишком болтлив, расскажите мне о себе!

В дальнейшем я выяснила, что, когда мужчина желает определить, насколько умна его собеседница, он прибегает, как к волшебному «Сезам», к этим магическим словам, чтобы оценить женщину: «Расскажите мне о себе!»...

Я была удивлена его вопросом, это «расскажите мне о себе» и властный, повелительный тон словно парализовали меня. У меня возникло ощущение, что я сижу перед следователем Третьего отделения политической полиции, который расспрашивает меня о моей биографии. Должна ли я покаяться в грехах, которых не совершала? Что выбрать? Говорить о себе – какая тоска! Я заколебалась: или ложная скромность, или кичливость, или слабость; нет, ни одно из трех.

Если Александр обратился ко мне с подобной просьбой, не значит ли это, что он счел себя слишком претенциозным? Он старался быть забавным; женщины обожают мужчин, которые смешат их и развлекают; они воображают, что и жизнь с такими мужчинами будет веселой и приятной.

Мне не нравились серьезные, печальные и чопорные молодые люди, рассуждающие обо всем и ни о чем. Александр это понял, его высказывания стали легковесными и остроумными; они лучше подходили девушке-подростку в начале знакомства. Не затрагивалось ни одной темы, требующей вдумчивого размышления.

На самом деле ему и дела не было до моего ответа. Он желал только слушать музыку моего голоса. Он наблюдал за движениями моих губ; каждое слетающее с них слово казалось пузырьком, который появлялся и исчезал...

Я прикинулась скромницей.

– Знаете, господин Пушкин, я всего лишь обычная девушка из семьи, лишь недавно получившей дворянство. Во мне нет ничего необычного, разве что страсть к танцам, успехи в верховой езде и любовь к французскому языку.

– Ну что ж, – со смехом заявил Александр, – этого достаточно для самого взыскательного дыхателя всей Российской империи!

– Господин Пушкин, я тоже могла бы похвастаться моим генеалогическим древом...

И я пустилась в невероятную историю:

– Знайте, что моим предком была амазонка! Мы были племенем женщин-воительниц, наши деревни располагались по берегам Черного моря.

Александр вытаращил глаза. Я невозмутимо продолжила свой рассказ:

– Вы должны знать, что Александр Великий, не наш знаменитый царь, а греческий полководец, встретил мою прародительницу Фалестриду, царицу амазонок; он безумно в нее влюбился, и вот храбрый женился на прекраснейшей... Посмотрите на меня, перед вами наследница их любви!

Александр внезапно перестал дымить своей трубкой, сглотнул слюну; он смотрел на меня в смятении, не отводя глаз, словно в наш экипаж проник сам дьявол. Чтобы окончательно его добить, я добавила:

– Вам, конечно же, знакома одна из наших легенд: наши женщины были грозными охотницами и отрезали себе правую грудь; это добровольное калечение позволяло им лучше стрелять из лука... По этой же причине нас звали «амазонками», от греческого «mazus», то есть «грудь» и частицы «а», означающей «без».

Александр смотрел на меня, разинув рот.

– Да, да, – отозвался он, – все знают эту легенду, но я был не в курсе таких подробностей.

– Это не «легенда», как вы утверждаете! – прервала я его тоном взрослого, который бранит маленького ребенка за невнимательность к своим словам.

– Как это?

– У меня, например, – добавила я, дерзко глядя на Александра, – правая грудь немного меньше левой!

Я сделала вид, что с наивным простодушием подношу руку к корсажу, дабы доказать истинность своих слов...

Но Александр поспешил остановить меня:

– Нет, нет, я вам верю, мадмуазель!

Довольная произведенным эффектом, я шаловливо заключила, бросив исподволь на него взгляд:

– Я забыла сказать вам, что у нас, амазонок, женщины выбирают мужчин, а не наоборот!

Александр покраснел, с него слетела вся его спесь. Я таки заставила его проглотить своих викингов! С высоты своих шестнадцати лет я не имела ни притязаний, ни дерзости меряться с тем, кто станет самым знаменитым поэтом России; однако единственным моим оружием было мое воображение, питаемое самым разнородным чтением, и я использовала его всюю.

Намного позже, когда я уже была замужем, время от времени, стараясь придать беседе немного остроты, я пыталась по примеру писем мадам де Севинье превратить банальное происшествие в историческое событие. Увы, мои истории, неловкие и лишённые интереса, не имели успеха; они превращались просто в бабские пересуды! Чем больше я изощрялась, стараясь быть оригинальной, тем безнадежно яснее проявлялась моя эпистолярная манерность...

Александр исчез на долгие месяцы; он оставил меня, пообещав дать о себе знать. Я с нетерпением ждала его возвращения, как вдруг, без всякого предупреждения...

5. Возвращение Александра

«И плоды превзойдут обещанье цветов». Эти стихи Малерба как нельзя лучше подходят для описания «болдинской осени», на протяжении которой Пушкин оказался заточенным в своем родовом имении из-за эпидемии холеры. За это время он создал множество шедевров.

Он закончил «Евгения Онегина», написал «Каменного гостя», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Медного всадника», а также несколько десятков стихов.

Александр пребывал в крайнем возбуждении и думал лишь об одном: как вернуться ко мне. Разве сам он не объявил, что совершенно «огончарован»?

Увы, любые передвижения были ему недоступны. Его письма становились все более пылкими... Поддразнивая меня, сестры, также читавшие эти письма, смеялись, намекая на его «жгучую» любовь ко мне!

Метаморфоза свершилась: из чувствительных его послания становились романтическими, затем любовными и, наконец, откровенно страстными. Его эпистолы множились, и без нашего на то желания между нами устанавливались невидимые связи; как всем известно, разлука и расстояние усиливают чувства и подстегивают воображение.

Реальный облик Александра стирался в моем сознании, уступая место его улучшенному, идеализированному образу... Он становился выше ростом, красивее, мужественнее. В письмах Александра нарастала буря, я же писала мало или ужасные банальности; я боялась суда моего поэта. Десятки, сотни раз я пыталась представить себе нашу будущую встречу, прекрасно сознавая, что она никак не будет соответствовать тому его портрету, который я хранила в памяти.

Этот необычайно плодотворный в творчестве Александра 1830 год был отмечен двумя другими важными событиями: восстанием в Польше и революцией во Франции. Их объединяло только одно: стремление к Свободе.

В Польше 17 ноября 1830 года студенты подали знак к народному возмущению народа, требовавшего независимости.

На следующий год император Николай Первый ответил на это жестокими репрессиями.

Боги разгневались и отомстили: чудовищная эпидемия холеры обрушилась на часть России; она унесла десятки тысяч жизней, в том числе Константина, старшего брата императора, наместника Царства Польского...

Во Франции те же боги по политическим мотивам наказали короля Карла X, который повел себя как деспот; в результате на протяжении трех кровавых дней – 27, 28 и 29 июля – народ Парижа бунтовал и в конце концов сместил короля, заменив его новым. В память об этом историческом моменте тот период стал называться «Три славных дня».

Итак, французы неожиданно решили избавиться от короля, который им разонравился; некогда всеми любимый и снисходительный Карл X в начале своего царствования вызывал всеобщие восторги. Народ многого ждал от нового монарха, но с течением времени король переменился, превратившись в начинающего диктатора, не желающего считаться с избранным парламентом; он стал властным сувереном, поставившим себя вне закона.

Эти и подобные разъяснения я получала от Олимпы, моей преподавательницы французского, неотрывно следившей за событиями во Франции.

Я особо не интересовалась ни политикой, ни историей, но другим россиянам, обретавшимся за три тысячи верст от Парижа, французы казались самым оригинальным, необычным и, главное, капризным народом на всей Земле; судите сами: на протяжении тринадцати веков у них был король; первый из них, Хлодвиг, появился еще в пятом веке; мы же в России обзавелись нашим первым царем, Иваном IV, только в веке шестнадцатом.

Затем, в восемнадцатом веке, они решили отрубить своему королю голову! Они устроили революцию, создали Республику; далее, очевидно, от недовольства и своими бесчинствами, и их результатом, они воспылали восторгом к некоему генералу Бонапарту и короновали его Императором Наполеоном I... Затем с присущим им непостоянством они отворачиваются и от него, избавляются от его присутствия и теперь уже горят любовью к новому королю Людовику XVIII. Но и от него они быстро устают и, мучаясь укорами совести... зовут обратно императора, вспомнив, что именно благодаря ему они познали славу и господствовали над миром. С той поры, неудовлетворенные и разочарованные тем, что не имеют ни императора, ни короля, они испробовали друг за другом целых троих: Людовика XVII, Карла X и Луи-Филиппа. Внезапно они вспоминают о том, что во время революции «опробовали» Республику, и их охватывает смутное желание воротиться вспять... После всех политических перипетий этот народ – непостоянный, легкомысленный, непредсказуемый – в приступе ностальгии избирает своего первого Президента республики, но, решив, что данный титул недостаточно лестен для Франции, путем плебисцита нарекают его императором Наполеоном III. У французов острое чувство семейственности. Идеальным правительством для французского народа станет то же, что идеальная женщина для Александра: недостижимое!

* * *

Мы вновь увидели Александра только 5 декабря 1830 года, и он нас даже не предупредил. Нашему удивлению не было границ. Как Улисс, возвратившийся на родной остров Итаку, Александр поступил на античный манер, подобно греческому герою. Но, в отличие от Улисса, он не устоял перед пением многочисленных сирен.

Хотя он и преодолел по дороге в Санкт-Петербург различные карантинные заграждения, его ждало нечто куда худшее – волшебница Цирцея, моя мать! Что же до меня, нежнейшей и робкой Пенелопы... я-то устояла под напором претендентов в женихи и готовилась встретить нашего поэта.

Мы с Екатериной и Александрой весело болтали в моей комнате и вдруг услышали, как громко хлопнула входная дверь; властный голос матери лихорадочно звал нас:

– Наталья, Екатерина, Александра!

Мать металась по дому как мышь, попавшая в лабиринт.

Она голосила:

– Он возвращается, возвращается, уже вернулся!

– Да кто же? – спросила я. – Что происходит?

– Пушкин возвращается, – выдохнула мать, а затем сурово обратилась ко мне. – Иди сюда, я хочу с тобой поговорить.

– Слушаю вас, маменька.

– Я случайно узнала, что Пушкин покинул свое родовое имение в Болдино и вернулся в Санкт-Петербург; слушай меня хорошенько, Наталья, и повинуйся беспрекословно; и не вздумай задавать глупые вопросы!

– Хорошо, маменька.

– Нам несказанно повезло: князь Мещерский по-прежнему проявляет к тебе интерес; взгляды, которые он на тебя бросает, более чем красноречивы: этот мужчина желает покорить молодую женщину и связать с ней свою судьбу, поверь моему жизненному опыту, – добавила она, убежденная собственными речами.

Мать впадала во все большее неистовство:

– Пойми, ты станешь княгиней; в скором времени ты войдешь в ближайшее окружение императора и императрицы; слуги будут кланяться тебе каждый день, едва ты появишься; почти каждый вечер ты будешь ездить на концерты, получать приглашения на балы и приемы;

на каждый выход у тебя будет новое платье, ты заведешь личную портниху; твой куафер будет являться каждое утро, разве это не чудесно?

Я осмелилась ее прервать:

– Маменька, вы знаете басню Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком»? Надеюсь, финал у нас будет иным!

– Дурочка, – отозвалась мать.

– Я лишь хотела пошутить, мне кажется, вы так нервозны, – кротко заметила я.

– А теперь послушай меня. Когда Пушкин придет, ты должна напустить на себя самый ледяной, надменный и жеманный вид, ты не будешь улыбаться всем его комплиментам, словно они обращены не к тебе, а к кому-то другому, ты будешь лишь кратко отвечать: да, нет. Нужно сделать так, чтобы он сам передумал на тебе жениться. А потому тебе следует выглядеть как можно более неприятной и отталкивающей; он должен увидеть тебя холодным чудовищем, бесчувственным и не слишком привлекательным. Его возвращение – катастрофа, оно полностью нарушает все мои планы относительно такого исключительного претендента, как князь Мещерский; ты все хорошо поняла, Наталья?

– Да, маменька, я сделаю, как вы скажете.

– Твой брак с князем Мещерским станет для нашей семьи несказанным везением.

– А для меня? – осмелилась я спросить.

– Разумеется, дурочка; поднимемся наверх и подготовимся, он должен появиться где-то через час.

Мать собрала всех слуг и по своему обыкновению начала раздавать властные приказы; челядь ее ненавидела. Ей придумали прозвище «Ивановна Грозная» с ясным намеком на лютого царя, чье правление утопало в терроре.

Она всегда находила повод грубо осадить или унижить прислугу, злобно давая понять, что они лишь люди второго сорта, просто имущество.

В сущности, это было не так уж далеко от истины, крепостные являлись ходячей звонкой монетой. Чем больше земли и «душ», то есть крепостных, которые к этой земле были приписаны, имелось у владельца, тем богаче он был. Когда он продавал свою земельную собственность, то уступал ее вместе с «душами»... Частенько это давало возможность смошенничать, особенно когда в передаточную опись включались уже умершие крепостные. Ведь благородный человек не унижится до того, чтобы их пересчитывать!

Так, Николай Гоголь, друг Александра, через пять лет после его смерти, в 1842 году, опубликовал роман «Мертвые души», который как раз и повествовал о плутовстве одного беспардонного пройдохи, торговавшего уже несуществующими душами!

Нам с сестрами было стыдно за то, как мать обращалась со слугами. И она была не единственной, кто вел себя подобным образом, ее подружки поступали так же.

Когда они раз в неделю собирались вместе «на чай», любимой их темой было обсуждение оплошностей и неловкости слуг, над которыми они нещадно насмехались; какое увлекательное занятие! Достаточно было услышать их презрительный истеричный смех, чтобы догадаться, о чем шел разговор.

Однако наиболее несчастными и заморенными были те крепостные, которые работали в полях; я удивлялась, почему они не бунтуют. Возможно, будучи глубоко религиозными, они полагали, что Господь обрек их на такую судьбу во искупление первородного греха.

А верхом парадокса было то, что мать желала быть любимой «своими людьми». Ее вечной присказкой было:

– Мои люди делают то, мои люди делают се, мои люди думают, что...

Это собственническое «мои» возвышало ее в собственных глазах и поддерживало ощущение матриархата; другим доказательством было то, что она насильно отселила полусумасшедшего отца в дальний закуток дома...

Она пила все больше и больше; часто, пьяная, она начинала бредить. Как некоторые алкоголики, которые хотят с одной стороны скрыть, до какой степени они захмелели, а с другой – не терять чувства собственного достоинства, она обращалась к воображаемой аудитории и декламировала раз за разом:

– *«Вино свойственно лишь человеку»*

и

– *«Вино является высшим проявлением культуры в этом мире!»*

Произнеся эти исторические слова Рабле, она погружалась в глубокий сон, дабы проспаться после общения с «божественной бутылкой».

Больше всего от нее доставалось поварам, потому что, желая сохранить стройность, она старалась соблюдать диету; ей не нравилось ни одно блюдо, и она проявляла безмерную капризность.

Любая помеха превращалась в трагедию. Ей была невыносима мысль, что она стареет; когда-то она была королевой красоты, окруженной мужским восхищением и лестью. Сегодня же она видела в зеркале отражение дурнеющей женщины; желчный характер отражался на ее лице, подчеркивая морщины; злобность натуры выплывала наружу...

– Наталья, поди сюда и надень это платье.

– Но, маменька, оно же совсем старое, я уже столько лет его не ношу и как раз собралась отдать его какой-нибудь из наших служанок.

– Нет, – не терпящим возражений тоном заявила мать, – именно его ты и наденешь, ведь оно делает тебя не такой привлекательной. В нем ты похожа на провинциальную старую деву, которая закончит свои дни в монастыре, и это ровно то, что требуется! Надень также стоптанные туфли, а волосы собери в строгий пучок; и, конечно же, не вздумай подкраситься!

Снизу, от входной двери послышались звуки боевой тревоги и раздались радостные восклицания: это был голос Александра, он шутил с встретившей его прислугой.

– Привет всем домочадцам, – зычно вскричал Александр.

Похоже, он пребывал в прекрасной форме, начало было многообещающее.

Каждое появление Александра несло с собой радость и нечто необычное.

Я нетерпеливо и с некоторым замиранием сердца ждала этого события; лишь накануне встречи я осознала, что встреча с человеком, которого давно не видела и страстно желала увидеть вновь, давала волю воображению, уносящему нас в неизведанные дали... И в сам момент воссоединения после столь долгого ожидания и постоянного напряжения – удар молнии, а потом ничего, ни единого слова... нечто вроде оргазма свидания!

Мы с сестрами всякий раз заранее наслаждались уготованным нам спектаклем. Он был словно порыв свежего воздуха в удушливой и напряженной атмосфере, царящей вокруг матери.

В этом театральном представлении Александр отвел себе благую роль: придя в дом, он задаривал презентами моих сестер Екатерину и Александру; к ногам матери он слагал самые пошлые знаки почтения, которым всегда предшествовал огромный букет редких цветов, со всей возможной деликатностью доставленный специальным посыльным ровно за час до его прихода.

Что касается меня, то я получала или драгоценное украшение, или французское платье, которое он специально заказал, загадочным образом узнав мои точные размеры...

Александр, как доблестный рыцарь без страха и упрека, припадал на одно колено; он ждал причащения от моей матери, после чего обрушивал на нас все разом – свою любовь, свои подарки, свою славу.

Когда он бывал в особенно хорошем расположении духа, его экспромты становились непредсказуемыми; он рассказывал невероятные истории, и мы никогда не знали, были ли они целиком выдуманными или же имели место в действительности. Однажды за игрой в карты он обвинил графа Зубова в нечестной игре. На следующее утро, в день дуэли, Пушкин появляется в назначенном месте, с аппетитом поедая черешню из пакета и небрежно сплевывая косточки. Полковник стреляет, промахивается, а Александр, продолжая лакомиться черешней, спрашивает противника:

– Вы удовлетворены?

Полковник кидается к Александру... с объятиями!

Тот останавливает его со словами:

– Это уже лишнее.

После чего Александр спокойно разворачивается и удаляется так же величественно, как пришел, не забывая доедать свою черешню.

Эта история не сводится к обычному рассказу; на мой взгляд, она отражает не только необычайное, бессознательное мужество, но и настоящее, полное презрение к смерти, вплоть до вызова ей. Приключение так ему понравилось, что он вернулся к нему в одном из своих рассказов – «Выстреле»; его главный герой, вымышленный или реальный, вызывает восхищение.

В другой раз на одной из вечеринок он даже бросил вызов своему близкому другу Рылеву. На месте дуэли он со своим обычным великодушием и спокойствием предложил противнику серьезное преимущество – стрелять первым. Тот нажал на курок и, к счастью, промахнулся. Пушкин же, в свой черед подняв пистолет, посмотрел Рылеву в глаза, медленно отвел оружие в сторону и... выстрелил в землю, после чего расхохотался и кинулся обнимать друга.

Моя средняя сестра Александра, которая была на год меня старше, безумно влюбилась в Пушкина. Я этого не заметила. Мне только показалось, что она проявляет необычайное внимание и предвосхищает малейшее его желание. Но я решила, что сестра лишь следует указаниям матери, желавшей придать нашему дому особую приятность, а потому велевшей ей вести себя со всяческой доброжелательностью.

Однако с течением недель между сестрой и Александром установились очень теплые и близкие отношения; я совершенно не хотела выказывать хоть тень ревности, а потому довольствовалась тем, что иногда перехватывала заговорщицкие улыбки, которыми они обменивались, но с чисто сестринским расположением делала вид, что не придаю этому никакого значения. Не желая выставить себя перед Александром в смешном свете, я не позволяла себе ни единого резкого замечания, избегая любых комментариев и помимо воли принимая положение таким, каково оно есть.

Не хотелось бы показаться нескромной, но мне казалось, что я вполне выдержу сравнение!

Наша старшая сестра Екатерина также не устояла перед чарами Александра; решительно, он вносил губительный раскол в семейство Гончаровых...

Отныне у меня появились две соперницы: мои собственные сестры!

Екатерина была тихой и скромной; она не обладала взрывным жизнерадостным характером смешливой Александры. Екатерина любила Александра молча, в тени.

А раз уж она не могла проявлять свою пылкую любовь, то превратилась в наперсницу и больше не покидала меня ни на шаг. Всякий раз, когда мы с Александром собирались выйти в свет, будь то на бал или на концерт, она предлагала сопровождать нас; мои возражения показались бы странными. Когда я задумывала идиллическое свидание с Жоржем Дантесом, Екатерина так или иначе настаивала на своем присутствии, даже во время наших верховых прогулок.

Что до Александры, я заметила, что взгляды, которые она бросала на Александра, более не приличествовали поведению девушки с одним из моих поклонников.

У меня зародились сомнения, но не было ни одного серьезного доказательства до того дня, когда наша горничная, питавшая ко мне особую привязанность и преданность, попросила о личном и секретном разговоре.

Первым делом я подумала, что она забеременела, а ее семья ничего и знать не знала. От меня не укрылось ее крайнее смущение.

– Мадмуазель, – сказала она, – мне очень неловко, но я должна сделать вам одно признание первостепенной важности.

– Я уже поняла, Ольга, – сухо сказала я. – Сколько уже месяцев?

– Неделю, мадмуазель, – отвечала она.

– Как, вы знаете уже неделю! И вы уверены?

– Да, совершенно, мадмуазель, и я принесла вам доказательство.

Я была ошеломлена, однако ждала «доказательства».

Если она не была в положении, значит, вполне вероятно, что нужда в деньгах вынудила ее украсть у меня какую-то вещь...

– Не тратьте мое время, Ольга, я вас слушаю, в чем дело?

– Так вот, мадмуазель, – заговорила горничная, ломая пальцы, – служанка, застилавшая постель Александры, этим утром нашла в простынях пуговицу от панталон господина Пушкина, вот она!

Я молча взяла пуговицу.

– Спасибо, – наконец, промолвила я, стараясь ничем не выдать своих чувств. Однако эта находка не оставила меня равнодушной. – А пока попрошу вас не предавать огласке случившееся; это женские дела, и они должны остаться между нами, – добавила я, посылая ей заговорщицкую улыбку. – Передайте это также и служанке.

– Конечно, – ответила Ольга, – клянусь своей честью, даю слово женщины!

У меня мелькнула мысль, что такая клятва звучит не слишком убедительно... Напоминало шутку о женском умении хранить секреты, которую как-то рассказал Александр.

Один русский дворянин решил проверить, насколько можно доверять жене, и сообщил ей секрет, настоятельно попросив не разглашать его, поскольку речь шла о чем-то крайне личном: у него на ягодице вырос кустик зеленого горошка! Она поспешила поделиться этим со своей лучшей подружкой, а та со своей... Когда история вернулась к нему, то ему приписывался целый огород!

Этот анекдот на какое-то мгновение развлек меня, но я начинала понимать всю чудовищность открытия горничной. Однако я так никогда и не заговаривала об этом ни с Александром, ни с Александрой.

– Здравствуйте, Наталья Ивановна, мое почтение, как ваше здоровье? – поинтересовался Александр.

– Спасибо, хорошо, – ледяным тоном отозвалась мать.

– А ваши чудесные дочери? – веселым тоном продолжил Александр.

– Спасибо, хорошо, – тем же нелюбезным тоном ответила мать.

– Я не вижу очаровательной княгини Натальи, – добавил он.

Услышав слово «княгиня», мать ошеломленно глянула на Пушкина; она едва не впала в панику! Неужели он узнал, с тревогой спрашивала себя мать.

– Почему вы называете ее «княгиней»? – делано невинным тоном удивилась она.

– Ну как же, – рассмеялся Александр, – ведь ей суждено княжить в моем сердце!

Но в ту же самую секунду, когда он постарался найти забавное объяснение, Александр понял смятение матери. На самом деле во время своей ссылки в родовом имении он регулярно получал известия из Санкт-Петербурга... в том числе о семье Гончаровых. Он в точности знал, что князь Мещерский пребывает в засаде... отсюда и взялась его шутливая оговорка! Наполовину успокоенная, мать выдавила гримасу вместо улыбки. По сегодняшнему случаю

она сменила наряд: обычно такая элегантная, иногда даже с избытком в старании обогнать настигающие ее годы... сейчас она облачилась в строгое черное платье почти до пят. Чужак мог подумать, что она носит траур из-за какой-то личной трагедии.

– Путешествие утомило меня, – сказал Александр. – Дороги по-прежнему опасны, мне пришлось четыре раза менять колесо у коляски; лошади были совершенно без сил. Но все это не представляет интереса; простите, что досаждаю вам ненужными подробностями. Я расскажу обо всех своих злоключениях, но после полного одиночества в Болдино я испытываю настоятельную потребность говорить о чем угодно.

Ему бы следовало сказать «с кем угодно», но он вовремя придержал язык, не совершив непоправимой ошибки.

– Понимаю, – холодно и по-прежнему нелюбезно заметила мать.

– Но я не терял времени, пока эта ужасная эпидемия холеры, унесшая сотни жизней, держала меня в заточении; я даже воспользовался этим бедствием.

– Каким образом? – весьма заинтригованная, спросила мать.

– Я написал «Пир во время чумы».

Едва он произнес эти слова, как появилась я.

Я сильно закашлялась, дабы привлечь внимание; он поднял глаза, удивленный моим нелепым облачением. Несмотря на мое вышедшее из моды поношенное платье бедной служанки, я медленно и величественно спускалась по лестнице, ведущей в гостиную.

Я сумела взять реванш; двигаясь подобным образом в этом смехотворном, обветшалом, почти жалком платье, я придавала ситуации нелепый, почти шокирующий оттенок: бедная Золушка идет на встречу со своим прекрасным принцем!

– Как оригинально, – сказала я. – И в чем сюжет?

Мать грубо меня оборвала:

– Лучше распорядись о чае господину Пушкину, – резко велела она.

Приятную обстановку создала моя мать!

Однако Александр оставался весел и делал вид, что не замечал ни демонстративно сварливого настроения матери, ни давящей атмосферы, которую она распространяла.

– Что ж, – начал Александр, – дело происходит в Лондоне в тысяча шестьсот шестьдесят шестом году, во время Великой Чумы, убившей тысячи человек; я провожу параллель между нашей эпидемией холеры и лондонской чумой. В том самом году, когда чума опустошает Лондон и смерть бродит меж домами, однажды вечером компания друзей собирается вместе; они едят, пьют и веселятся; внезапно появляется священник... Вы узнаете, что было дальше, когда прочтете мою историю, – прошептал Александр загадочным тоном.

Поначалу казалось, что Александр меня не узнал в моем удивительном облике. Однако он не сказал по этому поводу ни слова.

Столкнулись две невидимые стратегии: одна – Александра, чьей явной целью было довершить свою победу и окончательно покорить меня, а другая – матери, которая, напротив, стремилась навсегда отвратить претендента Пушкина, мешавшего в охоте за сокровищем, коим являлся князь Мещерский.

– Господин Пушкин, я полагаю, что лучше немного повременить и не торопить события; Наталья еще очень молода, дадим ей время немного повзрослеть.

Александр повернулся ко мне, я со своей стороны не ожидала, что он воззовет к моему мнению:

– А вы, Наталья Николаевна, что об этом думаете?

– Маменька, без сомнения, правы, – сказала я, стыдливо потупив глаза; я хорошо усвоила урок.

Но Александр совершил столь долгое путешествие не для того, чтобы получить от ворот поворот, ведь первое, что он сделал по приезде в Санкт-Петербург, – это нанес визит семейству Гончаровых.

– Наталья Ивановна, не найдется ли у вас чего-либо, чтобы нам согреться?

– О, покорнейше прошу меня простить, я пренебрегла своими обязанностями хозяйки!

Мать поспешила принести коньяк и бутылку «Массандры»; Александр обильно угостился и заговорил как заправский адвокат – громко и красноречиво, бурно жестикулируя.

Внезапно он бросился к моим ногам и продекламировал стихи, в которых выражал свою пламенную страсть:

– Наталья, – протянул он руки ко мне, – вы солнце моей жизни... звезда моих ночей... Вы моя муза... Я не могу жить без вас; за время моего отсутствия я понял, что вы средоточие моего бытия!

Мать, слегка опешив и встревожившись, забила поглубже в кресло; она, еще час назад занимавшая все окружающее пространство и полностью державшая ситуацию в своих руках, теперь превратилась в простую зрительницу, которая, не веря глазам своим, смотрела на разошедшегося Александра!

Устрашившись его патетического тона, мать поняла, что он значительно переборщил с питьем, однако застыла, не говоря ни слова.

В конце концов Александр, если можно так выразиться, доконал ее, рассказав одну легенду. Но, прежде чем продолжить свою речь, он опрокинул два бокала – один с коньяком, другой с «Массандрой», подкрепив на свой манер французско-российскую дружбу.

– Наталья Ивановна, я объясню вам, почему в метафизическом смысле Наталья женщина моей жизни.

Мать, чувствуя себя очень неловко, с опаской слушала его.

– Существует легенда, – продолжил Александр, все больше хмелея, – что однажды титаны восстали против Зевса, великого бога Олимпа; в ответ тот разделил каждого титана надвое и рассеял их по всей Земле. Вот почему с той поры каждая половинка ищет свою пару!

– Так вот, я, Александр Сергеевич Пушкин, официально заявляю, – тут он опрокинул еще один бокал, взяв со стола первый попавшийся, – что я нашел свою женскую половинку, которую искал с самого рождения!

Мать, совершенно растерявшись, замерла, не в силах вымолвить ни слова. Я же с самого появления Александра держалась очень сдержанно, однако незаметно послала ему знак, что разумнее было бы ему уйти.

Этот неожиданный и тяжелый разговор отнял у Александра все силы и вогнал в мрачное расположение духа; он казался слегка разочарованным. Я инстинктивно чувствовала, что сейчас что-то произойдет; он стал задумчив. Он раскланялся вежливо, но холодно. Лишь намного позже я поняла его поведение.

Эта беседа заставила его задуматься; разумеется, он по-прежнему был влюблен в меня, но начал задаваться вопросом, не случится ли так, что, женившись на дочери, он заодно женится и на ее мамаше! Семейная жизнь втроем... эта мелькнувшая в голове шутка его повеселила и внезапно вернула хорошее настроение.

Однако он был твердо уверен: за моими мыслями и поведением стоит Наталья Ивановна, которая и дергает за ниточки. Помимо этого, его ужасала мысль окончательно потерять свою свободу. Мать стремилась как можно дольше оттягивать свадьбу. С присущей ей практичностью она предпочитала держать под рукой обоих претендентов – и Александра, и вновь объявившегося богатейшего князя Мещерского, намеревавшегося просить моей руки. Ее поиски Грааля должны были завершиться успехом, она уже видела себя княжеской тещей! Исходя из этих соображений, она дала Александру весьма расплывчатый и уклончивый ответ.

Какой головокружительный взлет по социальной лестнице, мечтала она вслух, расхаживая по дому.

Александр, привыкший сметать все преграды, был не на шутку раздосадован и отправился на Кавказ. Мы его увидели лишь несколько месяцев спустя.

Однажды пополудни, когда дом был пуст, я ясно расслышала два голоса, доносящиеся из комнаты матери. Странно, с самого утра никаких визитов к нам в дом не было. Охваченная любопытством, я тихонько приоткрыла дверь ее спальни и застала поразительную сцену: моя мать, надев свое лучшее вечернее платье и соорудив модную прическу, в туфлях на высоченном каблуке, изображала перед психе сразу двух персонажей – саму себя и князя; она старательно меняла голос, то говоря басом за князя, то переходя на свою естественную речь; она посылала зеркалу обольстительные улыбки и взгляды неотразимой покорительницы сердец.

Я успела различить лишь несколько реплик:

– Прошу вас, князь, какая честь для меня принимать вас в нашем скромном жилище... – жеманилась она.

– Напротив, дражайшая Наталья Ивановна, это для меня великая милость посетить ваш дом и свести знакомство с вашей юной обворожительной дочерью Натальей Николаевной.

Я так же тихо притворила дверь, не желая прерывать это восхитительное свидание с Его Светлостью.

Сумеет ли мать воплотить в жизнь свою грезу – стать тещей князя? Все это время Александр напряженно размышлял над вопросом, должен ли он сунуть голову в петлю?

6. Александр отказывается от женитьбы

– Вы совершеннейшим образом заблуждаетесь, дорогой Александр Сергеевич, – сказала моя мать, – Наталья вас обожает и питает к вам глубокое уважение, она только о вас и говорит; не единожды за день она проверяет прибытие почты; она ждет вас с нескрываемым нетерпением.

Но Александру и дела не было до обожания и уважения! Он осознавал всю противоестественность этого союза. В отношении меня он задавался вопросом: «*Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux?*⁸»

В сущности, думал Александр, наш брак станет чем-то вроде узаконенного насилия, словно во времена сеньоров и королей Франции. Муж присваивал себе «право первой ночи»!

Александр был слишком умен и тонок, чтобы не почувствовать опасений совсем юной девушки, внушаемых мыслью о браке, на который я против воли вынуждена была дать согласие. Александр сомневался, а я воротила нос! Впав в пессимизм и опасаясь худшего, он спрашивал себя: «*Ne me prendra-t-elle pas en aversion?*⁹». Он уточнял, что мое холодное, крайне сдержанное поведение привело его в полное уныние: «*Что у нее за сердце? Твердую дубовой корою, тройным булатом грудь ее вооружена*».

Наша взаимная настороженность являла собой истинную гармонию! Я не могла избавиться от мысли, что он меня вовсе не привлекает, он же со своей стороны черпал силы в мысли, что пусть я глупа, зато красива... Слабое утешение!

Александра не обманула внезапная перемена в матери; он сразу заподозрил, что здесь кроется какой-то подвох, и пожелал доказать ей, что в этой шахматной партии она встретила достойного соперника! Он послал ей письмо, где говорилось, что, ясно ощутив ее враждебное к себе отношение, он задумался и в конечном счете пришел к выводу, что и впрямь не является самым подходящим мужем, о котором она могла бы для меня мечтать. И вот, с глубоким прискорбием и несмотря на все усилия с его стороны, он сдается и отказывается от своего предложения!

С присущим ему фатализмом и трезвостью суждений он написал моей матери: «*L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de mademoiselle votre fille, je puis espérer me l'attacher à la longue*¹⁰».

Он смирился с таким положением вещей, решив, что, как у старых супружеских пар, со временем любовь превратится в нежность, а нежность в безропотность.

Проницательный и утонченный, он выбрал слово «привязанность», а не «любовь».

И добавил любопытное признание: «*Je n'ai rien pour lui plaire!*¹¹»

Он осознавал, что интерес, который я испытывала к нему, вызван единственно его известностью.

Его внешность не только мне не нравилась, но и вызывала отвращение.

Я почти пожалела его: в нем чувствовался иступленный призыв, исходящий из глубины души, крик отчаявшейся любви. Ответ матери последовал незамедлительно: с обычным для нее прагматизмом и приспособленчеством она давала свое согласие; Александр возрадовался, но не проявил легковёрности.

⁸ Не будет ли она смотреть на меня как на коварного похитителя? (франц.)

⁹ Не почувствует ли она ко мне отвращения? (франц.)

¹⁰ Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность... (франц.)

¹¹ Я ничем не могу ей понравиться (франц.)

Тем временем он размышлял: без сомнений, всякое отсутствие воодушевления со стороны моей матери и мое поведение маленькой избалованной аристократки, явно стремящейся лишь внушать вождение, не слишком побуждали его настаивать на своем предложении. У Александра были весомые резоны для отступления.

Как приговоренный к смерти с тоской ожидает объявления даты его казни, так и Александр видел, как на горизонте вырисовывается день его свадьбы... Его охватывала ностальгия по прошлому: прощайте, вакхические вечера, пламенные споры, последние «посошки», возвращение домой на туманном рассвете!

Отныне его существование будет полностью подчинено правилам, пунктуальности и нормальности.

Однажды между мной и Александром произошел серьезный разговор, и он доверительно рассказал мне, что испытал серьезные колебания после письма, полученного от своего большого друга и восторженной поклонницы Елизаветы Хитрово. Должна заметить, что эта безоглядно влюбленная в него женщина была совершенно убита, когда 18 февраля 1831 года он женился на мне.

Она прислала ему истинный шедевр эпистолярного жанра... совершенное кружево, в котором сплетались ирония и тоска:

«Прозаическая сторона брака – вот чего я боюсь для вас! Я всегда думала, что гений поддерживает себя полной независимостью и развивается только в непрерывных бедствиях, я думала, что совершенное, положительное и от постоянства несколько однообразное счастье убивает деятельность, располагает к ожирению и делает скорее добрым малым, чем великим поэтом... Может быть, после личного горя это больше всего меня поразило в первую минуту...

Богу было угодно, как говорила я вам, чтобы у меня не было и тени эгоизма в сердце. Я размышляла, боролась, страдала и наконец достигла того, что сама теперь желаю, чтобы вы поскорее женились. Поселитесь с вашей прекрасной и очаровательной женой в хорошеньком деревянном опрятном домике, навещайте по вечерам тетушек, чтоб составлять им партию, и возвращайтесь счастливым, спокойным и благодарным провидению за сокровище, доверенное вам».

Она всегда прекрасно понимала, что это событие рано или поздно произойдет, но гнала от себя горькие мысли. Она твердо знала, что разница в возрасте не оставляла ей никаких надежд, тем более что Александра физически и интеллектуально очень привлекала ее собственная дочь, блистательная и ослепительная Долли Фикельмон. Когда весть о свадьбе Александра распространилась в обществе, Елизавета была крайне подавлена и послала это письмо – слегка ироничное и жестокое, но глубоко трогательное.

Нелишним будет напомнить, что Елизавета Хитрово питала к Александру и удушающую материнскую нежность, и страстную платоническую любовь, о чем свидетельствуют письма, которые он раскидывал где попало; поскольку ее мечта была неосуществима, она философски и печально отрекалась от нее.

Когда я представляю себе ее, пишу эту дышащую отчаяньем строку, я думаю о Расине и его словах о «величественной печали трагедии».

У Елизаветы не оставалось иного выхода, кроме как сменить обличье, обрядившись в одежды греческой прорицательницы Пифии, чтобы изречь со своего алтаря советы и бесспорные истины.

С первой строки она с удовольствием играет словами, противопоставляя «прозаическую» природу брака «поэтическому» началу в Александре.

Кстати, в своем юмористическом ответе он ясно показывает, что прекрасно понял двойственный смысл слова «прозаическая».

Великолепный психолог, она точно очертила проблему Александра: чтобы оставаться настоящим поэтом, ему необходима независимость и свобода от любых семейных принуждений.

Подобно Кассандре, она предрекала, что женитьба убьет его творческое воображение. Это уютное счастье станет его... несчастьем; мало-помалу Александр поддается и впадет в приятную летаргию; его поглотит вялость комфорта, а как следствие – он «ожиреет» как сыр в масле.

Вместо того, чтобы обидеться на язвительное описание его будущего как раздобрившего паши, он ответил Елизавете, что на самом деле он «просто добрый малый, который не хочет ничего иного, как заплывть жиром и быть счастливым!»

Елизавета вколачивает гвоздь по самую шляпку; она завершает свою едкую картину, добавив в качестве последнего штриха все штампы мещанской идиллии того времени: «хорошенький деревянный домик», уточняет она; и, дабы достойно увенчать свое творение, подчеркивает «опрятность», символизирующую совершенство этого буколического полотна!

В своем списке она не забывает и, больше того, физически связывает «домик» и «очаровательную жену». Что до предстоящих развлечений, они сведутся лишь к домоседству и унылым карточным партиям с тетушками.

Я разделяла мнение Елизаветы и Бодлера: Александр тоже был несчастным *альбатросом*:

Le poète est semblable au prince des nuées,
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher!¹²

Однако Елизавету, уставшую и отчаявшуюся после сотен любовных приключений Александра, радовало его грядущее бракосочетание; он больше не будет разбрасываться! Она долго томилась; отныне он будет принадлежать только одной женщине, и эта женщина... не Елизавета. Как ни парадоксально, она утверждала, что все его невзгоды, трудности, влюбленности и страдания питали его гений. Без сомнения, ею двигало давнее воспоминание о словах Альфреда де Мюссе, утверждавшего, что его Музой была боль.

Со своей стороны Александр спрашивал себя, насколько разумно пожертвовать своей свободой, столь для него драгоценной, ради прекрасных глаз ломачи, которая смотрит на него свысока, а то и с высоты!

В будущем я буду нарушать его одиночество, ему придется все время считаться с моими вкусами, исполнять мои капризы, учитывать мое мнение: по сути, это медленное и неизбежное изъязвление его независимости.

Но больше всего Александр опасался моего постоянно устремленного на него инквизиторского и подозрительного взгляда, днем и ночью подстерегающего каждый его поступок и движение, а еще обязанности давать отчет в собственных передвижениях. В каждый момент он будет вынужден задаваться вопросом: могу ли я? должен ли я?

Отныне он не сможет укрываться в тени своих размышлений, он будет обречен на ежедневный, почти тюремный тет-а-тет.

Но по-настоящему его преследовала и ужасала будущая жизнь «семейной четы». Он заранее предвидел монотонность и ежедневную рутину, бесконечное повторение слов, замечаний и жестов, в которых увязнет, как в клею, его существование...

---

¹² Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане, Недоступный для стрел, непокорный судьбе, Но ходить по земле среди свиста и брани Исполинские крылья мешают тебе. (франц.) Перевод В. Левика.

Александр ненавидел упорядоченное, распланированное бытие. Жизнь должна оставаться постоянным фейерверком и трепетом; лишь нечто необычайное было ему по душе, он ежесекундно ждал, чем жизнь удивит его.

Однако он понимал, что времени суждено погрузиться в дрему, отразиться в грустных глазах другого, что время это можно будет прочесть по морщинкам, которые осмелятся осквернить мое лицо.

Перспектива жить с одной и той же женщиной на протяжении тридцати или пятидесяти лет его ужасала; АД на двоих, шутил он. Как провести годы, месяцы, день и ночь с одной и той же женщиной? Он представлялся самому себе Сизифом – тот тоже был осужден толкать в гору свой камень, который неизбежно скатывался обратно!

К этой вынужденной душевной близости добавлялось еще одно обязательство, нечто вроде категорического императива: РАЗГОВАРИВАТЬ.

Александра мучил повторяющийся кошмар: он сидит связанный на стуле, а Натали в костюме палача с кнутом в руке мучит его и орет:

– Говори, говори! Почему ты не хочешь говорить?

Он чувствовал себя виноватым при мысли о том, что каждый день ему придется искать, придумывать новую тему для беседы, а вдруг ему нечего будет сказать? Только банальности, только «прозу»! Как бы он ни выжимал, словно высохший фрукт, мельчайшее событие прошедшего дня, его глагол иссякнет. Истинный интеллектуальный террор. Больше никогда у него не будет права размышлять, грезить, думать в тишине.

Должна ли я была воспринимать это как обиду и унижение? Как следствие собственной глупости? Чтобы как-то развеселиться, я вспоминала забавное замечание одной моей подруги, сказанное незадолго до моего замужества:

– Вот увидишь, Наталья, в жизни замужней женщины возникают все более долгие и многочисленные паузы, и их приходится заполнять!

Однажды, присоединившись ко мне в постели, Александр внезапно разразился гомерическим смехом.

– Почему вы смеетесь, Саша?

– А вам не кажутся комичными эти миллионы семейных пар, которые, как мы, лежат рядышком в кровати? У меня такое чувство, будто я жду смерти! Кстати, когда мы вот так посмотрим в потолок, мы словно два покойничка, – добавил он, хохоча во все горло.

– Это совсем не смешно, Саша!

Этот образ, наверняка потрясший бы любого другого, действовал на него до крайности благотворно и наполнял неизъяснимой радостью!

По зрелом размышлении Александр решил, что следует отказаться от этого союза. В очередной раз он стал жертвой собственных чувств; он воспылал к моей особе, как случилось частенько, стоило ему встретить юную прелестную девицу или привлекательную женщину, причем ее общественное положение не играло роли – служанка, светская львица, маркиза или княгиня, цель всегда была одна: Покорить, Покорить, Покорить!

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!

Его друзья разделились на два лагеря: одни поддерживали его стремление оставаться свободным, не связанным никакими узами, их девизом было «Выбор равен увечью!».

Другие, и среди них его друг Жуковский, напротив, советовали ему покончить с холостяцкой жизнью; он нашел женщину не только очень красивую, но и нежную, мягкую, влюбленную и покорную... большая ошибка!

7. Наталья Ивановна теряет голову

Мать была опытной актрисой, она подготовилась к величайшей роли в своей жизни: убедить или пропасть!

Начался последний акт пьесы, которая должна была закончиться либо моим триумфальным замужеством, либо окончательным крушением семьи... Мать мучилась ностальгией по славному прошлому нашего рода. Фамилия Гончаровых пользовалась уважением и известностью. Наша семья была бы очень богата, если бы ее не довел до банкротства лишившийся рассудка отец, а мать не оказалась скверной управительницей; на пару они привели к тому, что наши доходы сошли на нет.

Каждый балльный сезон истощал наши финансы, он стоил нам целого состояния, это выливалось в чистое безумие, тем более что нас было четверо женщин.

При приближении сезона мать впадала в горячку безудержных трат: в нашей коляске громоздились новые платья из Франции, ленты, модные шляпы, итальянские туфли, китайские парики. Мы с сестрами пользовались этой закупочной лихорадкой и всячески потворствовали ее ненасытности. Что касается меня, то такова была моя месть, реванш за детство и отрочество.

Мать не просто не любила нас: ее редкие моменты нежности выражались криками и пережегались незаслуженными пощечинами.

Без сомнения, она никогда не была счастлива с нашим отцом и заставила нас дорого за это заплатить.

Два события наложились друг на друга, вогнав ее в панику: письмо Александра с отказом и холодное, умело просчитанное выбывание князя Мещерского из списка возможных женихов; богатый и знатный, он более не претендовал на место супруга самой красивой женщины Санкт-Петербурга! Его благосклонный взгляд обратился на Екатерину Карамзину, дочь Николая Карамзина, друга и покровителя Александра.

Мать была в отчаянии; она наверняка вспомнила о моей невинной шутке, когда я предположила, что мираж Мещерского рассеется, как в басне Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком»: прощайте, платья, слуги, коляски и кареты...

Что до Александра, почему он отступился? Из-за матери или из-за дочери? Раздражительный характер матери, или мои слишком сдержанные и чопорные манеры, или же моя безликость... все могло сыграть свою роль.

Намерения князя наверняка никогда не были серьезными, я была для него всего лишь княжеским капризом.

Мать пребывала в волнении и беспокойстве. Она стала крайне нервозна. Она поняла, что совершила фатальную ошибку, попытавшись охотиться на двух зайцев сразу: оба убежали в разные стороны. Эти тревожные новости отнюдь не смягчили ее характер.

Как вернуть Александра Сергеевича Пушкина и не выглядеть при этом униженной просительницей? Ей пришлось разыграть смирение и скромность, а главное – проявить интерес, не имеющий ничего общего с финансовым. Ей также необходимо было казаться искренней, доброжелательной и правдивой, иначе ум и проницательность Пушкина быстро разоблачили бы проницательную комедиантку.

Мать отвела меня в сторонку и принялась поучать; с поразительным цинизмом она заявила:

– Отныне мы должны полностью сменить стратегию; до сих пор я требовала, чтобы ты не разговаривала, держалась сдержанно, проявляла лишь высокомерную снисходительность. Теперь ты должна разыграть свою роль по-другому, – проговорила она с апломбом, поставившим меня в тупик, хотя я и была привычна к ее актерским переменам.

Она обладала способностью к полному перевоплощению: могла орать, раздавать пощечины и сыпать проклятиями, но стоило появиться гостям, и она превращалась в нежнейшую, любящую маму, снисходительную почти до всепрощения!

– Наталья, будущее и судьба нашей семьи в твоих руках! – торжественно заявила она. – Отныне Пушкин – наш единственный спасательный круг. Разумеется, он урод, но богат и знаменит, что главное!

И далее продолжала:

– И не задавайся вопросом, любишь ли ты его, главное, что он тебя любит, – цинично заявила она. – Если он задаст тебе вечный вопрос мужчин: «вы меня любите?»...

Мать приблизилась к моему лицу, пристально посмотрела, погрузив свой взгляд в мои глаза, и сама ответила на только что заданный ею вопрос:

– «Дорогой, как вы можете в этом сомневаться?» Когда он окажется в твоей постели, тебе останется только закрыть глаза, разыграть радость, счастье или экстаз; достаточно будет думать о ком-то другом... – добавила она напрямик. – И знаешь, девочка, ты станешь не первой и не последней, оказавшейся в таком положении. Вспомни, во Франции прекрасная и благородная мадам де Ментенон, будучи в крайне стесненных обстоятельствах, выбрала в мужа писателя-калеку Скаррона и... стала любовницей Людовика Четырнадцатого, который к концу жизни на ней женился; видишь, все возможно! – расхохоталась она. – В подобных случаях мне на ум приходит прекрасная французская поговорка «*Faute de grives, on mange des merles*»¹³. Если ты пожелаешь завести любовников по своему вкусу, веди себя осторожно; живи своей жизнью, но главное, не попадись, это стало бы катастрофой для нашей семьи и для твоей репутации при дворе. Ты не наивна и понимаешь, с кем имеешь дело: Александр неисправимый ловелас, несмотря на все его заверения в неземной любви, письма и пылкие стихи (мать читала всю мою корреспонденцию, а иногда и отвечала на нее...), не думаю, чтобы женитьба его обрала. И потом, ты увидишь, вечной любви не существует, любви хватает ненадолго; в жизни все вовсе не так, как в розовой водичке твоего любимого Поля де Кока, без устали строчащего свои романы и пьески, которыми ты забиваешь себе голову. Поверь моему опыту, стань оболстительной: ты великолепна и, безусловно, одна из самых красивых женщин Санкт-Петербурга. Впрочем, ты и сама это знаешь, так что не буду лишним раз расписывать твои достоинства, – сухо добавила она. – Оболстить или погибнуть! – театрально завершила мать свою речь.

Я не поняла, говорит ли она серьезно или же разыгрывает комедию.

– Хватит ломаться, покажи, что ты настоящая женщина, вызывающая желание и испытывающая его, покажи, что он привлекает тебя физически и тебе нравится его повадка необузданного и неотразимого самца!

– Вам не кажется, маменька, что вы рискуете перестараться? – сказала я. – Или вы действительно принимаете Александра Сергеевича Пушкина за дурачка? Неужели вы полагаете, что такой человек, как он, тонкий психолог, знаток людских душ и побуждений, может купиться на подобные фокусы? Маменька, если вы никому не расскажете, я дам вам почитать отрывки из «Евгения Онегина», которые декламировал мне Александр, – не без иронии добавила я, – и вы все поймете! Если мужчина способен с такой точностью и глубиной выражать тончайшие движения женской души, он быстро распознает ваш недалекий план... и потом, я не ваша марионетка!

Внезапно я осознала всю чудовищность того, что только что произнесла.

За всю свою жизнь я очень редко давала хоть малейший отпор. У меня в ушах еще звучали собственные слова:

---

¹³ За неимением дроздов едят скворцов (*франц.*). Смысл: «на безрыбье и рак рыба» или «за неимением гербовой пишу на простой».

– Я не ваша марионетка!

Воцарилась мертвая тишина. Сестры Екатерина и Александра, случайно оказавшиеся рядом, ошеломленно застыли. Мать, вместо того чтобы бурно отреагировать на этот мятеж, сделала вид, будто ничего не слышала, и велела мне не терпящим возражений тоном:

– Делай, что тебе сказано. Пользуйся своей красотой, пока ты еще соблазнительна; сама увидишь, моя милая, как летит время...

Впервые с моего раннего детства мать обратилась ко мне с этим ласковым словечком, которое, как мне казалось, навсегда исчезло из ее любящего материнского обихода.

Как объяснить столь неожиданный поворот? Или слово «марионетка» произвело таинственный сдвиг в голове у матери? «МОЯ МИЛАЯ» – это граничило с чудом!

– Хорошо, мама, я вас слушаю.

Это «мама» вырвалось тоже случайно. Я произнесла его, не раздумывая, почти инстинктивно. И сама удивилась тому, как этот изначальный крик еще смог вырваться из глубин моего раннего детства; было ли то причиной, по которой это нежное звуко сочетание невольно вызвало потрясение в ее душе.

Разве «мама» не созвучно с «моей милой»?

– Вот увидишь, – снова заговорила она, – годы несутся со страшной скоростью.

Ее тон совершенно переменялся. Если бы в этот момент появился какой-нибудь случайный гость, он увидел бы двух беседующих закадычных подружек, которые делятся воспоминаниями детства. Старшая, оберегая младшую, предостерегала ее от опасностей жизни и ловушек, которые вечно подстраивают мужчины.

– Тебе восемнадцать лет, но не успеешь оглянуться – и уже тридцать; оглянешься еще разок, а из зеркала на тебя посмотрит застывшая, изрезанная морщинами изможденная восковая маска... и только по двум голубым глазам, которые еще движутся, ты узнаешь себя! Используй свою молодость, как писал французский поэт Ронсар:

Cueillez, cueillez votre jeunesse...
Comme à cette fleur la vieillesse
Fera ternir votre beauté¹⁴,

потому что ты тоже завтра увидишь, как и Ронсар, что твоя красота зачахла и увяла.

– Вот настоящий урок эпикурейства, – заметила я, желая показать, что не так уж глупа, как она полагала.

– Откуда ты это взяла? – удивилась мать.

– Знаете, маменька, все считают, что я красива и глупа; многие так думают, и вы тоже, и вас это вполне устраивает, чтобы продать меня тому, кто больше предложит.

– Что ты такое говоришь, кто вбил тебе в голову подобные мысли?

– Повторяю, маменька, я не такая пустоголовая, как вы воображаете! И перестаньте делать из меня ниспосланного самим провидением ангела, спустившегося на своих огромных крыльях, дабы спасти семью Гончаровых. Я прекрасно понимаю, что для вас куда удобнее держать меня за «красивую и глупую», чем за «красивую и умную»!

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ваши богатые и родовитые друзья ищут себе красивую куклу, которую будут выгуливать на балах, показывать на концертах, выставлять в модных салонах, а потом отвозить в золоченых каретах обратно в семейное гнездышко до следующего раза.

– У тебя ложные представления о моих намерениях, ты несправедлива, Наталья.

---

¹⁴ Отдай же молодость веселью! Пока зима не гонит в келью, Пока ты вся еще в цвету, Лови летящее мгновенье — Холодной вьюги дуновенье, Как розу, губит красоту. (перевод В. Левика)

– Маменька, не думайте, что я не распознала вашу игру: вам не удалось выдать замуж Екатерину, потому что она высокого роста и плохо сложена, а что до бедняжки Александры, то она от рождения слегка косоглаза... Вы мне скажете, что я тоже, но у меня это почти незаметно, и именно благодаря легкому косоглазию магия моего взгляда так гипнотически действует на мужчин! – рассмеялась я.

– Не приписывай мне коварных замыслов, нашла нового Макиавелли!

– Макиавелли, Макиавелли... надо будет перечитать его произведения, – очень серьезно повторила за нею я, подшучивая над матерью.

– Я лишь хотела предостеречь тебя и поделиться своим жизненным опытом; тебе несказанно повезло с твоей ослепительной красотой! Даже мне в молодости было далеко до твоего очарования; должна открыть тебе секрет: что бы ни случилось, существует одно непреложное правило... – закончила она с улыбкой.

Я поняла, что никогда еще не чувствовала себя так свободно с матерью; на какое-то мгновение я позабыла, что обращаюсь к своей родительнице; это походило на встречу с давней подругой, с которой вы давно не виделись и теперь испытываете неодолимое желание с нею пооткровенничать. Впрочем, а с кем еще Наталья Ивановна могла поделиться своими самыми сокровенными мыслями? Мать взяла меня за руку и повела в свою спальню, оставив сестер в гостиной.

– Теперь, когда мы одни, я только тебе открою тайну моей жизни.

Я была изумлена, и не только тем, что она пожелала рассказать мне некий секрет, но и той разительной переменой, которая в ней произошла.

– Слушаю вас, маменька, я вся обратилась в слух! – не без доли иронии сказала я.

– Подойди ближе, – тихо велела она.

Я повиновалась.

– В нашем роду мы все великие обольстительницы! – промолвила мать, обмахиваясь воображаемым веером. – Когда я была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, всякий день вокруг меня вился рой жаждущих меня придворных; не хвастаясь, я могла полагать себя одной из самых красивых дам при дворе. К моему несчастью, императрица безумно влюбилась в одного кавалергарда по имени Алексей Охотников, который не питал к ней никакого влечения... Зато он увлекся мною.

– Значит, вы были почти что императрицей, – пошутила я.

Даже не одернув меня, мать продолжила:

– Увы, он слишком выставлял это напоказ. Императрица не преминула заметить и, чтобы избежать скандала, снедаемая ревностью, вскоре объявила о моем немедленном увольнении со службы. Этот роман остался незабываемым, думаю, Алексей был единственным мужчиной, которого я действительно любила. Желаю тебе той же участи, – подмигнула она мне с заговорщицким и игривым видом. – Но не забывай об одном: будь всегда осторожна и будь начеку!

– Что касается меня, – самоуверенно заявила я, – поверьте, однажды я вас удивлю! Вы верно поступили, столько вложив в меня и обеспечив частные уроки с такой исключительной французской наставницей, как Олимпа де Будри. Она была не только великолепным педагогом, но и замечательной актрисой.

Олимпа де Будри познакомила меня и заставила полюбить литературу семнадцатого века, великие трагедии Корнеля и Расина; она исторгала у меня слезы, читая «Федру» и «Беренику», и смех до слез, когда изображала Гарпагона, преследующего вора, укравшего его шкапулку; она в лицах играла мне «Ворону и Лисицу» Лафонтена. Возникло полное впечатление, что присутствуешь при живой сценке из басни: так и виделась крадущаяся Лисица... Звучал нежнейший медовый голос, приветствующий Ворону, следовал глубокий поклон, выражавший все возможное уважение. Потом Олимпа де Будри делала большие глаза, изображая удивление, удовольствие и радость от расточаемых Лисицей похвал. Наконец, подражая Вороне, она

широко разевала рот, так что можно было почти различить миндалины. Я не могла удержаться от бурных аплодисментов, глядя на этот спектакль!

По сей день я не только помню наизусть эту басню, но и чувствую себя растроганной всякий раз, когда ее читаю.

Олимпиа страстно любила старинные слова и выражения и заразила меня своим пристрастием. Когда она проверяла мои сочинения, то с особым удовольствием заменяла некоторые мои слова или расхожие выражения другими, архаичными, давным-давно вышедшими из употребления, которые она извлекала из прошлого. Когда ей приходил на ум какой-нибудь редчайший старинный оборот речи, чудесным образом вписывающийся в мой текст, она всплескивала руками, как ребенок, нашедший потерянную игрушку.

Но человек, которому я обязана всем, – это мсье Ипполит де Лафайет, пламенный почитатель французских философов. Он очень гордился тем, что лично познакомился с Вольтером в 1774 году, за четыре года до его смерти. Он питал огромное уважение к этой исторической личности, сохранившей до последних лет жизни невероятную свежесть и остроту ума. Мсье де Лафайет был горячим последователем «Философских повестей», их гуманистические воззрения оказали на него глубокое влияние; его восхищали необъятные познания и ошеломляющие высказывания автора «Кандида». Но главным образом его впечатляло вольтеровское стремление к справедливости, к защите правого дела, ради которого тот готов был рисковать своей жизнью, его терпимость по отношению к человеческим поступкам, как и широта взглядов на историю.

Закоренелый атеист, мсье де Лафайет скрывался в Санкт-Петербурге. Мне было шестнадцать лет, ему шестьдесят; это он научил меня думать.

– «Научил думать»? – повторила мать, презрительно пожав плечами. – Как будто можно научить думать! Ум или есть, или его нет!

– Нет, маменька, вы ошибаетесь, – сухо возразила я.

Она была заинтригована и удивлена силой убежденности, прозвучавшей в моем ответе. Вновь я не только противоречила ей, но и оспаривала ее материнское превосходство.

– Постараюсь объяснить вам, чему меня научили. Прежде всего, не принимать на веру всего, что кажется очевидным, потому что наши чувства обманчивы... И мы все жертвы собственного воображения, – провозгласила я профессорским тоном.

У матери глаза на лоб полезли...

– Не следует верить всем суевериям, которым нас учат, – продолжила я.

Казалось, мать выслушивает зазубренный наизусть урок, но дальнейшее ее встревожило.

– Есть ли Бог? Увидим позже, – добавила я, смеясь над собственным ответом. – Следует наблюдать и анализировать, не существует никакой навязанной очевидности, а еще никогда не надо слушать других; важно доверять только себе, даже если пытающийся убедить вас человек – самый большой ученый и эрудит. И наконец, тот факт, что это написано в книге, вовсе не означает, что такова истина или «святая правда», – насмешливо заключила я.

Мать слушала меня не перебивая, словно зачарованная, и даже не подумала возразить. Потом она спохватилась. Пожала плечами и заявила:

– Ты просто безмозглый попугай. Это твой Ипполит де Лафайет внушил тебе подобные нелепости? Он забил тебе голову своими либеральными революционными идеями, которые распространяют французские философы. Да, да, я знаю, это теперь очень модно! И юнцы, которые вьются вокруг тебя в нашем доме, увлекаются этими опасными воззрениями. Что до твоих рассуждений о религии, я совершенно уверена, что это напел тебе Александр Сергеевич, ты не могла сама такого придумать! Именно так все и полагают: Александр Сергеевич Пушкин – атеист, опасный для нашего общества, или же, по крайней мере, смущающий умы вольнодумец; император и его верный генерал Бенкендорф правы, что не доверяют ему.

Мать с изумлением обнаружила, что присутствует при рождении существа, которое много лет жило с ней бок о бок, но которого она не знала и только что с ним познакомилась.

Ее взрывной вулканический характер более не будет служить ей защитой в грядущих напряженных спорах.

Она видела, как возникает взрослая великолепная женщина, которая не позволит легко собой манипулировать!

* * *

Мать готовилась принять Александра и сыграть решающую партию. Она с пренебрежением отвергла, чтобы не сказать – неловко оттолкнула многообещающего соискателя... Чтобы вернуть себе равновесие духа, она выпила несколько бокалов... Надо сказать, мы уже давно заметили ее серьезное пристрастие к алкоголю, что делало еще более непредсказуемым ее переменчивый и импульсивный характер.

– Наталья, Екатерина, Александра, встречайте господина Пушкина, – во все горло закричала мать. – Добрый вечер, Александр Сергеевич, добро пожаловать в наш дом, мы счастливы и горды принимать вас в нашем скромном жилище, – щебетала она с обольстительной улыбкой.

Мать с самого начала взяла верхние ноты! Она подготовила прием на высшем уровне.

– Добрый вечер, Наталья Ивановна, мое почтение; для меня всегда в радость увидеть вас и ваших прелестных дочерей. Добрый вечер, Наталья Николаевна, как ваше самочувствие? С каждым разом, что я вас вижу, вы расцветаете все ослепительнее. Добрый вечер, сударыни.

В этот вечер мать была особенно элегантна; казалось, она подготовилась к императорскому балу. Несмотря на свои сорок четыре года, она была действительно великолепна и выглядела лет на десять моложе; легко было представить, как в свое время она разбивала сердца. Очарованная, словно юная девушка, комплиментами Александра, она ответила:

– Благодарю, Александр Сергеевич, вы слишком снисходительны и заставляете меня краснеть!

У меня мелькнула безумная мысль: а не был ли Александр влюблен и в мою мать? Она весьма соблазнительна, а разница у них всего четырнадцать лет, в то время как со мной тринадцать. Все было возможно! Та неприязнь и даже отвращение, которые она ему выказывала, – не скрывали ли они подавляемую любовь?

В честь его визита мать приготовила роскошный буфет: пышно убранный стол украшали три изумительных канделябра, разделяя его на три части. В центре каждой возвышались графины с редчайшей водкой, французское шампанское «Вдова Клико» и крымские вина.

Когда Александр вдруг заметил бутылки ценнейших вин с виноградников графа Воронцова, то не смог сдержать улыбки. В 1828 году он очень, очень близко сошелся с ослепительной графиней Елизаветой Воронцовой...

Мать не стала скаречничать; стремясь произвести впечатление на гостя, она устроила настоящее пиршество деликатесов: черная икра, красная икра, осетрина, гигантские крабовые клешни с Камчатки и даже особо ценимое в России блюдо – устрицы!

И наконец, чтобы окончательно покорить Александра, она раздобыла по немыслимой цене и непонятно, каким чудом, три исключительные бутылки французского вина: великолепная первая – бордо 1811 года, именуемое «легендарным годом, годом кометы», потому что в тот год виноградники Бордо произвели невероятное вино, которое рождается лишь раз в столетие; вторая, бургундская, была «Шамбертенном», любимым вином Наполеона, скорее всего, оставленная владельцем во время его поспешного возвращения во Францию; что до третьей, это был «Шато Лафит», который обожал король Людовик IV. Когда Александр увидел эти сокровища, он был уже сильно под хмельком; он бросил на них утешающий взор и продекларировал:

Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
(...)
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов...

Чтобы не смущать его, мы не стали намекать, что он странным образом беседует с бутылками.

– Вы позволите? – спросил Александр, завладевая бутылкой шампанского «Вдова Клико».

– Прошу вас, сударь, – со сдержанным весельем в голосе ответила мать.

Затем, приподняв полы своего платья, она грациозно опустилась в глубоком придворном подобострастном реверансе, каким фрейлины приветствуют своего повелителя и господина, и целомудренно прикрыла глаза.

Я ожидала, что Александр подыграет ей, куртуазно сказав: «Прошу вас, дражайшая Наталья Ивановна, поднимитесь». Но он, основательно выпив, ничего подобного не сделал... Зато опытной рукой снял с пробки мюзле и обратился к нам с вопросом:

– С хлопком или без?

– С хлопком... – хором воскликнули мы.

Под давлением газа пробка вырвалась, устремилась вверх и отскочила от потолка. Мы, все четверо, зааплодировали.

Александр в порыве вдохновения продекламировал:

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит...

* * *

– По такому случаю, – поучала меня мать, – наденешь платье из черных кружев, которое мы купили на прошлой неделе, оно с огромным декольте и подчеркивает твою идеальную грудь. Ты должна постоянно быть у него перед глазами... ни один нормально устроенный мужчина не должен устоять! – игриво закончила она.

– Ты должна заставить заговорить свое божественное тело... Мужчины, как тебе еще не раз представится случай удостовериться, увы, часто понимают единственный язык – язык плоти, и их лексикон крайне убог: они ограничиваются пустыми словами и избитыми, а то и примитивными выражениями. Внимательно понаблюдай за их приемами обольщения: по большей части они сводятся к совершеннейшим банальностям и повторам: сначала мужчины притворяются, будто их интересуют твои занятия, потом делают вид, что их особо привлекают твои мысли, и, наконец, они начинают делать комплименты твоему телу, потому что именно оно и есть предмет их вожелений! Все точно как переходы в опере...

– Что вы хотите сказать?

– Ну, они проигрывают тебе четыре темпа: анданте, адажио, аллегро и фортиссимо.

– Если я правильно поняла, маменька, то едва я почувствую, что началось крещендо... я должна сказать ему: сударь, модерато, пианиссимо и, если он слишком настойчив, финал!

И мы дружно расхохотались... в унисон!

– Александр, несмотря на всю свою славу поэта и романиста, редкий ловелас, и теперь ты должна повернуть все так, чтобы добыча превратилась в охотника! Говори с ним о чем угодно; если тебе не хватает воображения, расспрашивай о его жизни, путешествиях, о том, что он пишет, о его романах и стихах... Спроси, как к нему приходит вдохновение, как он придумывает своих героев, подсматривает ли он их в обычной жизни. Тебе следует знать, Наталья, что мужчины обожают, когда ими интересуются. Им очень нравится, когда их расспрашивают о них самих, они лелеют свое эго; чем больше они говорят о себе, тем умнее себе кажутся.

Мать явно извлекла пользу из своего долгого и богатого жизненного опыта.

И действительно, Александр, обронив пару общих мест о своих поездках, стал неистощим и неутомим, когда речь пошла о его литературном творчестве.

* * *

Когда он заметил редчайшую бутылку бордо, то взмахнул ею над головой и, благоговейно на нее глядя, отчеканил:

Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ всегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг!

Все заплодировали, а мать, в полном восхищении, посмотрела на Александра и спросила:

– Вы сейчас импровизировали, Александр Сергеевич?

– Нет, Наталья Ивановна, это строки из моей драмы «Евгений Онегин».

– Это замечательно, – проговорила мать, – и удивительно к месту.

Про себя я подумала, что, когда Александр поднесет ей еще несколько стихов... и стаканчиков, она наверняка будет покорена не только бордо, но и его харизматической мощью.

Пушкинская магия действовала безотказно, и я, как и все женщины, слушающие Александра, была покорена и очарована.

Мать продолжила:

– Возможно, я навела вас на мысль, что вам здесь не рады; если таково было ваше впечатление, то вы ошиблись; но, прежде чем окончательно отдать вам руку Натальи, я обязана проявить всю возможную предусмотрительность...

– Я прекрасно это понимаю, Наталья Ивановна.

– Как вам известно, князь Мещерский также искал руки Натальи.

Мать с дерзкой уверенностью произнесла ложь, проверить которую не представлялось возможным.

– Я не единожды принимала князя Мещерского, – продолжила мать, – чей древний благородный род восходит еще к татарским ханам. И кстати, – сделала паузу мать, и далее я услышала от нее необычайный рассказ о тайне, которую она всегда скрывала: историю ее истинного происхождения.

– Знайте, государь мой Александр Сергеевич, – торжественно промолвила она, – что в девичестве я была Загряжской; это имя, скорее всего, ничего вам не говорит, но мой отец был князем Иваном Александровичем Загряжским, выходцем из старинной татарской семьи.

Мы с сестрами, потрясенные и изумленные, слушали ее рассказ, словно детскую сказку.

Наконец-то мать раскроет нам секрет своего рождения, который она всегда ревностно хранила. Одно это граничило с чудом, потому что всякий раз, когда мы касались запретной темы, она впадала в ярость.

Но она уже свела близкое знакомство и с бордо, и с бургундским. Мать с трудом выбралась из кресла, чтобы устроиться перед Пушкиным; эти несколько шагов стоили ей сверхчеловеческих усилий, но она сдюжила. Прежде чем снова заговорить, она, дабы придать себе сил, опрокинула еще стаканчик, пристально посмотрела на Александра и со слезами промолвила:

– Я всего лишь бастард... благородного рода, конечно, но настоящий бастард!

Присутствие Александра становилось до крайности стеснительным. Мы-то привыкли к случайшимся моментам ее опьянения, часто совместным с отцом, но впервые она позволила себе подобную сцену при постороннем. Рыдания заглушали ее голос:

– Да, – повторила она, – я всего лишь бастард. Мою мать звали Ефросинья Ульрика фон Липгарт, она родилась в одна тысяча семьсот шестьдесят первом году, и если я особо это упоминаю, то потому, что она покинула меня очень рано, уйдя в тридцать лет; мне было всего шесть, когда я стала сиротой. Мать всегда скрывала от нас настоящее имя нашей бабушки. Единственное, в чем мы могли быть уверены, – та отличалась редкой красотой, иначе как бы князь Загряжский заметил ее и влюбился. Впрочем, и, глядя на мать, я видела достойную ее наследницу.

– В семнадцать лет она вышла замуж за барона Морица фон Поссе, от которого год спустя родила дочь, названную Иоганной Вильгельминой, или попросту Жанеттой.

В тысяча семьсот восемьдесят втором году моей матери был двадцать один год, и тогда же решила ее судьба.

На одном из приемов их чете представили блестящего лихого полковника Ивана Александровича Загряжского, и между ними мгновенно вспыхнула взаимная страсть. Через некоторое время однажды вечером она сказала мужу, что поедет повидать сестру. По такому случаю она надела длинную меховую шубу, села в сани со своей поклажей и проехала две версты. Вдруг она велела кучеру остановиться; появилась другая упряжка, она перенесла туда все сундуки и сбежала навсегда, оставив свою дочь Иоганну, которой было три года; она никогда ее больше не видела; она ушла к своему любовнику Ивану Александровичу...

Она захотела развестись с бароном Поссе, но тот в разводе отказал; последовал долгий судебный процесс, тянувшийся полгода, пока в конце концов она не выиграла дело.

Я родилась в тысяча семьсот восемьдесят пятом, моей матери Ульрике было двадцать четыре года, но, поскольку официального развода она еще не получила, они с отцом заключили тайный брак.

Как я уже сказала, мать умерла очень молодой. Ей было всего тридцать лет. Отец, обладавший практическим складом ума и привыкший не останавливаться ни перед чем в этой жизни, посмел обратиться к своей первой жене, Александре Степановне Загряжской, и просто попросить ее заняться моим воспитанием!

Так я осиротела во второй раз. Александра приняла меня и вырастила вместе со своими двумя дочерьми, Софией и Екатериной. Нам пожаловали высочайшую милость: все трое, мы стали фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. К несчастью, у ее величества был любовник, Алексей Охотников, и он увлекся мною. Императрица немедля отослала меня прочь.

Дабы избежать двусмысленности своего положения, я, подчинившись царящим в обществе правилам, вышла замуж за Николая Гончарова, – со вздохом закончила мать.

Рассказ завершился, сменившись мертвой тишиной, нарушаемой только позвякиванием бокала Александра.

Плач матери стих, она полностью пришла в себя.

Случившееся заставило меня задуматься; когда, намного позже, в своем забытии я видела себя Федрой, то была недалеко от истины: между моей бабушкой Ульрикой, моей матерью Натальей Ивановной и мной самой было нечто общее: поразительная красота Загряжских стала печатью бед в наших жизнях и навлекла на нас проклятие. Оно уже поразило три поколения; я спрашивала себя, не сходно ли оно с предсказанием от 18 марта 1314 года, когда Великий магистр тамплиеров Жак де Моле, взойдя на костер, бросил Филиппу Красивому и папе Клименту V, как и всем их приверженцам, проклятие, прозвучавшее как анафема: «Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!»

Мать продолжила, теперь уже спокойно и с поразительным самообладанием:

– Вы легко поймете, дражайший Александр Сергеевич, что я могла отдать предпочтение князю Мещерскому, который также ведет свой род от татарских ханов... Как гласит старая французская пословица, «*Bon sang ne saurait mentir*»¹⁵.

– Конечно, – отвечал Александр, – я прекрасно вас понимаю, но давайте отдадим должное этому редчайшему бордо, – добавил он, щедро наполняя ее бокал и не забыв себя самого...

Мать снова заговорила:

– К тому же мой отец приходился деверем графине Наталье Кирилловне Разумовской, что, разумеется, делает мою мать невесткой графини, – заключила она, залпом опрокидывая то, что Александр ей поднес. – Вы следите за моей мыслью, Александр Сергеевич?

– Да, да, вполне, – заверил Александр, прилагавший титанические усилия, чтобы не запутаться в извилах сложной и, как мы далее увидим, весьма разветвленной генеалогии Натальи Ивановны.

Если наше фамильное имя считалось старинным, несмотря на стремление матери перекроить генеалогическое древо, дабы доказать благородство его корней, у нас не имелось ни многовекового титула, ни какого-либо состояния, способного прельстить любого воздыхателя.

Меня их согласие не обмануло, но пришлось принять его, как и положено милой послушной дочери.

Чтобы не поддаться этому мрачному фарсу, я в свою очередь разыграла комедию, изобразив юную романтическую девицу, идущую под венец с давно желанным Прекрасным Принцем.

Александр снова наполнил вином два больших бокала; бордо окончательно взяло над ним верх.

– Должна вам сказать, – снова заговорила мать, впадавшая во все большее возбуждение, – что наше семейство обеднело и лишилось прежнего блеска, однако мы очень гордимся нашими славными предками; мы не соперничаем, дабы узнать, которая из ветвей нашего рода пустила более глубокие корни в историю, но мало кто знает, что мой кузен был меценатом, помогавшим одному музыканту и спасшим его от денежных неурядиц; в благодарность музыкант посвятил ему одну из своих самых знаменитых композиций: струнный квартет Разумовского опус пятьдесят девять, а Андрей Кириллович Разумовский – мой дядя по мужу, музыканта же звали... – она сделала паузу, заставив нас застыть в ожидании, – звали Людвиг ван Бетховен.

– Поразительно, фантастично! – вскричал Александр, наполняя себе два больших бокала вина; покончив с бордо, он перешел на знаменитое бургундское. – Когда мне доводится наслаждаться столь бесподобными винами, я всегда обращаю внимание на год, когда они были разлиты по бутылкам, и стараюсь вспомнить, что же я в тот год делал. Возьмем ваше бордо одиннадцатого года: мне тогда было двенадцать лет, и то время еще свежо в моей памяти. Мой дядя Василий отвез меня из Москвы в Санкт-Петербург. Я был счастлив покинуть свое семейство и сделал это без всяких сожалений. Я не осмеливался оглянуться на свое прошлое из страха, подобно библейской жене Лота, обратиться в соляной столб.

---

¹⁵ От доброго дерева добрый и плод (*франц.*).

Я сдал экзамены в Царскосельский лицей; оценки мои были средними или посредственными, но благодаря моим исключительным познаниям в русской и французской литературе меня выбрали в числе первых тридцати восьми учеников; хотя, положа руку на сердце, должен признать, что мой отец был близким другом тогдашнего директора Василия Федоровича Малиновского, что весьма упрощало дело.

Я начал занятия в лицее девятнадцатого октября одиннадцатого года; на открытии нас приветствовал император. Там я познакомился с моими друзьями Антоном Дельвигом, Вильгельмом Кюхельбекером и Иваном Пуциным, будущими декабристами. Но это уже другая история!

Что до этого «Шамбертена 1799», то таков год рождения замечательного поэта, и я надеюсь, что он этот год обессмертит! – добавил Александр, чокаясь с матерью.

Мы с сестрами были очарованы; мы заворуженно слушали, уносясь в мир безудержной игры воображения.

Неожиданно Наталья Ивановна, урожденная Загряжская, перестала быть нашей матерью, а превратилась в живой миф. Мы возвели ее в ранг исторического персонажа.

– Так вот, а я, – расхохотался Александр, – должен со всем смирением признаться, что не являюсь татарским ханом, но величайший царь земли русской, Петр Первый, принял и выбрал в фавориты моего прадедушку африканца Абрама Ганнибала. А вот его отец был ни много ни мало абиссинским князем, так что видите, дражайшая Наталья Ивановна, наши предки, можно сказать, стоят на одной доске! Я также с гордостью могу сообщить вам, что мой род восходит к двенадцатому веку и ведется от некоего Радши или Рачи!

Мы готовы были, затаив дыхание, слушать продолжение, как дети вечером, когда няня рассказывает им захватывающую историю, но внезапно останавливается со словами: «А теперь спите крепко, мои дорогие, остальное узнаете завтра!»

Я вдруг увидела, как вокруг меня закружился веселый хоровод. Они все держались за руки: мой дед Иван Александрович Загряжский, его дочь, моя мать Наталья Ивановна и еще загадочная Ульрика, моя бабушка, а также графиня Разумовская, ее невестка, а значит, моя двоюродная бабушка; князь Разумовский и Людвиг ван Бетховен тоже вступили в круг; внезапно они все замерли: появились царь Соломон и царица Савская; наконец, к ним присоединился Александр Сергеевич Пушкин. Они веселились, пили, пели и производили невообразимый шум!

Мать внезапно пришла в себя и обратилась к Александру:

– Вы понимаете, что князь предоставлял все гарантии, которых я желала, а главное, соответствовал трем критериям.

– Каким же, Наталья Ивановна? – заинтересовался Александр.

– Я скажу вам позже.

Перейдя на философский тон, отмеченный глубокой мудростью человека, имеющего немалый жизненный опыт, она заявила Александру:

– Я поняла, что титул князя и его огромное богатство не составят счастья моей дорогой Натальи! Я уже готова была дать окончательное согласие, когда осознала, что дочь не будет счастлива...

Меня всякий раз потрясала неколебимая самоуверенность матери. Кто мог бы заподозрить, что мы были практически разорены?

Мать, которой явно было не под силу управлять имуществом, и отец, расточительный, как та Стрекоза из басни, растранижирили наше состояние. Мы были подобны мелким французским дворянам, разоренным Французской революцией; мы жили воспоминаниями об улещившейся славе и о былых временах.

– Я отдаю вам предпочтение, – с царственным величием молвила мать, – потому что вы поэт и писатель. Рядом с вами Наталья, едва распустившийся бутон, расцветет, я в этом уверена...

– Благодарю вас, Наталья Ивановна, за честь и доверие, коими вы меня милостиво удостоили, – ответил он.

– И однако, – чуть смущенно заговорила мать, пытаясь выбирать выражения, – мне бы хотелось, чтобы душа моя была совершенно спокойна, а потому, дабы не описывать все мои сомнения, я решила, что достойнее будет ознакомить вас с тремя вопросами, на которые я попросила бы вас дать письменный ответ. Сблаговолите простить мне столь постыдную предосторожность, но лишь тогда я буду совершенно умиротворена и спокойна.

И мать задала следующие три вопроса:

«ВО-ПЕРВЫХ: полагаете ли вы себя способным, несмотря на свое столь разгульное прошлое, о котором всей Москве ведомо до мельчайших подробностей, сделать счастливой такое чистое дитя, как Наташа?»

ВО-ВТОРЫХ: позволит ли ваше материальное положение удовлетворять запросы Натальи, привыкшей ни в чем не знать нужды и достойной находиться в высших кругах русского общества?»

В-ТРЕТЬИХ: не двусмысленно ли ваше положение в отношении правительства? Не состоите ли вы под надзором полиции?»

Александр в ответ не сказал ни слова; ледяным тоном он спросил свое пальто, шляпу и трость, после чего обронил:

– Сударыни, позвольте откланяться.

И ушел, оставив нас потерявшими дар речи от изумления.

Должна ли я была понять, что Александр подал нам знак: «*fine della commedia*¹⁶»?

---

¹⁶ Конец комедии (*итал.*).

8. Коммерческие переговоры

Между матерью и Александром вновь начались коммерческие переговоры; на «торги» была выставлена я – ибо следует называть вещи своими именами. Я казалась себе красивой молодой кобылкой, вроде тех, которыми торгуют на воскресных деревенских ярмарках, куда когда-то водил меня отец.

Александр, как опытный купец, уже прикинул на глаз качество товара: оценил грудь, одобрил длину ног, снова надолго задержал взгляд на ягодицах и изгибах тела, на лице и глазах. Короче, он провел осмотр будущего имущества, с нетерпением ожидая часа вступить в права собственности.

Пока заключалась сделка, псевдоаристократический глянец Александра пошел трещинами; его прекрасные светские манеры и продуманные жесты растаяли, как московский снег по весне. Что до моей матери, то ее изысканный рафинированный язык сменился говором заправской торговли овощами.

Глядя на них, я видела перед собой лишь двух алчных барышников, которые рядились, багровея от напряжения, постоянно перебивая друг друга и время от времени переходя на крик; каждый твердо намеревался взять верх; казалось, они торгуются в каком-нибудь жалком трактире. Каждый следовал своей стратегии; Александр стремился ускорить свадьбу. Он устал ждать. Ему мнилось, что прошлая целая вечность после нашей первой встречи на уроке танца. Он хотел побыстрее закончить «дело»... по его собственному элегантному выражению!

Мать же всеми доступными и невообразимыми способами старалась оттянуть наложение уз Гименея. Она томила его на медленном огне и нагромождала препятствия перед воротами счастья Александра. То она ссылалась на курс лечения, хотя сама понимала, насколько неубедителен сей довод; потом заявила, что ей необходимо на некоторое время уехать в деревню, чтобы продать семейное имущество, которое она недавно унаследовала, и, наконец, исчерпав все смехотворные уловки, она просто уперлась. Ей не нравилось, что выбор пал на Александра Пушкина; пусть его известность ей льстила, эстетически он совершенно не походил на искомый для меня идеал, а главное, его политическое положение внушало сильнейшее беспокойство. Этот союз, навязанный жизненной необходимостью, был мезальянсом.

Мать вела себя с Александром скорее как грозная деловая женщина, нежели как будущая теща. Она принимала себя за французскую аристократку XVII века: говорить о деньгах означало работать, что знати категорически возбранялось, иначе это стало бы нарушением священных традиций, и король лишил бы виновных всех привилегий.

– Видите ли, Александр, – говорила она, подчеркнуто растягивая каждый слог и переходя на тон жеманный и до крайности манерный, – мы сейчас переживаем временные денежные трудности!

Матери было стыдно. Она намеренно употребила это выражение: ей было отвратительно признаваться, что наших доходов ни на что не хватало и мы отчаянно нуждаемся в деньгах.

– Мы ожидаем поступления доходов с земельной аренды из наших поместий, но нам пришлось столкнуться с весьма прискорбным запаздыванием!

Мать грезила вслух, наивно полагая, что Александр проглотит эти небылицы. Он пристально и недоверчиво посмотрел на нее с серьезным и сочувствующим видом, затем сказал просто и холодно:

– Я понимаю ваши затруднения, Наталья Ивановна: сколько вам надобно? Мне хотелось бы облегчить ваше положение, какую сумму вы желали бы, чтобы я вам одолжил?

Названная сумма оказалась непомерной; Александр постарался не выказать своего изумления. Тем не менее он подчинился этому шантажу; мать никогда не вернет ему долг.

– Помимо того, – уточнил Александр, – не беспокойтесь о приданом, мы перевернем традиции с ног на голову: приданое предоставит будущий муж! – завершил он со смехом.

С неожиданной дерзостью, несмотря на только что свершившееся финансовое чудо, мать вместо радости напустила на себя вид усталый и безнадежный.

Она желала продемонстрировать Александру, что всю жизнь приносила себя в жертву, экономила на всем, дабы преподнести дочери королевский подарок, который она давно себе воображала и безмерно желала: огромный роскошный стол, заваленный платьями, изящным дамским бельем, кружевами, лентами, разными безделицами, не говоря уж о перинах, простынях, подушках, скатертях и салфетках, расшитых золотой вязью, сплетающейся в инициалы НГ.

– Увы, – пожаловалась она, – за неимением средств я не могу щедро одарить мою дорогую дочь.

Я с восхищением наблюдала, как мать обильно льет крокодиловы слезы на свой корсаж. Александр уже все понял.

Сохраняя полную невозмутимость, он лишь процедил сквозь зубы:

– Мы позаботимся о приданом!

Мать не унималась: чувствуя себя в невыгодном положении, она решила переиначить дело, собрав целый букет слабостей «претендента» Александра.

– По правде говоря, Александр Сергеевич, до меня дошли совсем не радостные сведения.

– Что случилось?

– Мне сообщили, что ваше состояние оставляет желать лучшего и не сможет обеспечить Наталье достойную жизнь; я узнала, что у вас лишь десятый класс в «Табели о рангах», где их всего-то четырнадцать. Вы в самом хвосте списка! – заявила мать с продувным видом.

– У меня украли два ранга, – запротестовал Александр.

– Да, да, вы с присущей вам меркантильностью только и стремитесь поторговаться, – насмешливо отозвалась мать. – Мне также сообщили, что вы скопили множество карточных долгов; помимо этого, царь, кажется, сомневается в вашей благонамеренности; ходят слухи о ваших сомнительных знакомствах.

– Возможно, Наталья Ивановна, но все это уже в прошлом, отныне я стал новым человеком.

К нашему немалому удивлению, Александр повернулся ко мне и продекламировал:

...разврата

Я долго был покорный ученик,

Но с той поры, как вас увидел я,

Мне кажется, я весь переродился.

Вас любя, люблю я добродетель.

Мы с сестрами покатались со смеху. Но к матери, хоть и изумленной шутовством Александра, быстро вернулась вся ее серьезность.

Она все еще надеялась на возможное возвращение князя Мещерского. Его кандидатура по-прежнему навевала ей грезы: дочь княжна, она сама теща князя! Она неустанно сопоставляла две возможности: князь Мещерский, то есть знатность и богатство, и Александр – бедность и известность.

Когда она оказывалась в одиночестве перед своим псише, любимым ее местом для грез и мечтаний, то снова и снова погружалась в навязчивый бред: смотрела на себя в зеркало и, обращаясь к невидимым зрителям, жеманилась подобно записной кокетке:

– Благоволите извинить меня, друзья, я очень спешу: этим вечером я ужинаю у моего сына, князя Мещерского!

Однако на стороне Александра была близость ко двору и то, что он был вхож к императору и императрице; за ним стояло множество именитых друзей. Мать решила пересмотреть свой выбор.

– Наталья еще слишком молода для замужества; к тому же я не в состоянии дать за ней приличествующее приданое, достойное нашего положения; будет разумнее еще некоторое время обождать...

Услышав такое, Александр вышел из себя, однако постарался сохранить спокойствие, приняв непринужденный вид, как если бы все сказанное его не касалось. Потеряв голову от любви, Александр разрешил эту квадратуру круга. Таким образом, деловые переговоры возобновились.

Не располагая никакими сбережениями, позволяющими устоять перед лицом столь безрассудных навязанных трат, он решил обратиться за помощью к моему дяде, который пообещал... но так никогда и не исполнил.

Дядя рассказал сумбурную историю: он владел огромной бронзовой статуей Екатерины II и утверждал, что, ежели ее растопить, можно получить сорок тысяч рублей, целое состояние! Он предварительно испросил разрешения у императора Николая Первого и получил его. Литейщик, обследовав скульптуру, расхохотался: она и десятой доли не стоила... На самом деле дядя пребывал в замешательстве: желая избавиться от скульптуры, он собирался преподнести ее в подарок будущим молодоженам. Так закончилась эта история. Но не совсем...

Переговоры временно приостановились; мать воспользовалась этой передышкой, чтобы снова попытаться отвести Александра, потому как тем временем объявился князь Мещерский... И тут началась чехарда, как в настоящей комедии: князь явился к нам в дом, дабы оказать мне знаки внимания и засвидетельствовать нижайшее почтение матери, засим откланялся; не прошло и получаса, как решил нанести нам визит Александр! Точно как в пьесах Мольера.

Моя добродетель была для матери честью клана, для Александра – запретным плодом, а для меня – «личным капиталом». В случае ее потери проклятие пало бы на всю семью до дальнего колена, как у Атридов. Из меркантильных соображений я готова была принести себя в жертву, но лишь на алтаре бракосочетаний! Какой грех я должна была загладить? По какой причине мать отдавала меня как искупительную жертву монстру Александру? – смеиваясь, спрашивала я себя.

Мать была реалисткой, я оставалась для нее лишь товаром, не более и не менее. В сущности, она предлагала простой обмен – мою девственность на материальное спасение семьи Гончаровых. В этой жалкой затянувшейся торговле, предметом которой я была, неожиданным образом и благодаря любопытному обороту событий Александр оказался на пути к победе. Его одолевало множество сомнений, и причин тому было немало: моя молодость, большая разница в возрасте, неотвязный образ будущей тещи, чей раздражительный характер тревожил его и заставлял колебаться. Но главное – окончательное прощание с холостяцкой жизнью; Александр спрашивал себя, должен ли он всем пожертвовать, расстаться с друзьями, с похождениями, с радостью творчества? Стоит ли ради женитьбы поступиться свободой?

9. Женидьба

За два дня до свадьбы Александр по давно устоявшейся традиции решил устроить «прощальный мальчишник». Своей женидьбой он хотел «выкинуть дурь из головы», как говорят деревенские; но правильный ли он сделал выбор? Он мог бы стать «закоренелым холостяком», как называли тридцатилетних мужчин, еще не нашедших родственную душу. Почему он ждал столько времени? Большинство его друзей уже обзавелись парами. Александру надоело присутствовать на чужих свадьбах. Он отправился к своим друзьям-цыганам – любимый его приют в преддверии важного события. Я уже к этому привыкла: как-то я готовилась встретить вместе с ним традиционный Новый год в канун 1 января 1831 года, но не тут-то было; Александр оставил меня и предпочел провести ночь со своими «братьями по крови», как он их называл. А главное, пылкая, чувственная Таня постаралась утешить Александра в его печалях. В тот вечер она пела только для него и пыталась его покорить. Александр смотрел на нее пустым взглядом, грустно улыбаясь; он был уже где-то далеко; Таня заметила, как несколько слезинок прокатились по его щекам.

Александр не случайно так любил общество своих друзей-цыган; они были одной крови; он тоже ощущал себя изгнанником, изгоем, вечным жидом... В конце концов, он тоже был лишь метисом!

Как ни настаивал он на благородстве своего происхождения от абиссинского короля, общество жестоко напоминало ему о принадлежности к черной расе. Как и цыгане, он отчасти был парией.

Александр испытывал неумное стремление к свободе, к полной независимости, к бунту против правительства и любых форм власти. Он любил поиграть в мятежника, восстающего против общества, это идеально подходило его темпераменту.

Но в этот вечер наступал исторический момент; он пил, пьянел и танцевал.

Охваченный ностальгией, Александр продекламировал:

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды...

Он даже начал напевать старую женоненавистническую песенку: «Эх, молодец, не женись, купи лучше доброго коня!»

Песенка оказалась пророческой и совпадала с тем, что я услышала от знаменитой гадалки фрау Кирхгоф, прозванной «петербургской ведьмой», к которой я не раз ходила тайком, под покровом ночи; Александр тоже частенько у нее бывал. Фрау Кирхгоф поведала мне, что если я родилась 17 августа 1812 года, то есть под знаком Льва, а Александр 26 мая 1799 года, под знаком Близнецов, то наши знаки плохо сочетаются друг с другом...

В этом кабаке Александра не просто уважали, его принимали как живого бога. Вспомним, что он написал в 1827 году поэму «Цыганы», где воспевал их дикую привольную жизнь на лоне природы. Александр был одним из немногих литераторов в мире, кто всячески превозносил цыган и с уважением относился к их образу жизни. Его имя было известно всему их племени, даже за сотни верст от Москвы, повсюду, где только жил их народ.

У Александра и Алеко, главного героя «Цыган», была на удивление сходная психология; Алеко не мог вынести распущенных, свободных нравов цыган и неверности своей возлюбленной Земфиры, для которой адюльтер отнюдь не являлся нарушением законов морали.

Алеко, «порядочный цивилизованный человек», противостоял «хорошему дикарю». Тут явно не обошлось без старого, доброго и чистого сердцем Жан-Жака Руссо с его пресловутым Чувством Природы!

Гитарист не отрывался от струн своего инструмента, то терзая их, то нежно пощипывая; склонившись над инструментом, он, казалось, баюкал и оберегал ребенка; правой рукой он лихорадочно водил медиатором, а левой вцепился в гриф, истекая крупными каплями пота...

Александр испытывал все большую неловкость; эротичный и возбуждающий танец Тани начинал по-настоящему задевать Алеко, ее любовника.

Александр спрашивал себя, не придется ли ему в очередной раз пройти через дуэль, хотя в кои-то веки здесь не было ни грана его вины. Он смотрел на великолепное тело Тани, которым он вдохновлялся при создании Земфиры, героини «Цыган». Невольно вспомнилась и восхитительная чувственная Эсмеральда, пышногрудая цыганка из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго!

Кружась, она взметала пестрые юбки, и они вились вокруг нее, приоткрывая смуглые стройные бедра. Ее приманивающие движения слагались в виртуозный танец, сознательно нацеленный на возбуждение чувственности; она то приближалась к Александру, то отдалялась от него; то плавные, то прерывистые колебания ее тела подчинялись нарастающему трепетному ритму гитары.

Таня, словно в забытии, слепо отдавалась неистовому крещендо струн Алеко, как будто решившему лишить ее последних сил. Вот Таня закружилась в завершающем дьявольском вихре; звуки оркестра нарастают, заполняя все пространство зала. Таня вилась вокруг Александра как змея, гипнотизирующая свою жертву. Она смотрела ему в глаза, Александр же все больше смущался и тревожился.

Она недвусмысленно и непристойно выставляла напоказ свое тело, то легко касаясь стола, за которым сидел Александр, то все более пылко и сладострастно изгибаясь.

Александр закрыл глаза; зажмурившись, в полном блаженстве, он вдыхал запах ее дешевых дурманящих духов, время от времени чувствуя на лице порывы воздуха, вызванные взмахами ее юбок. Ее огненный взгляд следовал за вращением подола. Внезапно она откинула голову назад, ее густые черные волосы взлетели.

Она сосредоточилась на Александре, прекрасно понимая, какую дерзкую и опасную игру она затеяла. Она пожирала его глазами, и какой мужчина устоял бы перед этим страстным чувственным танцем? Внезапно Таня замерла; Алеко в то же мгновение остановился. Ее вспотевшее тело и грудь в глубоком вырезе, не скрываясь, звали Александра. Эта завораживающая музыка и впрямь пробудила в нем сиюсекундное веселье, но, когда она смолкла, его охватила глубокая грусть. Гитара и Таня опьянили его; он с трудом поднялся, пошатнулся и вышел.

* * *

18 февраля 1831 года мне было восемнадцать лет и пять месяцев. Александр надел мне кольцо на палец... вернее, не он, а моя мать!

Церковь была полна народа, многим гостям пришлось ожидать окончания церемонии снаружи. Внушительный охранник пропускал приглашенных неохотно и через одного.

Все они собрались здесь: и его искренние друзья, и товарищи по Царскосельскому лицезу, и даже несколько давних недругов, вечных ревнивцев, заявившихся из любопытства. Я была великолепна и трогательна, раздумываясь от счастья, в свадебном платье из органзы; за платьем тянулся нескончаемый шлейф, который несли шесть робких подружек невесты.

Я торжественно вошла под звуки органа. Михаил Глинка, большой друг Александра, сочинил специально для нас свадебный марш. Несколькоми годами позже, в 1836-м, он включит его в свою оперу «Жизнь за царя». Даже выбор этой музыки послужил еще одним поводом

для размолвки с матерью, которая непременно желала, чтобы исполнялся струнный квартет Разумовского сочинения Бетховена – ведь мать утверждала, что щедрый меценат Разумовский был ее родственником. Они могли поссориться из-за любой мелочи.

Александр для празднования нашей свадьбы выбрал месяц май... но мать со своими суевериями напомнила ему, что «май» означает «маяться», то есть мучиться! Примета гласила, что «в мае жениться – всю жизнь маяться». Но и февраль оказался не лучше.

В момент, когда мы должны были обменяться кольцами, Александр повернулся ко мне и меланхолично улыбнулся; что тревожило его в ту секунду? Смутное будущее, малая надежда на счастье?

Он взял мою руку и вдруг, в последнее мгновение, когда он уже готов был надеть обручальное кольцо мне на палец, оно выскользнуло и ударилось о мраморный пол со звоном, слышимым даже в глубине церкви. Взволнованный священник побледнел, смущенно глянул на Александра; тот нагнулся подобрать кольцо, но, поднимаясь, задел аналой с крестом и тот рухнул... потянув за собой свечу, которая тоже упала и погасла! Протоиерей совсем растерялся и, запинаясь, произнес ритуальное благословение; все присутствующие остолбенели! Если для меня это был исторический день, то Александр все воспринимал по-другому; мрачный, напряженный, он, казалось, видел в нем предзнаменование и готовился к встрече с доктором Гильотеном, изобретателем адской машины.

Александр так никогда и не забыл того происшествия: в его романе «Дубровский» Марья Кирилловна, главная героиня, тоже роняет священное обручальное кольцо, которое должно было соединить ее с разбойником Дубровским.

В церкви все присутствующие разразились дружным хором неистовых восклицаний:
– Аллилуйя, аллилуйя!

Я пришла в себя и поцеловала Александра под шквал аплодисментов.

* * *

Что касается воспитания чувств, меня всегда держали на голодном пайке! Я ничего не знала о женской чувственности – лишь то, что удавалось почерпнуть из книг или из рассказов служанок. Могла ли я даже представить ее себе? Все мои познания об отношениях мужчины и женщины основывались на прочтенных французских романах; произведение «Красное и черное» некоего Стендаля добралось до Москвы год назад; эта книга сильно на меня подействовала.

Я даже не буду упоминать «Опасные связи» Шодерло де Лакло, появившийся в России более двадцати пяти лет назад; его мы с сестрами тайком зачитали до дыр.

Я опасалась чувственного желания как незнакомой, непреодолимой, безнравственной силы, вроде той, что толкала мадам Реналь к Жюльену Сорелю; в моем случае – к Жоржу Дантесу.

Запретная любовь с неодолимо притягательным привкусом греха; разница только в том, что мои отношения с Дантесом оставались сугубо светскими, однако я в полной мере пережила те волнения и укоры совести замужней женщины, которая мечтает нарушить обеты.

Я ничего не знала о жизни супружеской пары и не могла ее себе представить. Для Александра это стало важной вехой, означающей конец его бурной холостяцкой жизни; с точки зрения общества, он «остепенился», поставив точку в разгульном, свободном, буйном и беспутном существовании. Мы оба замыслили и сотворили невозможную любовь. Александр идеализировал мою красоту, а я осваивала новый мир... Отныне я была госпожа Пушкина. Моя девичья фамилия Гончарова исчезла, и я вместе с ней! Я должна была свыкнуться со своей новой личностью. Иногда, когда меня называли моим новым именем, я не откликалась, мне казалось, что обращаются к кому-то другому.

Александр спрашивал себя, был ли его поступок данью моде или же продиктован необходимостью. Для него это не было проявлением любви, скорее расчета; речь шла о чем-то вроде торгового соглашения, вдохновительницей, автором и организатором которого была моя мать.

Мать все продумала и устроила, пусть даже ради осуществления своей мечты – обеспечить дочери роскошную свадьбу – она без колебаний за несколько месяцев до церемонии всячески давила на Александра, практически истощив его средства. Каждую неделю она придумывала новые расходы, изобретала траты; ее требования и капризы становились настолько невыносимы, что мне казалось, будто Александр вот-вот все отменит. Тайком я сочинила одну присказку, которой по секрету поделилась с сестрами, и она их повеселила; я повторяла ее как детскую считалку: «меня мать продала, а Пушкин купил... меня мать продала, а Пушкин купил...»

А дальше мне предстояло столкнуться с мужской животной натурой Александра...

В моих девичьих мечтах Александр был окружен аурой поэта, которым восторгались все женщины; я воображала мужчину очень деликатного, очень нежного, трепетно относящегося к моему целомудрию и юной невинности...

Мне столько раз описывали первую брачную ночь как нечто уникальное и исключительное, что я с любопытством, боязнью и нетерпением ждала этого волшебного мгновения. Я воображала незабываемые минуты – такими, как их описывал модный писатель Поль де Кок в своих душещипательных романах; это мгновение было воспето, окружено священным ореолом, о нем слагали легенды. В своем простодушии я полагала, что женская чувственность состоит в некоей туманной игре «приоткрыть тайное»; увы, как же мне пришлось разочароваться! Александр жестоко расправился с этими иллюзиями... Реальность моего замужества обернулась грандиозным крахом всех романтических фантазий. Все оказалось совсем не так, как в тех книгах, что я читала. Миновав Харибду, я угодила на Сциллу. У меня возникало ощущение, что меня терзают на жертвенном камне под сочувственным взглядом висящего стене распятия!

В дальнейшем Александр не отказывал себе в немедленном удовлетворении жажды обладания, диктуемой его необузданным темпераментом. Его поведение сбивало меня с толку; если его стихи дышали легкостью, утонченностью, чисто женским изяществом, то его повадки изголовавшегося солдафона никак не вписывались в эту картину.

Очень скоро я обнаружила, что томные стихи, которые Александр нашептывал мне на ушко, или восхитительные нежности, которые он мне писал, скрывали властное желание и имели единственную цель – обладать мной. Разумеется, он ждал от меня разделенной страсти; увы, когда треволения и грезы остались позади, его торопливость не оставила мне времени для пробуждения собственных чувств; безразличный к этому, он навязывал мне свой плотский ритм.

Одно то, что я представала совершенно обнаженной перед мужчиной, пусть даже перед законным супругом, стало для меня глубоким психологическим потрясением, но потом я привыкла.

Я чувствовала, что Александр разрывается между стремлением бережно относиться к юной девушке, едва достигшей восемнадцати лет... и своим едва скрываемым постоянным вожделением, которое он с трудом сдерживал. Его ненасытный вечный голод всегда меня удивлял.

В сущности, я никогда не «отдавалась» и не «предлагала» себя, как в таких случаях говорится... Александр просто меня «брал».

По установившемуся ритуалу после занятий любовью я всегда устраивала мужу семейную сцену, всякий раз изыскивая новый повод... Хотя Александр механически исторгал из меня крики, вздохи и стоны, я не любила его... У меня было ощущение, что он против моей

воли заставляет меня делиться глубоко личным удовольствием, секретом, который я не хотела выдавать; я чувствовала себя словно отчужденной.

Я привлекла и покорила Александра только потому, что была красива и девственна. У меня возникло предположение, что благодаря мне он вновь обретал некую моральную свежесть; я словно пробудила в нем того чистосердечного юношу, который дремал глубоко внутри; я стирала его беспокойное бурное прошлое. Прикасаясь ко мне, он очищался, будто освобождаясь от низких страстей! Все его молодые годы были тому иллюстрацией: он постоянно влюблялся в очень юных девушек, вроде великой любви его жизни Марии Раевской, которой тогда было пятнадцать лет, или Евпраксии Осиповой по прозвищу Зизи – той тоже едва стукнуло пятнадцать; он так увлекался, что любезничал даже с девочками двенадцати-тринадцати лет. Ему нравилось придумывать поэтические миры. В этих его заигрываниях не было ничего нездорового; единственное, что его влекло, – это «обольщение ради обольщения».

Когда он глубокой ночью или ранним утром возвращался к себе, его ждала немая статуя Командора, вперив в него взгляд безжалостного судьи, как в «Дон Жуане» Мольера; и, даже если он припозднился невольно, его угнетало чувство вины. Это отчасти напоминало ему Царскосельский лицей, где приходилось без конца отчитываться, доказывать и оправдываться.

Письмо Елизаветы Хитрово не шло у Александра из головы.

Прикрываясь любовными упреками, Александр не мог избавиться от неотвязного вечного сомнения, через которое прошли миллионы человеческих существ до него. Зачем жениться? Пародируя шекспировскую фразу, «жениться или не жениться» – вот в чем вопрос!

* * *

Через несколько дней после свадьбы мне пришлось заново приняться за учебу. Александр потребовал, чтобы я приобщила к придворному этикету, и это стало настоящим уроком светских манер: сначала представиться императору, сделать реверанс императрице, получить мужской комплимент, ловко парировать жестокое замечание уязвленной женщины, ответить ей с юмором, сумев прибегнуть к иронии, но не становясь агрессивной и не теряя самообладания, и наконец, при любых обстоятельствах сохранять олимпийское спокойствие по примеру нашего императора Николая Первого. Затем Александр перечислил почти все темы разговоров при дворе и те, которые обсуждались в салонах. Они распределялись по четырем уровням.

Уровень первый: текущие события со всей их банальностью, то есть балы, приемы, свадьбы, рождения, адюльтеры, скандалы и похороны.

Уровень второй: иностранная политика и войны, но это не для меня! При чем здесь жизненно важно умело польстить царю.

Уровень третий: литература, театр, балеты, концерты.

И наконец, уровень четвертый: МОДА, «глубинный смысл» жизни двора, как сказал бы Рабле.

Александр заставил меня выучить наизусть имена наиболее знаменитых благородных семейств и их родственные связи. Он полагал, что этой походной аптечки вполне достаточно, чтобы произвести должное впечатление на приемах в Москве или в Санкт-Петербурге; увы, он оказался прав. Александру приспичило также научить меня улыбаться. Нет, нет, я не шучу и не преувеличиваю; он утверждал, что существует целое искусство улыбаться, и в нем ключ к успеху при дворе.

Власть улыбки не уступает власти взгляда, уверял он; улыбка представляет собой несравненное средство общения, тем более всеисильное, что служит для выражения невысказанного, а значит, оставляет место для бесконечных толкований.

По месту и почет, поэтому начнем с улыбки царицы – мягкой, покровительственной, снисходительный, почти материнской; царица замечала и понимала все, но изображала полное безразличие. Улыбка императора была самодостаточной, как у Зевса на Олимпе, а вот ее отсутствие приводило в уныние и служило придворному вечным приговором; но и обратное тоже верно: в зависимости от того, к кому она была обращена, для одних она служила залогом самых честолюбивых надежд, а в других (если речь шла о дамах) рождала эротические мечтания.

Александр научил меня распознавать наиболее простые ее разновидности: соблазняющая, обольстительная, заговорщицкая, натянутая, обещающая.

Наиболее угрожающие: ироничная, жестокая, инквизиторская, лукавая, презрительная, надменная.

Наиболее пугающие: дьявольская, сардоническая, лицемерная.

Наиболее сложные: загадочная, непроницаемая, джокондовская.

Бесконечное разгадывание этих улыбок-иероглифов служило мне неисчерпаемым источником увеселения.

Первое, что меня поразило при дворе, были мощь и могущество Взгляда; кошмарное ощущение, что тебя постоянно преследуют мириады глаз. Извращенная игра – наблюдать самой и знать, что тебя при этом неотрывно разглядывают. Поначалу я не обращала на это внимания, наивно полагая, что таково неизбежное следствие появления нового человека; ничего подобного. Двор всегда оставался полем битвы, постоянным сражением взглядов, не знающим ни перерывов, ни перемирий; вглядываться самому, выставлять себя напоказ, выдерживать взгляд другого и либо склоняться, либо отступить. Критичный и пронизательный наблюдатель, Александр утверждал, что Глаз человеческий правит российским обществом! Стоило царю обратить на вас внимание, и в то же мгновение он вырывал вас из глубин мрака, чтобы вытолкнуть на авансцену императорского театра; внезапно вы начинали вызывать восхищение, уважение и страх. И наоборот, если царь не замечал вас, вы впадали в самую глухую неизвестность; вы словно становились невидимы. Глаз был абсолютным оружием, он творил и сокрушал репутации, будил первое волнение в крови, внушал ревность, завершал самые романтические встречи. Его воздействие было таково, по словам Александра, что он служил основой театра Расина. И действительно, чтобы убедиться в этом, я снова пошла на постановку «Федры» и ясно услышала декламацию со сцены:

Je le vis, je rougis, je pâlis à sa vue
Un trouble s'éleva dans mon âme éperdue.
Mes yeux ne voyaient plus, je ne pouvais parler¹⁷.

Это были всего лишь стихи, но с какой силой, с какой убедительностью и энергией они передавали всю мощь ее порыва!

Речь уже не шла о любви умозрительной, куртуазной или жеманной, как в «Принцессе Клевской», нет, это была любовь бурная, физическая, безоглядная, овладевшая женщиной и парализовавшая ее. Я никогда и представить не могла, что власть взгляда может быть такой сокрушительной и магнетической.

Чтобы ублажить самолюбие Александра, который оставлял меня без внимания, игриво поглядывая на всех привлекательных женщин в зале, я сказала ему со смехом:

– А вы, Александр, оказались неспособны на подобное признание, когда впервые увидели меня!

– Нет, но я написал вам чудесные стихи...

---

¹⁷ Я, глядя на него, краснела и бледнела, То пламень, то озноб мое терзали тело, Покинули меня и зрение и слух... (перевод с франц. Михаила Донского).

– Особенно один, я прекрасно помню, что изначально вы посвятили его совсем другой женщине!

Александр зарделся, а я воспользовалась этим, чтобы отыграться и осадить его:

– Но, Александр, вижу, вы то краснеете, то бледнеете, глядя на меня... То пламень, то озноб терзают ваше тело, – продекламировала я, расхохотавшись.

– Браво, – бросил Александр, – вы великолепны.

А я лукаво добавила, напустив на себя дразнящий чувственный вид:

– И не вы ли также в нашу первую брачную ночь вместо того, чтобы грубо овладеть мною, принялись сначала разглядывать меня раздетую, а потом пробормотали как Нерон, созерцающий полуобнаженную Юнию: я «очарован столь дивной картиной»! И наконец, разбудив меня, вы могли бы сказать мне с должной деликатностью и любовью, что я

вырванная из сна, красива без прикрас,
одним природы даром...¹⁸

– Вы меня окончательно сразили, моя прекрасная Юния, – с улыбкой заявил Александр.

Среди придворных одни, пуритане и лицемеры, возмутились этими александрийскими стихами; другие же, так ничего и не понявшие, пришли лишь для того, чтобы дать себя убаюкать расиновской мелодичностью, чья сладострастность ласкала их чувства.

Сила намека куда красноречивее, нежели все, что проговаривается открыто; в этом, безусловно, и заключается могущество эротики! Я поняла, что запретное желание не могло бы найти лучшего, более полного выражения, чем в этих стихах.

В нашем обществе такие желания оставались скрытыми и не смели обнаруживаться въяве. По этой причине все чувства и страсти проявлялись обиняком; этим и объяснялось горячее увлечение мужчин балетными спектаклями, вызывавшими бури аплодисментов и крики «браво, браво, браво!».

Длинные затянутые в трико ноги изумительных балерин Каменного театра будоражили куда больше, нежели демонстрировали в действительности; соблазнительных пачек и откровенно вольных до двусмысленности поз танцовщиц было вполне достаточно, чтобы удовлетворить мужское нездоровое любопытство и вызвать эротичный трепет, при том что даже самая суровая мораль не нашла бы повода для упрека.

При любых обстоятельствах двор сохранял неколебимую сдержанность; ничто нельзя было выставлять напоказ... Суверен, подобно мраморному сфинксу, был тому блистательным символом; он никогда не выказывал никаких чувств; спокойные, непроницаемые, безмятежные придворные наблюдали за императором и вели себя в соответствии с тем, как держался он сам. Царь задавал ритм биению сердца империи.

Хорошим тоном считалась аристократическая сдержанность, что бы ни случилось, даже при самых трагических событиях. Император подавал пример: так, когда ему доложили об окончательных результатах расследования по делу декабристов, он просто и совершенно спокойно сказал:

– Я поступил крайне милосердно: из ста тридцати одного заговорщика я сто двадцать шесть сослал в Сибирь и лишь пятерых приговорил к смерти...

Он специально выработывал в себе некую нечувствительность; его панцирь делал его непроницаемым для всего; в этом была и его сила, и его слабость.

---

¹⁸ Цитата из трагедии Жана Расина «Британник», перевод с франц. Э. Л. Линецкой.

* * *

Возвращаясь к моему замужеству, должна сказать, что если для моей матери оно стало неоспоримым коммерческим успехом, то Александр относился к нему как к прекраснейшему охотничьему трофею среди прочих его побед, которым он вел учет. Все имена тщательно вносились в реестр, которому он дал название «список МЕФИСТО». Он не без оснований выбрал подходящее слово... а я решила показать ему, что такое настоящая «дьявольская» победа!

Александр редко проявлял сочувствие, когда я грустила или была в смятении, – он этого просто не замечал. После каждой ссоры он искал примирения и готов был все отрицать и идти на любые уступки, но не для того, чтобы понять, в чем причина наших расхождений, и найти выход, нет, он преследовал иной интерес. Его торопливое желание заключить мир диктовалось единственно нетерпеливой жадой физического обладания. Дабы добиться своего и удовлетворить свои инстинкты, он был готов на любые уступки, любое малодушие.

Я не раз удивлялась, как столь умный и гениальный человек, совершивший коренной переворот в русской поэзии и литературе, смеющийся говорить о политике с государем и противоречить ему, так вот, как подобный мужчина мог влюбиться в шестнадцатилетнюю девочку, какой я была, когда он впервые меня увидел. Когда мои самые близкие подруги или же несчастливые поклонники задавали мне вечный вопрос – почему вы вышли замуж за Александра Пушкина, я могла лишь пожать плечами в ответ и тяжело вздохнуть; мне было стыдно раскрыть правду. В глубине души мне всегда казалось, что я стала послушной мученицей, жалкой ставкой в мошеннической сделке.

Пеняла ли я на мать? Нет; на ее месте, чтобы спасти семью, возможно, я поступила бы так же. Меня ранило другое: полное отсутствие чувств и переживаний с ее стороны, та черствая холодность, с какой она вела торги.

По каким объективным причинам Александр выбрал именно меня?

Когда я перебираю его письма, то нахожу в них лишь литературные экзерсисы, которые он посылал каждой из своего донжуанского списка. Достаточно заменить одно имя другим; позже я получила тому эпистолярное доказательство. В очередной раз он вообразил себе новую идиллию, только теперь этой идиллией оказалась я!

Огромное число тех, кто пал его добычей, служит подтверждением, что его влекла не любовь, а ИДЕЯ любви!

Мсье де Лафайет, мой учитель философии, без сомнения, отнес бы его к платоникам...

10. Ты и вы

Однажды утром, через два дня после нашей свадьбы, меня ждал сюрприз: проснувшись, я увидела у себя на кровати чудесную алую розу, а при ней стихотворение «Ты и Вы». Александр особо подчеркнул, что написал его для меня, и я была очень тронута; мужчина постоянно писал мне стихи, и какой мужчина, величайший поэт России, Александр Сергеевич Пушкин! Мне исполнилось всего восемнадцать лет; какая новоиспеченная супруга не была бы очарована, получив столь романтический подарок наутро после брачной ночи?

А позже я случайно узнала, что в 1828 году он посвятил именно это стихотворение нескольким женщинам, и та, кому оно в действительности предназначалось, звалась вовсе не Натальей Николаевной, а... Анной Олениной! Он так в нее влюбился, что даже вознамерился жениться – редчайший случай. Закоренелый холостяк, он поддерживал свою репутацию гуляки и в данном случае полностью ее оправдал.

По случаю помолвки семейство Олениных устроило грандиозный прием; Анна облачилась в роскошное платье, специально выписанное из Парижа. Прибыли многочисленные гости, царила атмосфера всеобщей радости и веселья, со всех сторон слышались добрые пожелания; короче, этот день обещал стать для присутствующих памятной датой. Заранее решили доставить особое удовольствие Пушкину, всегда отмечавшему важные события шампанским; «благословенное вино», как он его называл, лилось рекой. Отец Анны заказал его во Франции через мсье Бонэ, официального представителя мадам Клико в России; та только что зафрахтовала целый пароход с внушительным грузом бутылок в количестве двадцати тысяч, дабы затопить Санкт-Петербург и Москву. Кстати, в ее честь это вино прозвали «Кликовским». Родители жениха и невесты наперебой расцеловывались с гостями и без усталости обменивались поздравлениями.

Однако в самый разгар счастливого празднования на собравшихся легла тень: разнесся слух, что император не питает к Александру добрых чувств. Тот сам признал, что является автором скандального и богохульного произведения – «Гавриилиады». Пушкин принес царю письменное покаяние, но действительно ли государь простил его?

Гости давно собрались, и все с нетерпением ожидали знаменитого жениха, но в последний момент тот увильнул, скрылся и сбежал в Москву! Возникло предположение, что верх взяла боязнь потерять свою независимость, отказаться от привычек свободного человека; на самом же деле Анна совершенно не соответствовала идеалу девушки, на которой он мечтал бы жениться: свежей, невинной, хрупкой, с девственной душой, но пылким женским темпераментом.

– Вам понравилось мое стихотворение «Ты и Вы»? – спросил меня Александр.

– Я в восторге, – ответила я. – Мне никогда не приходило в голову столь тонкое различие между этими двумя мирами!

Зная, как многосторонне и необъятно эрудирован Александр, я рискнула сделать ученое замечание:

– Переиначивая немецкого поэта Гете, можно сказать, что для вас «Ты» означает не *«избирательное сродство души»*, а скорее *«душещипательное»*...

Довольная собой и гордая тем, что мне удалась игра слов, казавшаяся мне высокоумной, я ждала, что скажет Александр, но напрасно: он, оставаясь невозмутимым, и бровью не повел. Я попыталась исправить случайную неловкость и добавила, правда, раздраженно и чуть резко:

– Вы имеете в виду «сердечное» Ты. Полагаю, вы в него вкладываете нечто особенное, вроде знака небесного. Не обижайтесь, но мне кажется, что эти стихи предназначались не мне!

Александру стало не по себе, он покраснел от смущения и, делая вид, что пропустил мои слова мимо ушей, попытался увести разговор в сторону...

– Если бы вы лучше знали мою мать, – не дала себя отвлечь я, – вы бы сразу поняли, что, когда она говорит «ты», в этом нет ничего «сердечного»! Она использует его со слугами не для того, чтобы установить с ними теплую дружественную связь, а, напротив, желая насладиться своей властью. Это позволяет ей презирать их, унижать, оскорблять. В обращении на «ты» к служанке нет ничего случайного, это сразу определяет соотношение сил, ставя ее в положение зависимое и подчиненное и тем самым низводя на низший уровень; разве она физически не обязана служить нам? Она наше имущество, как и прочие крепостные, настоящие рабы своих владельцев.

– Должен признаться, что стих, который я вам преподнес, ранее предназначался другому адресату. Винюсь, мне стыдно, но я так хотел понравиться вам и покорить ваше сердце, что решил схитрить; понимаю, Наталья, что это не делает мне чести, и нижайше прошу простить меня.

Вы правы, я придал особое значение и превознес это «Ты», которое вовсе того не стоит. Оно служит чем-то вроде лазейки для чувств, помогающей добиться своих целей. На самом деле для меня «Ты» так же ненавистно, как для вас «Вы». Что меня пугает и настораживает, так это жалкое, ужасное «Ты», пробуждающее вас на заре и жестоко отрезвляющее зрелищем двух утомленных тел, жадно любивших друг друга; и тут унылая хмурая реальность вновь вступает в свои права.

– Вы прекрасно помните все ваши победы! – заметила я. – Хотите сказать, что стоит сорвать маску «Вы», как вместе с ней испаряется тайна?

– Именно так, исчезает идеальное существо ваших грез и мечтаний; его образ рассыпается, постепенно уходя в пустоту. Меня всегда ужасало на рассвете это приличествующее «Ты», произнесенное словно для того, чтобы освятить эти мгновения экстаза.

Наталья, если я обращусь к вам на «ты», у меня возникнет ощущение, как в конце симфонии, будто я услышал глухой удар финального гонга, изданный большим барабаном, последний всхлип тромбона, звук сорвавшегося смычка или фистулу задохнувшегося тенора!

– Вот уж странное сравнение.

– Полагаю, что, настрадавшись от отсутствия материнского тепла, вы идеализировали обращение на «ты», – подшучивая надо мной, заметил Александр.

Я направилась к самовару и вдруг услышала за спиной властный, требовательный голос:

– Скажи-ка, Наталья, ты не видела мои башмаки? И ты что, еще не приготовила чай?

Я замерла в растерянности, бросив на него испуганный взгляд. Все очарование исчезло, Александр только что наглядно и убедительно продемонстрировал, что после перехода на «ты» ждать больше нечего. Горизонты исчезают, воображаемому миру внезапно приходит конец.

– Наталья, вы, конечно же, как и я, почувствовали всю прямолинейность, жесткость и грубость такого обращения. В нем деспотизм по отношению к тому или к той, кто не давал на это согласия. Некоторые используют его, просто чтобы принизить собеседника, стоящего выше них, будь то в общественном плане или в интеллектуальном.

– Но почему же тогда, Александр, вы, ратуящий за аристократичность в общении, называете на «ты» своих друзей?

– Это совсем иное дело, мое «Ты» с ними выражает степень нашей близости, некое слияние наших душ.

– Слияние душ, – повторила я, – как прекрасно то, что вы говорите!

– Как и узы, связывавшие Монтеня и Ла Боэси, о которых Монтень написал, что любил своего друга, *«потому, что это был он, и потому, что это был я»*.

– Это чудесно...

– Да, и свидетельствует о глубокой и светлой дружбе, которая их объединяла; кстати, не скрывает ли это блистательное изречение некоей связи иного порядка?

– На что вы намекаете?

– Меня всегда интриговала эта фраза; вы хоть осознаете, Наталья, какая сила, какая мощь вложена в эту мысль. Никогда мужчина не смог бы сделать подобное признание любимой женщине.

– Но обратное нетрудно себе представить, – с улыбкой заметила я.

– Нет, не думаю, – возразил Александр, – ведь такое признание в любви, если уж называть вещи своими именами... отражает стремление к пламенному слиянию двух тел и двух душ; Монтень говорит об открытой любви, не знающей ни страха, ни притворства, ни стыдливости. Больше нет вечного соперничества между мужчиной и женщиной, никто не значимее другого, это встреча двух альтер эго.

– Иначе говоря, вы бы никогда не произнесли этих слов, думая обо мне?

Александр ответил:

– Разумеется, нет, ведь между нами однажды возникнет соперничество, соревнование в обольщении.

Я поняла, что такие ораторские поединки доставляли Александру огромное удовольствие. Он получал несказанное удовлетворение от блистательной демонстрации передо мной своих талантов диалектика. И я продолжила:

– Почему вы придаете такую важность обращению на «вы»? Таков ваш способ защититься?

– Нет, вовсе нет. Но я испытываю к ВАМ трансцендентальную любовь!

Я вытаращила глаза, взгляделась в Александра, но он ничего не пил. Я не понимала, зачем столько туманной высокопарности. И всего-то, чтобы просто сказать женщине, что она любима. Может, поэты только так и говорят. Придется привыкать.

– Наталья, обращение на «вы» уберегает нас от вульгарности в человеческих отношениях, ограждая от грубости. Если однажды мы поссоримся, учтивость не позволит нашим разногласиям погрязнуть в пошлости.

Я расхохоталась.

– Что вас так развеселило, Наталья?

– Ваши рассуждения заставили меня вспомнить знаменитую перебранку между Наполеоном и его министром Талейраном.

– И что тогда произошло?

– Наполеон и Талейран поссорились; вне себя от гнева, Наполеон заявил: *«Господин Талейран, ВЫ просто дерьмо в шелковых чулках!»* и вышел вон. Задетый Талейран сохранил невозмутимость, но сквозь зубы процедил: *«Как жаль, господа, что такой великий человек столь плохо воспитан!»*

– И в самом деле, – сказал Александр, – какой гениальный и прекрасный ответ!

– Не кажется ли вам, что ваше преклонение перед обращением на «вы» несколько чрезмерно?

– Нет, для меня такое обращение – это мое пространство свободы, отчасти сродни иронии и юмору; это необходимый зазор между людьми и вещами, между человеком и его внутренней сущностью.

– Прекрасное определение; ваше?

– Разумеется, и будь я чуть заумным философом, то сказал бы, что обращение на «ты» имманентно, а вот на «вы» трансцендентно.

– Что это означает?

– Всего лишь, что «Вы» дает мне свободно дышать, а «Ты» душит!

– То, что вы говорите, очень забавно. Это и есть философия?

– Отчасти, – улыбнулся он. – Я не люблю, когда со мной легко переходят на «ты». Это разновидность насилия. «Ты» должно быть совместно принятым выбором, иначе это принудительная дружба, притворная. Вот почему я предпочитаю общаться на «вы» – вовсе не потому,

что хочу надеть маску, но я желаю, чтобы ко мне проявляли уважение; вынужденная близость внушает мне отвращение, я испытываю невыносимое чувство незваного вторжения. Видите ли, Наталья, аристократизм обращения на «вы» дает другому возможность БЫТЬ... Не могу удержаться, чтобы не привести давнюю цитату – «*быть или не быть*».

Намного позже меня словно озарило: я поняла истоки и зарождение неприязни Александра к Жоржу! Они познакомились в знаменитом ресторане «Дюме», месте встреч интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга. Когда Жорж, только-только приехавший из-за границы, зашел в зал, все столики были заняты, за исключением единственного, рядом с Александром – судьба или рок?

Жорж услышал, как Александр говорит по-французски, и наострил уши; со своей обычной раскованностью и самоуверенностью он нашел способ заговорить, отпустив соседу комплимент за блестящее владение языком Мольера. Он знать не знал, кто такой Александр! Позже Жорж хвастался этим неожиданным знакомством, он не только гордился им, но и описывал на свой лад, пародируя басню Лафонтена «Ворона и Лисица»¹⁹.

– Мне бы следовало сказать Александру Пушкину, – веселился он: – «Мсье Пушкин, ежели, братец, при красоте такой и петь ты мастер, то ты у нас царь поэтов...».

Гордясь своим красноречием, Жорж решил продолжить пародию, но смог лишь вульгарно добавить:

– Пушкин каркнул во все горло, стих выпал!

Его импровизация провалилась.

Все друзья-кавалергарды Жоржа восхищались его прибаутками и шутовскими выходками. Он обожал паясничать и каламбурить, а особенно – вернуть к месту добрую остроту; несколько как бы тонких и ученых замечаний, имеющих целью завязать доверительные отношения с Александром, и тот был очарован. Он проникся сочувствием к бедному, только что приехавшему французскому офицеру и пригласил его в дом. Продолжая в духе другой басни Лафонтена, он запустил волка в овчарню!

За столом воцарилась приятная атмосфера, искрились остроты и игра словами. Жорж, очевидно, в избытке самоуверенности, совершил роковую ошибку, которая возымела непредсказуемые последствия. Желая укрепить наметившуюся близость, он посмел перейти с Александром на «ты»! Несчастный проявил дерзость, и Александр никогда так и не простил ему неподобающей фамильярности; промах Жоржа оказался непоправим.

Однако Александр не мог взять обратно свое слово и подтвердил приглашение в гости. Но вернемся к моей беседе с Александром.

– Короче говоря, Наталья, вы теперь понимаете, почему местоимение «вы» мне нравится?

И сам ответил на собственный вопрос:

– Оно звучит как первый аккорд мелодии, словно птица вспархивает с ветки, или распахивается окно, или с хрустальным звоном соприкасаются бокалы после тоста, или жизнь моя освещается солнцем; мне сразу вспоминается удар молнии при нашей первой любовной встрече!

– Вы стали очень поэтичны! – иронично бросила я. – Как ни странно и ни парадоксально, но по причинам, не имеющим никакого отношения ко всему остальному, время от времени, повторяю: время от времени меня тоже вполне устраивает обращение на «вы». Я по натуре робка и сдержанна, как вы уже заметили; я подобна стране, защищающей свои границы. Такое «вы» создает панцирь, уберегающий меня от вульгарности мужчин и их попыток вторгнуться

---

¹⁹ Здесь и далее Жорж Дантес говорит исключительно по-французски (он не владел русским языком). Для простоты изложения мы приводим его слова в переводе.

в мою жизнь. Тут мы с вами заодно, это, конечно же, род брони. Я пребываю в своем укрытии, имея достаточно времени, чтобы понаблюдать за собеседником и оценить его.

Александр слушал меня очень внимательно.

– Наталья, должно быть, тяжело быть ребенком и ни разу не услышать нежного «ты» от своих рара и маман; само такое «ты» и защищает, и утешает.

После долгого молчания Александр пристально на меня посмотрел и самым серьезным образом произнес:

– Natalia, puis-je vous embrasser?²⁰

Я расхохоталась!

– Нет, нет, – сказал Александр, – я не шучу. Puis-je vous embrasser? – повторил он.

– Александр, сегодня будет третья ночь, как мы вместе, и вы задаете мне такой смешной вопрос! И почему не на «ты»?

– Мне кажется, что сочетание личного местоимения «вы» и глагола «поцеловать» составляет одну из самых эротичных фраз во французском языке; это словно притяжение между двумя полюсами магнитов или двумя любовниками.

– Александр, я слышу речь пресыщенного аристократа; можно подумать, вы опасаетесь моего соседства. Это «вы» отдаляет меня, оставляя в одиночестве, оно было проклятием всей моей жизни с родителями. Начиная с самого раннего детства, именно мать настойчиво навязывала его и сестрам, и мне самой. Называя нас на «вы», она как бы обеспечивала себе право не целовать и не обнимать нас; оно служило прекрасным поводом лишить нас своей любви и привязанности, которые, кстати, были ей совершенно неведомы. Если ей случалось обратиться к нам на «ты», то лишь для того, чтобы отослать в тень, предназначенную для прислуги; это был элегантный способ убрать нас из семейного круга, а главное – обозначить нашу незрелость. Всю жизнь «вы» было преградой, погрузившей мое детство и отрочество в одиночество, пеленой, сквозь которую я с трудом различала мир чувств и ощущений; я лишь догадывалась о существовании этого мира, но доступа туда мне не было. Я всегда мечтала встретить человека, которому могла бы ВСЕ РАССКАЗАТЬ: открыть свои страхи, надежды и мечты; признаться во всем, уйти от себя, смирить свой разум.

Знаете, Александр, для нас, русских женщин, возможность все высказать – это знак высшего блага.

Мне так хотелось бы разбить эту стену «вы», чтобы оказаться ближе; подруги в разговорах признаются в том же желании; но ВЫ внушаете мне робость и не даете выразить все, что я думаю; один ВАШ взгляд парализует меня, и я теряюсь.

Александр расхохотался.

– Вам смешно, и однако это правда; вот прямо сейчас я ощущаю расхождение между моей мыслью и моими словами; чтобы вы меня лучше поняли, я расскажу легенду об Аниме и Анимусе, может, вы ее знаете?

– Нет, нет, слушаю вас.

– Легенда гласит, что Анима безумно любила Анимуса; когда она оставалась одна и никто ее не видел, она чудесно пела, превознося любовь, которую питала к Анимусу. Однажды Анимус, снедаемый любопытством, захотел застать ее врасплох, но Анима заметила его и в ту же секунду замолкла навсегда...

– Чудесная и грустная история, – откликнулся Александр. – Но кто из нас Анима, а кто Анимус?

– Так вот, вы Анимус, а я Анима.

– С одним лишь отличием...

– Каким же?

---

²⁰ Наталья, могу ли я вас поцеловать? (франц.).

– Вы-то не любите меня «безумно»!

– Верно, но, как я уже говорила, когда я высказываю мысли, которые кажутся мне глубокими, мой голос срывается; Александр исчезает, уступая место Пушкину!

– Картина и забавная, и скорбная; объяснитесь, прошу вас, – сказал Александр.

– Ваша слава поэта и мыслителя лишает меня дара речи.

– Вы преувеличиваете, Наталья.

– Нет, нет, это правда, мои слова искажают мою мысль; вы наверняка считаете меня простушкой! Когда я слышу, как вы беседуете с госпожой Россети или с госпожой Фикельмон, я чувствую себя смешной. Обе они владеют несравненным мастерством, их слова согласны с их мыслями, каждое словно мыльный пузырек, возникающий, раздувающийся и улетающий ввысь! Это просто чудо, я не могу оторваться от их губ, словно с них слетают одна за другой жемчужины четок. Я впадаю в настоящий экстаз, меня завораживает их воркование...

– Вы завидуете? – спросил Александр.

– Да, я не устаю смотреть на них и слушать, это волшебные мгновения; меня обволакивает мягкий речитатив, я даже не стараюсь уловить смысл их речей, да меня это и не интересует. В сущности, они не говорят, а поют! Иногда, конечно, им случается сказать глупости, но они щебечут их с таким очаровательным трепетом, что я совершенно пленяюсь.

– Не стоит сравнивать себя с ними, Наталья, ведь им посчастливилось получить привилегированное образование: их культура – плод многих поколений.

– Я завидую тому, как вы обмениваетесь с ними мыслями. Я тоже желаю такого всеобъемлющего и настоящего общения с вами. Я понимаю, что строю иллюзии, но мечтаю об этом. Нам бы следовало забыть про наше детство, отрочество и юность.

– Что именно, в сущности, вы ставите мне в упрек?

– По правде говоря, я думаю, что вы злоупотребляете своей ученостью, чтобы убедить меня в своей правоте; будьте скромнее. Станьте *tabula rasa*, как говорят философы; будьте проще! Скорее всего, от вас это потребует усилий, ведь ваша чисто мужская природа стремится во всем и всегда брать верх. Когда вы устаете говорить со мной, то, желая положить конец разговору, вы оглушаете меня историческими аргументами или же литературными отсылками; вы даете понять, что не грех бы мне вернуться за школьную парту! Александр, лишь вашим очаровательным мыслительницам, вроде госпожи Александры Россети, дозволено спорить с вами, а то и переубеждать; она даже осмеливается подвергать вас суровой критике и заставляет переписывать черновики!

– Вы придаете этим дамам слишком большую важность, – возразил Александр. – Они всего лишь доброжелательные критики.

– Вы решительно ничего не понимаете!

Отчаявшись, я записала тогда на листке бумаги, который всегда прятала:

Он смотрит на меня, но не видит.

Он слушает меня, но не слышит.

Он говорит со мной, но не вступает в разговор.

Я знаю, что однажды покину его.

11. Литературное творчество

Вернувшись в четыре утра с бала, я не легла спать.

Александр, сохраняя полное достоинство, не позволил себе ни единого знака неодобрения; для отвода глаз он задал мне несколько незначительных вопросов о прошедшем вечере, делая вид, что прекрасно осведомлен о моем ночном времяпрепровождении. Идеальный муж, униженный, но благородный!

Когда я вернулась, дети еще спали. Я тихонько зашла к ним, чтобы поцеловать во сне; маленькие ангелочки с приоткрытыми ротиками, все еще во власти чудесных сказок Шарля Перро, которые замечательная французская гувернантка Сесилия им читала. В таком же возрасте Александр благоговейно заслушивался русскими народными сказками, которые рассказывала ему Арина Родионовна. Нет сомнений, эти фантастические сказания, которые она наговаривала мальчику на сон грядущий, помогли вылепить творческое воображение Александра. Что до Светланы, теперешней няни, которая заняла место Арины, она тоже читала детям сказки – те, которые написал их папа; и папа с нетерпением ждал, как они им понравятся.

В семь часов Мария и Александр доедали свои пирожки и допивали молоко. Они ничего не говорили, но я чувствовала их немой укор; за столом царило тяжелое молчание. Их чистый, невинный и осуждающий взгляд давил на меня, как свинцовая крышка.

Я больше не была нормальной мамой, нет, я стала заезжей чужестранкой, которая навязывала семье свой ритм жизни. Я почувствовала, будто меня исключили из круга.

Я поймала себя на мысли: эти дети, этот мужчина – кто они?

Любила ли я своих детей? Я часто задавала себе этот вопрос; я не была плохой матерью, но моя нежность к ним была машинальной – моральный долг по отношению к Александру и общественный по отношению к нашему окружению.

Да, я была лишена материнских чувств; однако вечером я спрашивала у кухарки, какую еду она им приготовила, и проверяла, сделала ли с ними гувернантка домашние задания. Я получала от нее подробный отчет об их поведении за время моего отсутствия. Гувернантка также следила за их одеждой.

Когда я возвращалась домой, Александр, в очередной раз отказавшийся меня сопровождать, работал в своем кабинете.

Зрелище пребывающего в лихорадочном возбуждении поэта завораживало и волновало меня. Забившись, как мышка, в уголок, я затаив дыхание наблюдала за тем, как Александр писал, и это казалось мне чудом. Стол был завален десятками исписанных, исчерканных и разорванных страниц; столько же валялось на полу у его ног – смятых, искромсанных, скомканных в шар. Рождение шедевра!

Иногда он останавливался, долго пытал своей трубкой, жадно и глубоко затягиваясь едким дымом, прежде чем через несколько секунд с нескрываемым наслаждением выдохнуть его в потолок.

Внезапно его пристальный взгляд упирался в стену, словно он что-то искал; наконец он находил свою невидимую точку и вновь с удвоенным пылом принимался за работу.

По напряженности его взгляда, по прищуренным векам и изогнутым в гримасе губам я легко могла угадать, движет ли его героями и героинями страсть, бунт или ненависть.

Когда вдохновение уходило, он вскидывал голову, глубоко вздыхал, кусал или грыз энное гусиное перо и снова склонялся над листом, целиком погружаясь в творчество.

Существовала чувственная, плотская связь между пером и бумагой. Я поняла это, пока подсматривала: он то тщательно выводил жирные черточки, то выписывал тонкие штрихи, то размашистые или сжатые извивы; или же, напротив, на страницу ложились изящные нервные строки, в которых находило отражение все богатство его воображения.

Он завораживал в этом истинном единоборстве: его перо кусало и царапало девственный листок, а тот принимал это поэтическое соитие.

При бледном свете свечи я могла различить на его напряженном сморщенном лице его чувства и настроения; его перо передавало бумаге ту силу, которую он стремился в нее впечатать.

Он представлял собой волнующее зрелище: распахнутая рубашка, одежда в беспорядке, блуждающие глаза, взлохмаченные волосы, левая рука вцепилась в край стола, правая порхает в лирических жестах; отрезанный от мира, он сочинял стихи для вечности!

Глядя на эти валяющиеся на полу скомканные страницы, я спрашивала себя: силой какой магии они однажды будут напечатаны, переплетены, проданы, разойдутся повсюду и их будут читать вся Россия и весь мир.

Мысль была очень простой. Кто смог бы вообразить это межзвездное путешествие: от лихорадочного творчества Александра за его секретером до изголовья одной из его читательниц?

Мы мало разговаривали, нам нечего было сказать друг другу, я предпочитала жить своей внутренней жизнью, не слишком интересуясь тем, что он писал. Однажды я повела себя с ним неуважительно, теперь меня мучают укоры совести. Однако он часто просил меня переписать набело его черновики, что я делала весьма охотно.

Откровенно говоря, я бывала несправедлива и напрасно сердила его; хотя я не слишком увлекалась поэзией, мне нравился ритм его творений: текучая музыка его коротких и острых стихов была поразительна. В трех-четыре слова он описывал пейзаж, сцену, атмосферу; Александр, как истинный художник, несколькими мазками передавал то, что было в них главным, а следовательно – невыразимым.

Однажды вечером мы поздно возвратились из театра; едва зайдя в дом, Александр устремился в свой кабинет, словно что-то там позабыл.

– Вас что-то беспокоит, Александр?

– Нет, нет, но у меня мелькнула одна мысль для моего романа, и я немедленно хочу перенести ее на бумагу...

Я подождала, пока он закончит, и сказала:

– Любопытно, вдохновение – это как мучащая жажда! Верно?

– Именно так, Наталья Николаевна, я увидел своих героев; иногда они отказываются говорить со мной на протяжении долгих часов, а то и дней.

– Как странно, а я-то полагала, что писатель, напротив, порождает своих персонажей, лепит их и управляет ими по своему усмотрению: может заставить их исчезнуть, умереть или же, в случае необходимости, дабы не разочаровывать читателей, воскресить!

– Нет, нет, Наталья, что до меня, то я лишь даю им рождение, но они ускользают от меня и не желают подчиняться моей власти. Я оставляю их свободными, чтобы они проявили свой характер, утвердили свою индивидуальность, проявили свое воображение; я всегда испытываю к ним сентиментальное влечение.

Что же касается женщин, я стараюсь не делать их слишком обольстительными, чувственными или вольными, я слежу за их поведением: конечно, пусть будут влюбленными и страстными, но они должны избегать избытка неверности. Короче, почти во всех своих произведениях я вынужден многое вымарывать!

И однако, как ни странно, мне случается испытывать ревность к героине, которую я создал! В поэме «Полтава» я вообразил, что ослепительная Мария Кочубей, по натуре скромная и сдержанная, безумно влюбляется в Мазепу, человека для своей страны легендарного, но в летах. Чем реальнее я его делал, тем больше ему завидовал; я правда не понимал, что притягательного могла в нем найти обворожительная Мария! Я любил Марию; как мое чадо могло обманывать меня с этим дряхлым стариком?

Сходное ощущение посетило меня, когда я проводил ночи с Онегиным, Татьяной и Ленским. Этот самодовольный, претенциозный хлыщ Онегин посмел пренебречь прекрасной, чистой и наивной Татьяной – сама мысль была мне непереносима. К тому же я предполагал, что он окажется существом бессердечным с задатками безнравственного убийцы.

Не знаю, испытывают ли то же самое мои собратья по перу, но я быстро проникаюсь сочувствием или антипатией к моим героям; это и неразумно, и не профессионально, но меня так поглощает атмосфера, которой они дышат, что я невольно чувствую с ними почти родственную связь.

Мои персонажи без колебаний вмешиваются в мои разговоры, они противоречат мне, особенно женщины... больше того, они даже позволяют себе высказывать критические замечания о собственных ролях! Они утверждают, что в подобной ситуации никогда бы не сказали ту или иную реплику.

И я осознаю, что в приливе предвзятости иногда набрасываю шарж на персонажей, которых встречаю на балах. А ввиду того, что я все чаще бываю при дворе, мне приходится близко общаться со сливками высшего света; я тщательно стараюсь не выставлять напоказ их изъяны и пороки; отныне я пытаюсь продвигаться в маске, опасаясь, что иначе меня обвинят в том, что я пишу зашифрованные романы, этакие *romans à clés*.

Должен признаться, Наталья, что мне случается проявлять крайнюю осторожность в своих писаниях, приходится прибегать к чему-то вроде самоцензуры, я кромсаю сам себя из страха, как бы кто-либо из родных или же друзей не узнал себя в изображении, а то и карикатуре, которые я создал.

Вы и представить себе не можете, что значит груз подобного тиранства, это моя вечная боль. Прежде чем что-либо опубликовать, я должен удовлетворить обычную цензуру, полицию генерала Бенкендорфа и капризы императора, который к тому же даже не читает моих произведений, а слепо доверяет своим советникам. Даже мой верный друг и ангел-хранитель Василий Жуковский советует мне смягчать свои творения. На свой манер он пытается заткнуть мне рот этой якобы отеческой опекой; что до императора, он требует, чтобы я был близок к нему, все ближе и ближе, ибо так легче контролировать меня и душиить; и оба стараются, с самыми добрыми чувствами, разумеется... подрезать мне крылья!

В сущности, меня пытаются выхолостить... скоро я стану умственным кастратом! – с самым серьезным лицом пошутил Александр. – Часто у меня случаются приступы настоящего ужаса: когда я пишу, то спрашиваю себя, не стоит ли кто-то у меня за спиной, подглядывая за каждой строкой. После любого имени существительного, глагола или прилагательного я так и жду, что в конце фразы на меня обрушится нож гильотины. Бывает, что я переписываю свои тексты: если мои герои слишком мятежны, я выбираю самое мягкое словечко, дабы не задеть августейшую власть; если высказывают скептицизм в отношении религии, если они богохульники или атеисты, я нахожу им извинения и даю понять, что они стоят на пути искупления!

И наконец, если они циничны и жестоки, я стараюсь сделать их более человеческими или придумываю для них смягчающие обстоятельства, намекая на несчастливое отрочество, беспутную юность, родительское отступничество.

Мне стыдно, но жить-то надо; выбор прост: чтобы поддерживать семью, обеспечивать существование, достойное моего имени и репутации, я должен, подобно Галилею, отказываться, отрекаться и отступаться.

История, конечно, назовет меня трусом, но, ежели вам так угодно, пусть Земля будет плоская, а солнце встает на западе и закатывается на востоке...

– Я искренне вам сочувствую, Александр; я и вообразить не могла такое давление, такую постоянную зависимость. Я благодарю вас за то, что вы поделились со мной тайнами того, как рождается литературное произведение! До сих пор, читая книгу, я никогда не представляла, какие отношения связывают писателя с его созданиями.

После этого разговора я вернулась к себе в спальню и уже собиралась лечь в постель, когда увидела, как мне под дверь скользнул конверт; я открыла его и прочла:

Mon cher Ange,

Comme vous semblez très intéressée par la création littéraire, je vais vous confier un petit secret, je l'appellerai: La Mélodie Française des Accents; il vous permettra, si vous le souhaitez, de maîtriser l'art de l'écriture et devenir une grande épistolière!

Au moment où j'entame cette lettre, je sais hélas qu'elle va s'arrêter et buter brutalement sur un terrible POINT. J'en ai horreur, il marque la fin d'une aventure sentimentale et ponctue le plus souvent une tragédie. Après lui, c'est le néant, aucun espoir de résurrection.

Je n'ai plus l'espoir d'utiliser ces POINTS DE SUSPENSION qui ne disent rien, mais qui permettent toutes les interprétations possibles; ils soufflent les vents de l'inconnu et laissent place aux mystères. Ce sont de vils courtisans, ils flattent l'intelligence du lecteur, lui laissant à penser qu'il a compris la subtilité des propos...

Mais, à la vérité, mes deux préférés sont le POINT D'EXCLAMATION et le POINT D'INTERROGATION.

Le premier est le symbole de l'ironie, or, comme vous le savez, l'ironie, c'est la liberté! Le second nous permet d'explorer tous les univers de la poésie; c'est lui qui donne des ailes à mon imagination, c'est lui qui m'autorise à tout oser, par exemple: Dieu existe-t-il?

J'ai horreur des DEUX POINTS: c'est l'apanage des rationalistes qui veulent tout expliquer, alors que l'on ne peut rien expliquer; par définition, ils sont antiromantiques. Je suis sûr que Byron ne les utilisait jamais!

J'apprécie la VIRGULE, elle est légère, primesautière, bavarde, infatigable; elle adore raconter des histoires qui ne finissent jamais, elle n'a qu'un rival: «et», mais, lui, il est lourd et pesant, il semble avoir toujours oublié quelque chose; il ne sait pas s'arrêter et il est pris souvent d'incontinence!

Les GUILLEMETS sont prétentieux, imbus d'eux-mêmes; ils veulent être remarqués et toujours occuper le devant de la scène: «ils espèrent être éternels et marquer l'Histoire».

Le TRAIT D'UNION, comme son nom l'indique, est pour la paix, l'entente, la réconciliation; c'est le plus diplomate. Il faut l'utiliser plus souvent, sinon il s'enfuit à tire-d'aile.

Le TIRET tire le diable par la queue! Il vit une existence dangereuse, en équilibre au-dessus du gouffre; il s'efforce difficilement de joindre les deux bouts et de concilier les contradictions.

L'APOSTROPHE n'est pas arrogante, comme on pourrait la croire; cependant, elle a horreur de la vulgarité, elle est élitiste, refuse de se mêler à la plèbe ordinaire des autres accents; elle se croit supérieure aux autres, compte tenu qu'elle est haut perchée.

L'ACCENT CIRCONFLEXE est le pater familias, avec cependant une fibre maternelle, il adore protéger mais, surtout, il aime faire la fête.

Quant au TREMA, il est mystérieux, indéchiffrable, provenant sans doute d'une autre planète ou d'une langue archaïque d'une civilisation perdue; son interprétation est fort ambiguë.

N'oublions pas les ACCENTS AIGUS ou GRAVES; ils varient en fonction de l'humeur; AIGUS, lorsque la situation est tendue et complexe; GRAVES, lorsqu'elle est très sérieuse, voire dramatique. Les poètes adoraient les utiliser dans leurs compositions.

Le POINT VIRGULE, l'avant-dernier, est mal à l'aise; il a honte de ses origines; il a conscience d'être un bâtard; fruit illégitime de deux espèces opposées; union scabreuse de ses deux géniteurs, le point et la virgule; il n'a aucune personnalité; il est hésitant et ne sait à quel saint se vouer.

Ma chère Natalia, je vous ai gardé pour la fin, les plus discrètes; le refuge des espions; elles gardent indéfiniment leurs secrets; elles sont flexibles, savent s'ouvrir avec modestie selon le motif et se refermer selon le besoin et l'urgence, ce sont les PARENTHESSES.

J'espère ne pas avoir été trop grave dans mes interprétations, j'ai essayé de mettre l'accent... sur ce qui me semblait essentiel.

Mon cher Ange, j'espère que ce petit conte humoristique vous aidera.

Votre Alexandre.

Позже я забавы ради попыталась перевести это письмо на русский, несмотря на почти непреодолимые трудности, связанные с различиями этих двух языков. Вот что у меня получилось:

«Мой милый ангел,

Раз уж вы, как мне показалось, заинтересовались литературным творчеством, могу доверить вам небольшой секрет, я бы назвал его «Французская мелодия акцентов»; он вам позволит, буде на то ваше желание, овладеть искусством литературного изложения на французском языке и стать выдающимся мастером эпистолярного жанра.

В тот самый момент, когда я приступаю к этому письму, я, увы, знаю, что оно резко обернется на ужасной ТОЧКЕ. Она внушает мне ужас, ибо означает окончание любовной истории и чаще всего предвещает трагедию. После нее наступает небытие без всякой надежды на воскрешение.

У меня больше нет и надежды использовать МНОГОТОЧИЯ, которые сами по себе ничего не значат, но дают простор любым истолкованиям; они дышат ветром свободы и оставляют место для тайн неизведанного. При этом они раболепные придворные, которые льстят уму читателя, заставляя его думать, что он уловил всю тонкость замысла...

Но, говоря по правде, мои любимцы – это ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК и ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК.

Первый есть символ иронии, а, как вы знаете, ирония – это свобода! Второй позволяет нам исследовать все поэтические миры; это он наделяет крыльями мое воображение, это он позволяет мне думать что угодно, например: а есть ли Бог?

Я не выношу ДВОЕТОЧИЕ: это прибежище рационалистов, желающих все объяснить, в то время как ничего объяснить нельзя; оно по определению антиромантично. Я уверен, что Байрон никогда не использовал двоеточие!

Я ценю ЗАПЯТУЮ, она легкая, порывистая, болтливая, неутомимая; она обожает рассказывать истории, которые никогда не кончаются, у нее только один соперник – «и», но он тяжеловесен: все время кажется, что он что-то забыл; он не умеет вовремя остановиться и часто бывает невостребован.

КАВЫЧКИ жеманны и самодовольны; они делают все, чтобы их заметили и всегда стремятся на авансцену: «они надеются жить вечно и размечать Историю».

ДЕФИС, или СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТОЧКА, как явствует из ее названия, – сторонница мира, взаимопонимания и согласия; она самая дипломатичная из всех. Ее следовало бы использовать чаще, иначе она незаметно улечивается.

ТИРЕ только и успевает утираться! Его существование полно опасностей, оно балансирует над пропастью; оно едва сводит концы с концами в попытках уладить противоречия.

АПОСТРОФ не так спесив, как можно подумать; однако он не выносит вульгарности, отождествляет себя с элитой и отказывается якшаться с пошлым плебсом вроде других знаков; он мыслит себя выше прочих, поскольку и вознесен выше.

ЦИРКУМФЛЕКС²¹ – это *pater familias*²², однако с долей материнских чувств; он обожает защищать, а главное – веселиться.

---

²¹ Циркумфлекс – один из пяти диакритических знаков во французском языке, имеет форму ^ и ставится в некоторых случаях над гласными а, е, і, о, u; может влиять на их произнесение.

²² Отец семейства (*лат.*).

Что до ТРЕМА²³, он загадочен, необъясним, безусловно, родом с другой планеты или из какого-то древнего языка забытой цивилизации; его толкование весьма двойственно.

Не забудем про АКУТ и ГРАВИС²⁴; они сменяются в зависимости от настроения – АКУТ, когда ситуация напряженная и сложная, ГРАВИС, когда она очень серьезна и даже трагична.

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ, предпоследняя, всегда чувствует себя неловко; ей стыдно за свое происхождение; она понимает, что по сути всего лишь бастард, незаконнорожденный плод двух противоположных сущностей, сомнительный союз двух своих прародителей, точки и запятой; она совершенно безлика, вечно колеблется, не зная, с какой ноги плясать.

---

²³ *Трема* – один из пяти диакритических знаков во французском языке, имеет форму “”, ставится над гласными e, i, u.

²⁴ *Акут* и *гравис* – диакритические знаки, *акут* – ударение, падающее справа налево, *гравис* – слева направо, влияют на «открытость» звука «э».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.